

ЖИЛБЛАЗЪ

ДЕ

САНТИЛЛАНА.

Сочиненіе Лесажа.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи.

1819 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, предсшавлены были въ Цензурный Комишешъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комишеша, другой для Депаршамента Минисперсшва просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библиотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюня 30 дня 1819 года.

*Цензоръ, Стат. Совѣт. и Кавалеръ
Иванъ Тилковской,*

ЖИЛБЛАЗЪ

ДЕ

САНТИЛЛАНА.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ВТОРОЙ
КНИГИ.

ГЛАВА V.

*Продолженіе повѣсти
о найденномъ перстнѣ.
Жилблазъ перестаетъ лѣ-
зть, и оставляетъ Вал-
ладолидъ.*

Исполнивъ такимъ обра-
зомъ Фабриціеву выдумку,
мы вышли отъ Камиллы,
радуясь удачѣ, которой со-
всемъ не ожидали: мы надѣ-
ялись только на перстень,

Часть II.

а между тѣмъ достали и болѣе. Намъ не только не было совѣстно, что обобрали распутныхъ женщинъ, но казалось еще, что сдѣлали доброе дѣло.— „Господа, ска- залъ намъ Фабрицій на ули- цѣ, я совѣтовалъ бы идти теперь въ любимой нашъ штакширъ: мы шамъ всю ночь повеселимся. Завтра продадимъ подсвѣчникъ, оже- релье и серьги, и раздѣлимъ деньги побратски; а по- томъ каждой изъ насъ пой- детъ домой, и извинится, какъ умѣетъ, передъ своимъ господиномъ.“ — Предложеніе Алгвазила принято было со всеобщимъ одобреніемъ. Мы

всѣ опправились въ шрак-
ширъ; одни изъ насъ надѣя-
лись легко найши отговор-
ку, почему не ночевали до-
ма, а другіе мало заботились
о томъ, когда бы ихъ и со
двора согнали.

Мы заказали себѣ хорошій
ужинъ и принялись за него
съ большимъ удовольствіемъ
и апетитомъ. За столомъ
весьма пріятные имѣли раз-
говоры; а особливо Фабри-
цій, великой мастеръ забав-
лять, смѣшилъ насъ чрез-
вычайно. У него вырывалось
множество острыхъ шутокъ,
наполненныхъ Каспильской
соли, которая не уступала
Ашпической. Во время сама-

го большаго смѣха, веселостъ
наша была вдругъ прервана
совсемъ неожиданнымъ про-
исшествіемъ. Входящъ въ
комнату, гдѣ ужинали мы,
человѣкъ довольно видный,
и за нимъ двое другихъ весь-
ма непріятной наружности.
Потомъ явились еще трое,
и мы насчитали ихъ двѣ-
надцать человѣкъ, которые
всѣ по трое входили. У нихъ
были шпаги и ружья со
штыками. Мы узнали пот-
часъ, что это папрульные,
и догадались, чего имъ было
надобно. Сперва хотѣли бы-
ло мы прошивиться, но они
въ минуту насъ окружили,
и привели въ страхъ какъ

числомъ своимъ, шакъ и оружіемъ.—,,Господа! сказалъ намъ съ насмѣшкою начальникъ ихъ, я знаю, какъ искусно выманили вы перстень у одной плюшовки. Ваша выдумка прекрасна, и заслуживаетъ поржесшвенной награды. Вы непременно ее получите: полиція отведетъ вамъ безденежно у себя квартиру и не преминетъ изъявить свою признапельность за шакое славное дѣло.“ При сихъ словахъ мы всѣ пришли въ великое смущеніе, и почувсшвовали такой же ужасъ, какой навели Камиллъ. — Однакожь Фабрицій, какъ ни былъ блѣденъ и

испуганъ, вздумалъ еще насъ оправдывать. „Государь мой, сказалъ онъ, мы не имѣли дурнаго намѣренія, и пошому, кажется, можно просишь намъ маленькую нашу хитрось.“—Какъ! вскричалъ съ сердцемъ начальникъ папруля, ты еще смѣешь называть это маленькою хитросію! Знаешь ли, что это спойишь висѣлицы? Вы преступили законъ, который запрещаетъ самимъ собою управляться, утащили подсвѣчникъ, ожерелье и серьги; а что всего хуже, нарядились полицейскими. Негодяи осмѣлились одѣваться въ плащъ честныхъ людей для того, чтобы мо-

шенничаютъ! Счастливы будете, если только сошлютъ васъ на галеры.—Когда онъ намъ разшолковалъ, что дѣло выходитъ гораздо важнѣе, чѣмъ мы думали, то всѣ мы бросились къ ногамъ его, просили сжалишься надъ нашею молодоспѣію; но просьбы наши были тщетны. Напрасно предлагали мы ему ожерелье, серьги и подсвѣчникъ; онъ не взялъ даже и моего перстня—можетъ быть потому, что я давалъ его при всѣхъ—короче, былъ неумолимъ. Велѣлъ у моихъ товарищей отобрать шпаги, и повелъ насъ въ городскую шюрму. Дорогою, одинъ изъ

патрульныхъ сказалъ мнѣ ,
 что сшаруха, которая жила
 съ Камиллою , подозрѣвая ,
 что мы не настоящіе поли-
 цейскіе , пошла за нами до
 шракшира , и увидя шамъ ,
 что она не обманулась, взду-
 мала намъ опомспитъ и
 объявила о помъ дозору.

Прежде всего насъ обы-
 скали ; опняли ожерелье ,
 серьги и подсвѣчникъ ; не за-
 были также моего перспня
 и рубина съ Филиппинскихъ
 острововъ (къ несчастію
 они были у меня въ карма-
 нѣ), не оставили и реаловъ,
 полученныхъ мною въ эшопъ
 день за рецешы. Тогда у-
 зналъ я , что служители

правосудія и въ Валладоли-
дѣ, и въ Асторгѣ, съ одина-
ковымъ усердіемъ ошправля-
ющъ свою должность. Меж-
ду тѣмъ, какъ обирали ме-
ня, дозорный офицеръ раз-
сказалъ наше приключеніе
начальникамъ грабительства.
Большая часть изъ нихъ по-
чишали насъ достойными
смертной казни; другіе, бу-
дучи помилосерднѣе, полагали,
что довольно будетъ дать
каждому изъ насъ по двѣ-
сши ударовъ плетьюми и по-
слать на нѣсколько лѣтъ на
галеры. Въ ожиданіи приго-
вора г. Коррежидора, поса-
дили насъ въ шюрьму, гдѣ
мы ночевали на соломѣ. Намъ

доспало бы побыть тамъ
долго, а потомъ отправишь-
ся, куда назначено, если бы
на другой день г. Мануель
Ордонецъ не узналъ о нашемъ
несчастьи и не вздумалъ
освободишь Фабриція, а вмѣ-
стѣ съ нимъ и насъ. Онъ
былъ уважаемъ всѣми, и, бла-
годаря стараніямъ и пору-
чительству его, при помо-
щи его пріятелей, черезъ
три дни получили мы сво-
боду. Только вышли мы изъ
этого мѣста не такъ, какъ
вошли туда: подсвѣчникъ,
ожерелье, серьги и оба мои
перстня, все тамъ осталось.
Это привело мнѣ на память
Виргиліевы стихи: *Sic vos
non vobis.*

Тутъ пошли мы къ нашимъ господамъ. Докторъ Санградо принялъ меня ласково. — „Бѣдной Жилблазъ, сказалъ онъ мнѣ, я только что сегодня по утру узналъ о твоемъ несчастіи, и хотѣлъ просить за тебя. Не пужи, дружокъ, и занимайся еще прилежнѣе своимъ дѣломъ.“ — Я опивчалъ, что то же думаю, и — не солгалъ. Да и было надъ чѣмъ поспрудишься: по счастливому предсказанію моего насшавника открылись многія болѣзни. Оспа и горячки начали свирѣпствовать въ городѣ и предмѣстіяхъ. Всѣ Валладолідскіе врачи были заняты,

а особливо мы. Всякой день доставалось каждому изъ насъ поѣшпшь по восьми или по десяти больныхъ: можно вообразить, сколько выпито воды и пролито крови! Но не знаю, отъ чего всѣ наши больные умирали, отъ того ли, что мы обращались съ ними безъ жалости, или болѣзни ихъ были неизлѣчимы. Рѣдко случалось намъ быть у одного больного три раза: во второй визитъ узнавали мы, что его нѣтъ уже на свѣтѣ, или находили при послѣднемъ издыханіи. Я не успѣлъ еще привыкнуть къ убійствамъ, и потому мнѣ жалко было ихъ несчаст-

ныхъ, копорые, можно ска-
зашь, ошъ моихъ рукъ уми-
рали. — „Клянусь небомъ, су-
дарь, сказалъ я однажды До-
кшору Санградо, что слѣдую
вашей методѣ со всею поч-
ностію; только не знаю, ошъ
чего мои больные ошправля-
ются всѣ на пошъ свѣшъ,
какъ будто бы нарочно, чтобы
обезславишъ нашу пракшику.
Сегодня вспрѣшилъ я двухъ
покойниковъ.“ — Другъ мой,
ошвѣчалъ онъ мнѣ, я могу
сказашъ тебѣ почти то же:
и я не часто имѣю удоволь-
ствіе вылѣчивашъ шѣхъ, ко-
порые попадаются въ мои
руки. Еслибъ я не былъ
такъ швердо увѣренъ въ

своей методѣ, то почелъ бы наши лѣкарства прошивными почши всѣмъ болѣзнямъ на свѣтѣ.—„Позвольте, сударь, прервалъ я, сказахъ мнѣ свое мнѣніе: не начатъ ли намъ лѣчить другимъ образомъ, и не попробовать ли для опыта химическихъ приготовленій? Вѣрно больнымъ нашимъ опъ нихъ не больше будетъ вреда, какъ опъ теплой воды и кровопусканія.“—Съ охотою сдѣлалъ бы я эшопъ опытъ, опвѣчалъ онъ, но боюсь дурныхъ послѣдствій. Я недавно написалъ диссертацію о превосходствѣ моей metody, а ты хочешь, чтобъ я самъ воору-

жился прошивъ своего мнѣнія. На что это будешь похоже?— „Ваша правда, сказалъ я, тогда непріятели ваши возторжествуютъ надъ вами: они пожалуй скажутъ, что вы сами признаетесь въ заблужденіи, и вы потеряете всю свою славу. Пусть лучше умираютъ всѣ, и духовные, и дворяне, и простой народъ! Станемъ лѣчишь прежнею своею методою. Товарищи наши, при всемъ отвращеніи ихъ къ кровопусканію, не больше насъ дѣлаютъ чудесъ, и я думаю, что медикаменты ихъ ничѣмъ не лучше простыхъ нашихъ средствъ.“

Мы принялись опять лѣ-
 чишь по прежнему, и съ та-
 кимъ усердіемъ прудились,
 что менѣе, чѣмъ въ шесть
 недѣль надѣлали сполько же
 вдовъ и сиротъ, сколько о-
 спавалось послѣ осады Трои.
 Казалось, что въ Валладоли-
 дѣ была моровая язва: такъ
 часто случались шамъ похо-
 роны. Всякой день какой
 нибудь опецъ приходилъ пре-
 бовашъ отъ насъ опчеша въ
 томъ, что мы лишили его
 сына, или дядя, который
 упрекалъ насъ смертію сво-
 его племянника. Чтожь ка-
 сается до племянниковъ и
 сыновей, которыхъ дяди и
 отцы отъ нашихъ лѣкарствъ

умирали, то они на насъ не жаловались; и мужья также потерю своихъ женъ переносили терпѣливо. Однако же горестъ и досада тѣхъ, копорые дѣлали намъ за лѣченіе выговоры, доходила иногда до бѣшенства; они называли насъ невѣждами, палачами, словомъ—не щадили никакихъ ругательствъ. Привѣтствія ихъ меня прогали; но господинъ мой, давно уже привыкшій къ этому, слушалъ ихъ равнодушно. И я бы, можетъ быть, привыкъ со временемъ къ упрекамъ, еслибъ небо, конечно для того, чѣмобъ избавить больныхъ нашихъ отъ одного

изъ ширановъ ихъ, не пред-
сшавило случая, лишившаго
меня вовсе охоты къ Ме-
дицинѣ, въ которой я шакъ
мало имѣлъ удачи.

Въ сосѣдствѣ съ нами
былъ жедепомъ; шуда собира-
лись всякой день шунедцы
изо всего города. Между ни-
ми славился одинъ изъ шѣхъ
записныхъ удалцовъ, кошо-
рые въ подобныхъ домахъ за-
нимающъ первое мѣсто и съ
важностію разбирающъ спо-
ры игроковъ. Онъ былъ ро-
домъ изъ Бискаіи и назы-
вался Донъ Родригъ де Мон-
драгонъ; человекъ лѣтъ шрид-
цати, росшу средняго, су-
хощавъ и чрезвычайно си-

лень. Маленькіе, сверкающіе глаза его, казалось, спращали всякаго, на кого только онъ ни взглядывалъ; носъ былъ сплюснутъ, а рыжіе усы до самыхъ висковъ завивались крючкомъ. Голосъ его былъ такою грубой и громкой, что однимъ словомъ заставлялъ уже дрожать. Эпошъ удалецъ сдѣлался пираномъ въ жедепомъ: какъ судья рѣшалъ всѣ между игроками споры, и никто не смѣлъ передъ нимъ заикнуться, если не хотѣлъ на другой день драться съ нимъ на поединкѣ. И эпошъ-то Донъ Родригъ (хотя онъ и прибавлялъ къ своему име-

ни часпицу : Донѣ, но былъ
 проспой мѣщанинѣ) произ-
 велъ нѣжное впечатлѣніе на
 содержательницу жедепома.
 Она была женщина лѣтъ со-
 рока, богата, не дурна со-
 бою, и слишкомъ годѣ, какъ
 овдовѣла. Не знаю, чѣмъ онѣ
 могъ ей понравиться : ко-
 нечно ужъ не красошою, а
 развѣ чѣмъ нибудь другимъ.
 Какъ бы то ни было, она
 въ него влюбилась и взду-
 мала выдти за него замужъ;
 но передъ самою свадьбою,
 захворала, и—къ несчастію—
 попалась въ мои руки. Ес-
 либъ и не было у нее лихо-
 радки, то однѣ лѣкарства
 мои могли сдѣлать ея бо-

лѣзнѣ опасною. Черезъ чешыре дни, по милости моей, жедепомъ наполнился воплемъ. Невѣста отправилась шуда же, куда посылалъ я всѣхъ своихъ больныхъ; все богатство ея сдѣлалось добычею родствениковъ.

Опчаянный Донъ Родригъ, потерявшій возлюбленную свою, или лучше сказать, надежду къ выгодной женидбѣ, не удовольствовался тѣмъ, что далъ своему языку полную волю и разругалъ меня безъ пощады; но еще клялся, при первой встрѣчѣ, проколотъ меня насквозь. Одинъ добрый сосѣдъ извѣстилъ меня о его кляшвѣ, и совѣ-

шовадь не выходишь изъ дому, чѣмъ не попасѣся этому разбойнику. Я рѣшил-ся послѣдовать сему спасительному совѣту; но при всемъ томъ пришелъ въ такой страхъ, что безпрестанно мерещился мнѣ бѣшеный Бискаецъ. Должность моя такъ мнѣ опрощивѣла, что я о томъ только и заботился, какъ бы поскорѣе избавишься отъ угрожавшей мнѣ опасности. Надѣвши опять свое широкое плащье, и проспавшись съ моимъ господиномъ, который не могъ меня удержать, вышелъ я изъ города на разсвѣтъ, бо-

ясь встрѣпшпсь на дорогѣ
съ Дономъ Родригомъ.

ГЛАВА VI.

*Куда пошелъ Жилблазъ
изъ Валладолида, и съ
какимъ теловѣкомъ встрѣ-
тился на дорогѣ.*

Я шелъ очень скоро, и
оглядывался часто, опасаясь,
не гонятся ли за мною эпошъ
ужасный Бискаецъ : вообра-
женіе мое столько было имъ
занято, что всѣ деревья и
кустарники принималъ я за

него; каждую минушу сердце
 у меня билось ошъ страха.
 Пройдя цѣлую милю, я нѣ-
 сколько успокоился, и по-
 шель попише прямо по
 Мадридской дорогѣ. Оспа-
 вить Валладолидъ ничего
 для меня не значило, толь-
 ко жаль было расстаться съ
 Фабриціемъ, моимъ любез-
 нымъ Пиладомъ, съ копо-
 рымъ даже не удалось мнѣ
 и проститься. Я не только
 не сажалъ о томъ, что
 переспалъ лѣчишь, но на-
 прошивъ, молилъ еще Бога,
 чтобъ простилъ мнѣ этошъ
 грѣхъ. Съ удовольствіемъ од-
 нако пересчиталъ я бывшія
 у меня въ карманѣ деньги,

хотя и получилъ ихъ въ награду за мои убійства. Я былъ похожъ на женщинъ, которыя оставляя распущную жизнь, не стыдясь сберегать то, что приобрѣли своимъ распущствомъ. У меня было около пяти червонцевъ реалами, и въ этомъ-то состояло все мое богатство, съ которымъ располагался я дойши до Мадрида, гдѣ надѣялся сыскать себѣ хорошее мѣсто. Очень хотѣлось мнѣ побывать въ этомъ прекрасномъ городѣ, который разхвалили мнѣ, какъ вмѣстѣ всѣхъ чудесъ на свѣтѣ.

Приводя себѣ на память все, что мнѣ объ немъ рассказывали, и наслаждаясь напередъ шамошними удовольствиями, услышалъ я голосъ человека, кошорый шелъ за мною, и пѣлъ во все горло. На спинѣ у него была котомка, черезъ плечо висѣла цитра, а съ боку длинная шпага. Ему не трудно было меня догнать: онъ шелъ очень скоро. Это былъ одинъ изъ двухъ цырюльниковъ, сидѣвшихъ вмѣстѣ со мною въ пюръмѣ за перстень. Хотя плашье на насъ было совсемъ другое; но мы пошчасъ узнали другъ друга, и очень удивились, что случай свелъ

насъ на большой дорогѣ. Я далъ ему замѣтить, что радъ буду идти съ нимъ вмѣстѣ, и ему, казалось, также очень пріятно было имѣть меня своимъ спутникомъ. Я сказалъ ему, за чѣмъ вышелъ изъ Валладолида, а онъ, желая за опроверженность мою опплатить мнѣ тѣмъ же, рассказалъ, что поссорился съ своимъ хозяиномъ, и что они оба простились другъ съ другомъ навѣки. „Еслибъ я захошѣлъ, прибавилъ онъ, остаться долѣе въ Валладолидѣ, то нашелъ бы вмѣсто одной цырюльни десятокъ: не хвасхаясь скажу, что во всей Испаніи нѣтъ цырюль-

ника, который умѣлъ бы лучше моего бришь бороду и завивать усы. Но я не могъ больше прошивиться сильному желанію возвратиться на родину: ужъ десять лѣтъ, какъ я оставилъ ее. Хотелся подышать роднымъ воздухомъ, и узнать, что дѣлають мои домашніе. Я буду у нихъ послѣ завтра; они живутъ въ большой деревнѣ, по сю сторону Сеговіи, и эта деревня называется Ольмедо.“—

Я рѣшился проводить цырюльника до его родины, а потомъ идши въ Сеговію, чтобъ сыскать себѣ попутчика въ Мадридъ. Дорогою

мы разговорились. Товарищ мой былъ большой весельчакъ. Онъ спросилъ меня, не чувствую ли я апешину. Я отвѣчалъ, что докажу ему это въ первомъ пракширѣ. — „Между шѣмъ — сказалъ онъ — мы можемъ отдохнувши здѣсь: у меня въ копомкѣ есть порядочной завпракъ. Я никогда безъ провизіи не путешествовую; за то не беру съ собой ни плащя, ни бѣлья, ни другихъ безполезныхъ вещей, копорыя напрасно только занимають мѣсто. Съѣстные припасы, бритвы и мыло — вотъ все, что у меня въ копомкѣ.“ — Я похвалилъ его благоразуміе, и съ охо-

тою согласился на предлагаемый имъ отдыхъ. Мнѣ очень хошѣлось ѣсть: въ надеждѣ на его угощеніе, напередъ уже готовился я набить хорошенько свой желудокъ. Мы свернули нѣсколько съ большой дороги, и сѣли на правѣ. Тушъ мой цырюльникъ разложилъ свой запасъ, который состоялъ изъ пяши или шесши луковицъ (*), и нѣсколькихъ кусковъ хлѣба и сыру; но всего болѣе восхищала меня склянка, наполненная,

(*) *Испанскія луковицы* гораздо крупнѣе и слаще прочихъ. Онѣ составляютъ обыкновенную пищу людей нисшаго класса въ Испаніи.

по словамъ его, самымъ лучшимъ виномъ. Хошя кушанье было и не слишкомъ вкусно; но голодъ, копорый обоимъ намъ давалъ себя чувствовать, не позволялъ находить въ немъ ничего дурнаго. Мы опорожнили и склянку, въ копорой было кружки двѣ вина, не совсемъ достойнаго сдѣланной ему похвалы. Послѣ того встали и пустились въ путь гораздо веселѣе прежняго. Цырюльникъ, копорый слышалъ ошъ Фабриція, что со мной случилось много странныхъ приключеній, просилъ меня, чшобъ я самъ ихъ пересказалъ ему. Мнѣ совѣстно бы-

ло отказать въ чемъ нибудь
человѣку, который угостилъ
меня такъ хорошо, и я удо-
вольсшвовалъ его любопыт-
ство. Потомъ попросилъ я
его, чтобы и онъ разскажалъ
мнѣ свою исторію.—„О! моя
исторія—вскричалъ онъ—не
споймъ того, чтобы ее слу-
шать: въ ней не найдешь
ничего любопытнаго; но какъ
теперь дѣлать нечего, то
пожалуй я разскажу тебѣ ее,
какова она ни есть.“—Тутъ
онъ началъ повѣсшвованіе
своихъ приключеній слѣдую-
щимъ почти образомъ.

ГЛАВА VII.

Исторія цырюльника.

Фернандо Перець де ла Фуэнше, дѣдъ мой—я долженъ начашъ издалека — былъ пятьдесяшъ лѣшъ цырюльникомъ въ Ольмедо, и умеръ, оставя чешырехъ сыновей. Старшій, по имени Николай, занялся ремесломъ своего отца; Бершранъ, второй сынъ, записался въ купцы, и началъ торговать шелкомъ; а третій, Томасъ, сдѣлался учителемъ. Чтожь касается до Педро — шакъ звали чешвертаго—то онъ имѣлъ большую

охоту къ словесности, и продавши клочекъ земли, который достался ему въ наследство, отправился въ Мадридъ: онъ надѣялся опличиться тамъ своими свѣденіями и умомъ. Прочіе братья его не разлучились другъ съ другомъ. Они остались въ Ольмедо, и всѣ переженились на крестьянскихъ дочеряхъ, которыя принесли имъ въ приданое очень не много денегъ, но за то чрезвычайное плодородіе, и рожали дѣтей, какъ будто въ запуски. Мать моя, жена цырюльника, въ первые пять лѣтъ своего замужества, родила на свою долю шесте-

рыхъ, въ томъ числѣ и меня. Отецъ выучилъ меня своему искусству; когда же минуло мнѣ пятнадцать лѣтъ, то положилъ онъ мнѣ на плечо эту копомку, копорую ты видишь, опоясалъ предлинною шпагою, и сказалъ: „Спупай, Діего; теперь ты можешь самъ себѣ доспавать хлѣбъ! Тебѣ нужно походишь по свѣту, чѣмъ сдѣлашься развязнѣе и больше успѣшь въ своемъ искусствѣ. Спупай, и не приходи въ Ольмедо прежде, пока не обойдешь всей Испаніи. Смотри, чѣмъ я до тѣхъ поръ не слыхалъ о тебѣ ни слова!,,—Сказавши это, обнялъ онъ меня ласко-

во и—вышполкнулъ изъ дому.

Такъ прощался со мною отецъ. Чпожь касается до матери, у которой сердце было гораздо нѣжнѣе, то она не могла удержапьясь опъ слезъ, расставаясь со мною, и сунула мнѣ пихонько въ руку червонецъ. И такъ вышелъ я изъ Ольмедо и пошелъ прямо въ Сеговію. Не сдѣлавши еще двухъ сотъ шаговъ, я останоуился, чпобъ посмопръть, что было у меня въ кошомкѣ, и нашель въ ней фушляръ съ двумя бришвами, которыми, казалось, брилось уже десять поколѣній, такъ онъ вышпочились; ремень и кусокъ мыла;

посконную рубашку, совсемъ еще новую; пару изношенныхъ башмаковъ моего отца, и—что всего болѣе меня обрадовало—двадцать реаловъ, завернутыхъ въ ве-пошку. Вотъ въ чемъ заключалось все мое богатство! Ты можешь по этому судить, что цырюльникъ Николай очень полагался на мое искусство, когда такъ мало далъ мнѣ на дорогу. Однакожь, червонецъ и двадцать реаловъ не могли не ослѣпить молодого человека, у котораго въ рукахъ никогда денегъ не бывало. Я почиталъ казну свою неиспощимою, и съ радостью продолжалъ

путь свой, посматривая поминутно на ефесь моей шпаги, клинокъ которой билъ меня по икрамъ на каждомъ шагу, или запутывался между ногами.

Подъ вечеръ пришелъ я въ деревню Аша-винецъ проголодавшись чрезвычайно, и рѣшился переночевать въ трактирѣ; повелительнымъ голосомъ пошребовалъ себѣ ужина, какъ будто бы въ состояніи былъ дѣлать большія издержки. Трактирщикъ, поглядѣвъ на меня пристально, узналъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло, и сказалъ мнѣ учтиво: „Сей часъ, сударь, исполню ваше приказаніе, вы будете

мною довольны: я угощу васъ по княжески.“—Сказавши это, проводилъ онъ меня въ маленькую комнашу, и черезъ четверть часа принесъ мнѣ соусъ изъ кошечьяго мяса который ѣлъ я съ такою жадноспью, какъ будто бы онъ былъ сдѣланъ изъ зайца или изъ кролика. Къ этому превосходному рагу подалъ онъ и вина, шакого славнаго, какъ говорилъ онъ, что и самъ Король не пивалъ лучшаго. Хотя я и примѣшилъ, что вино было кисловато; но это не помѣшало мнѣ сдѣлать ему столько же чести, сколько и соусу. Наконецъ, въ довершеніе

княжескаго угощенія, положили меня спать на постелью, кошорая гораздо скорѣе могла навести безсонницу, чѣмъ опъ нее избавить. Представъ себѣ кровать, такую узкую и короткую, что я—какъ ни былъ тогда малъ роспомъ — не могъ на ней пропянуть ногъ. вмѣсто перины былъ на ней простой соломенный тюфякъ, покрытый вдвое сложенною простынею, кошорая, съ послѣднего мытья, вѣроятно служила сопнѣ проѣзжихъ. И на этой-то постелѣ, съ желудкомъ наполненнымъ кошечьимъ соусомъ и кислымъ виномъ, кошорымъ угоспилъ

меня пракширщикъ — благодаря моей молодости и здоровому сложенію — заснулъ я крѣпко и проспалъ до самаго утра.

На другой день, позавтракавъ и заплашивъ довольно дорого за княжеское угощеніе, пошелъ я прямо въ Сеговію. Лишь только успѣлъ показаться туда, то былъ такъ счастливъ, что тотчасъ нашелъ цырюльню, куда приняли меня безъ всякой платы, съ тѣмъ только, чтобы кормить и одѣвать. Я пробылъ въ ней съ полгода: одинъ изъ поварищей моихъ, который собирался идти въ Мадридъ, подгото-

рилъ меня съ собою, и я съ нимъ отправился. Тутъ я сыскалъ себѣ мѣсто также скоро и на такихъ же условіяхъ, какъ въ Сеговіи. Цырюльня, въ кошорую я попался, приносила большой доходъ, потому что стояла на самомъ бойкомъ мѣстѣ, подлѣ церкви Святаго Креста и очень близко отъ Принцова Театра. Хозяинъ мой, двое подмасперьевъ и я почти не успѣвали бришь всѣхъ приходившихъ. Здѣсь видалъ я людей всякаго состоянія и между прочимъ, актеровъ и сочинителей. Однажды двумъ писателямъ случилось сойтись у насъ вмѣстѣ. Они

начали разсуждать о стихотворцах, о новых стихотворениях, и упомянули имя моего дяди; это заставило меня слушать ихъ съ большимъ вниманіемъ. „Донъ Жуанъ де Цавалеша, сказалъ одинъ изъ нихъ, такой авторъ, который, мнѣ кажется, не стоитъ одобренія публики. Онъ не имѣетъ вовсе воображенія и холоденъ, какъ ледъ: послѣднее его сочиненіе осрамило его чрезвычайно.“—А Людовикъ Велецъ де Гвевара—подхватилъ другой—не прекрасную ли написалъ піэсу? Можно ли вообразить чтонибудь смѣшнѣе эшаго?—Они называли еще, не знаю,

сколько-то другихъ поэтовъ,
 кошорыхъ я забылъ имена;
 помню только, что каждому
 ошъ нихъ доспалось поря-
 дочно. Чпожъ касается до
 моего дяди, то они опзы-
 вались объ немъ съ большимъ
 почпеніемъ: оба соглашались,
 что онъ человекъ съ вели-
 кимъ шанпомъ.—„Да, ска-
 залъ одинъ, Донъ Педро де
 ла Фуэнше прекрасный ав-
 торъ: сочиненія его напол-
 нены тонкими шушками, въ
 кошорыхъ видна глубокая
 ученость, и это самое при-
 даетъ имъ больше острошы.
 Не удивительно, что онъ въ
 шакомъ почпеніи у двора и
 у публики, и что многіе

вельможи даютьъ ему опть себя пенсію.“—Онъ давно уже, сказалъ другой, пользуется изрядными доходами. У Герцога де Медина Цели живешь какъ дома, пьешь и ѣшь съ нимъ вмѣстѣ: кудажь ему и прапипь деньги? Думаю, что онъ нажилъ себѣ порядочной капишалець.

Я не проронилъ ни одного слова изъ всего, что стихотворцы говорили о моемъ дядѣ. У насъ и дома носились слухи, что онъ славипся въ Мадридѣ своими сочиненіями: проѣзжавшіе черезъ Ольмедо намъ о томъ рассказывали. А какъ онъ никогда не удостоивалъ насъ

своими письмами, и совсемъ насъ знать не хошѣлъ: по и мы съ своей стороны не много объ немъ заботились. Но свой своему по неволѣ другѣ: лишь только я услышалъ, что дѣла его въ хорошемъ состояніи, и узналъ, гдѣ онъ живетъ, по и впалъ въ искушеніе побывать у него. Одно останавливало меня: сочинители называли его Донъ Педро. Этошъ Дснѣ приводилъ меня въ сомнѣніе, и я боялся, что они разумѣли другаго какогонибудь стихотворца, а не моего дядю. Однакожь страхъ этошъ не удержалъ меня: по чемужь бы не могъ онъ сдѣлаться

дворяниномъ , шакже какъ
лишператоромъ—подумалъ я
—и рѣшился ийти къ нему.
И такъ, однажды по утру,
оппросившись у хозяина , и
одѣвшись, какъ не лъзя луч-
ше, вышелъ я изъ цырюльни,
гордясъ бытъ племянникомъ
человѣка , который сдѣлалъ
себѣ такую славу своими
дарованіями. Цырюльники лю-
бятъ похвастаться. Я на-
чалъ не мало уже о себѣ ду-
мать, и выспуная съ важ-
ностью , спрашивалъ , гдѣ
домъ Герцога де Медина Цели.
Подошедши къ дверямъ ска-
залъ я Швейцару, что имѣю
нужду говоритъ съ Дономъ
Педро де ла Фуэнте. Швей-

царь отвѣчалъ мнѣ: „Видишь тамъ на дворѣ маленькую лѣспницу: взойди по ней и постучись у первыхъ дверей, на право.“ Я сдѣлалъ такъ, какъ онъ говорилъ: постучался у дверей. Молодой человекъ отворилъ мнѣ, и я спросилъ его, шутъ ли живетъ Донъ Педро де ла Фуэнше? — Здѣсь, отвѣчалъ онъ; но теперь его видѣть нельзя.“ — Мнѣ бы очень хотѣлось, сказалъ я, поговорить съ нимъ; я принесъ ему извѣстія отъ родныхъ его. — „Хотъ бы ты пришелъ съ извѣстіемъ отъ самаго Папы, то и тогда бы я не впустилъ тебя. Господинъ

мой теперь сочиняешь, а когда онъ заняшъ, то сохрани Богъ, если кто нибудь ему помѣшаетъ. Ты можешь видѣшься съ нимъ не прежде, какъ около полудни. Поди прогуляйся, а къ тому времени приходи опять сюда.“

Цѣлое утро проходилъ я по городу, размышляя, какъ приметъ меня дядя. Думаю, говорилъ я самъ себѣ, что онъ радъ будетъ, когда меня увидитъ. Судя о чувствахъ его по моимъ собственнымъ, я готовилъ себя къ самой трогательной сценѣ. Въ назначенное время поспѣшилъ опять къ нему.—, Ты пришелъ

испаша, сказалъ мнѣ слуга, господинъ мой собирается теперь со двора. Подожди здѣсь немножко: я доложу о тебѣ.“ — Сказавши это, онъ оставилъ меня въ передней. Минуту спустя ворошился и далъ мнѣ знать, что могу войти. Семейное сходство поразило меня при первомъ взглядѣ на Дона Педро: мнѣ показалось, что вижу передъ собой дядю моего Томаса, такъ они похожи были другъ на друга. Я поклонился ему очень низко, и сказалъ, что я сынъ Ольмедскаго цырюльника Николая де ла Фуэнше, что ужь при недѣли занимаюсь въ Мадридѣ ремесломъ

опца моего, и что намѣренъ обойти всю Испанію, чшобы усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ.—Между тѣмъ примѣшилъ я, что дядя мой призадумался. Вѣрно размышлялъ онъ о томъ, лучше ли будетъ не признашь меня за племянника, или опдѣлаться опъ меня какъ нибудь поискуснѣе. Онъ рѣшился на послѣднее, и съ прищворной улыбкой сказалъ мнѣ: „Ну, мой другъ, какъ поживаюшъ опецъ твой и его братья? Въ какомъ они состояніи?“—Тутъ принялся я описывать ему размноженіе нашего семейства, назвалъ поимянно всѣхъ дѣшей

мужеска и женска пола, не позабылъ даже ихъ крестныхъ опцовъ и матерей. Но эти подробности, казалось, не слишкомъ занимали его; ему хотѣлось поскорѣй отъ меня отдѣлаться. — „Діего, сказалъ онъ мнѣ, хвалю тебя за то, что ты вздумалъ путешествовать, только не совѣтую оставаться долѣе въ Мадридѣ: это опасное мѣсто для молодыхъ людей. Ты здѣсь совсемъ пропадешь, другъ мой. Лучше бы тебѣ поискать счастья въ другихъ городахъ, гдѣ нравы не такъ еще испорчены. Послушайся меня: поди отсюда, а когда будешь совсемъ гошовъ, то

заходи ко мнѣ. Я пособлю тебѣ совершить путешесствіе по Испаніи: дамъ тебѣ на дорогу пистолю.“—Тутъ онъ вывелъ меня тихонько изъ комнаты и распрощался со мною.

У меня не было довольно ума, чѣмъ догадаться, что ему хочется только сбыть меня съ рукъ. Пришедши домой, разсказалъ я хозяину о сдѣланномъ мною посѣщеніи. Онъ также не лучше моего проникъ намѣреніе Дона Педро, и сказалъ: „Я не согласенъ съ дѣдомъ твоимъ: вмѣсто того, чѣмъ уговаривать тебѣ таскаться по разнымъ мѣстамъ, мнѣ ка-

жешся, онъ бы еще долженъ
 былъ себя здѣсь удерживать.
 Онъ имѣешь столько хоро-
 шихъ знакомствъ, что ему
 ничего не стоить доспать
 тебѣ мѣсто въ какомъ ни-
 будь знатномъ домѣ, и вы-
 вести тебя со временемъ въ
 люди. Эти слова въ самомъ
 дѣлѣ вскружили мнѣ голову.
 Черезъ два дни пошелъ я
 опять къ моему дядѣ, и про-
 силъ его сдѣлать милость
 постараться, чтобы приня-
 ли меня въ домъ къ какому
 нибудь вельможѣ. Но прось-
 ба моя ему очень не понра-
 вилась. Такому гордецу, ко-
 торый со всѣми знатными
 господами обходился подру-

жески и всякой день съ ними обѣдалъ, вдругъ предсѣялось, что видишь племянника своего за стуломъ съ лакеями; въ то время, когда самъ пируешь за столомъ съ господами: Діего заспавлялъ краснѣть Дона Педро. „Какъ, негодница!—сказалъ онъ мнѣ съ сердцемъ—ты хочешь оставить свое ремесло! Пошелъ, проси помощи у шѣхъ, которые подаютъ тебѣ такіе совѣты! Вонъ отсюда! чтобъ нога твоя не была у меня; иначе раздѣлаюсь съ тобой, какъ должно!“ — Я ошолбенѣлъ отъ такихъ угрозъ моего дяди, и вышелъ вонъ со слезами: мнѣ очень

чувствительна была его жестокость. Однакожь, благодаря природной моей живости и гордости, я скоро утѣшился; печаль моя обратилась въ негодованіе, и я рѣшился позабыть недостойнаго своего дядю, безъ котораго могъ обойтись до того времени.

Я только о томъ и думалъ, какъ бы усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ и усугубилъ свое прилежаніе. Цѣлый день былъ занятъ, а вечеромъ, для развлеченія, учился играть на цитрѣ. Учитель мой былъ старой Женскій Надзирашль, которому я брилъ бороду.

Онъ училъ меня и пѣнію, которое зналъ основательно, бывши прежде пѣвчимъ въ соборной церкви. Его звали Маркосъ де Обрегонъ. Онъ былъ человекъ умный и опытный; любилъ меня, какъ роднаго сына; жилъ онъ недалеко отъ насъ у одного Доктора, и присматривалъ за его женою. Каждый вечеръ, оконча свою работу, приходилъ я къ нему; мы садились съ нимъ на улицѣ у дверей и составляли маленькой концертъ, который сосѣди слушали съ удовольствіемъ. Хотя голоса у насъ были не такъ пріятны, однакожь, бреча на своихъ

инструментахъ , мы пѣли
очень согласно , а эшаго и
довольно было , чтобъ поза-
бавишь слушателей. Особен-
ное удовольствіе доставляли
мы Доннѣ Мергелинѣ , женѣ
Доктора; она выходила слу-
шать насъ на балконъ, и за-
ставляла иногда повторять
тѣ аріи, которыя нравились
ей больше другихъ. Мужъ ея
не запрещалъ ей эшаго удо-
вольствія. Хошя онъ былъ
Испанецъ и уже довольно
старъ, но совсемъ не имѣлъ
ревности. У него было чрез-
вычайно много больныхъ, и
какъ онъ приходилъ по ве-
черамъ домой обыкновенно
усталой, то ложился спать

очень рано, не заботясь о томъ, что жена его слушаетъ наши концерты со вниманіемъ. Можетъ быть онъ и не думалъ, чѣмъ они сдѣлали на нее какія нибудь опасныя впечатлѣнія. Ему и въ голову не приходило чего нибудь бояться, ибо Мергелина хотя была молода и прекрасна собою, но имѣла такую строгую добродѣтель, что ни какому мужчине не позволяла взглянуть на себя. И такъ этой невинной забавы онъ не вменялъ ей въ преступленіе, и позволялъ намъ играть и пѣть, сколько мы хотѣли.

Однажды вечеромъ пришедши къ дверямъ докшорскимъ, чшобъ провесши время по обыкновенію, я нашель уже тамъ стараго Надзирашеля, кошорый дожидался меня. Онъ взялъ меня за руку, и сказалъ, чшо хочешъ прогуляться со мной, прежде, нежели начнемъ нашъ концертъ. Тутъ привелъ онъ меня въ переулокъ, гдѣ видя, чшо никто не можешъ насъ подслушать, сказалъ мнѣ съ печальнымъ видомъ: „другъ мой Діего, я открою тебѣ нѣчто важное. Боюсь, чшобъ намъ обоимъ не раскаяваться въ томъ, чшо каждый вечеръ играемъ и

поемъ передъ дверьми моего
 господина. Я люблю тебя,
 какъ друга, и радъ, что
 выучилъ тебя играть на
 ципрѣ и пѣшь; но когда бы
 предвидѣлъ несчастіе, копо-
 рое намъ угрожаетъ, то вы-
 бралъ бы другое мѣсто для
 моихъ уроковъ.“—Эти слова
 испугали меня. Я просилъ
 спарика сказать мнѣ прямо,
 чего именно должны мы опа-
 саться; пошому что во мнѣ
 не такъ-то много было твер-
 дости: я не обошелъ еще тогда
 всей Испаніи.—„Все расска-
 жу тебѣ, оповѣчалъ онъ, и
 ты самъ увидишь, какой
 опасности мы подверже-
 ны.“—

„Когда я—продолжалъ онъ—
вступилъ въ службу къ Док-
ктору (тому ужъ теперь годъ):
то онъ подводя меня къ своей
женѣ, сказалъ: — „Вашъ,
Маркосъ, госпожа твоя;
ты не долженъ оплучать-
ся отъ нея ни на минушу.“—
Я смотрѣлъ съ удивленіемъ на
Донну Мергелину: красота ея
казалась мнѣ чудесною, осо-
бенно же плѣняла меня прі-
ятный ея видъ. — За счастіе
почту, сударь, сказалъ я Док-
тору, служишь такой пре-
красной дамѣ. Мергелинъ оп-
вѣтъ мой не понравился. Это
кто за Селадонъ? — сказала
она грубымъ голосомъ—нѣтъ,
братъ, я не охотница до нѣж-

ностей! — Такія слова, вылетѣвшія изъ прелестныхъ устъ, удивили меня чрезвычайно; я не могъ согласишь ихъ съ пріятнымъ и благороднымъ видомъ моей госпожи. Чтожь касается до ея мужа, то сдѣлавъ къ тому привычку, онъ радовался еще, что имѣетъ супругу съ такими рѣдкими свойствами. — „Маркосъ, сказалъ онъ мнѣ, жена моя есть чудо добродѣтели.“ — Потомъ, увидя, что она надѣваетъ салонъ и собирается идти къ обѣдни, велѣлъ мнѣ проводить ее. Лишь только показались мы на улицу, какъ встрѣтили (чему и удивишься нечего) мужчинъ,

копорые будучи пораженны
 красотою Мергелины, спали
 было говорить ей компли-
 меншы. Она всѣмъ имъ оп-
 вѣчала; но ты не можешь
 себѣ представитъ, какъ оп-
 вѣшы ея были безразсудны
 и грубы. Проходящіе дивились,
 видя такую женщину, кошо-
 рой похвалы были непріятны.
 „Не слушайте, сударыня, ска-
 залъ я ей, того, что вамъ го-
 воряшъ: лучше молчать, чѣмъ
 опвѣчать грубо.“ — Нѣтъ,
 нѣтъ, прервала она, я хочу
 доказать эшимъ неучпив-
 цамъ, что я не изъ числа
 шѣхъ женщинъ, копорыя
 позволяють обходиться съ
 собою безъ должнаго уваже-

нія. — Она наговорила споль-
 ко глупостей, что я не могъ
 удержаться, чтобъ не ска-
 залъ ей всего, что думалъ,
 хошъ бы она за эшо и разсер-
 дилась. Я представилъ ей—
 со всею однакожь оспорож-
 носшію — что она обижаешъ
 природу, и зашмеваешъ пы-
 сячу хорошихъ качествъ сво-
 ею суровостью; что женщина
 крошкая и учшивая можешъ
 понравиться и безъ красоты;
 а красавица, безъ крошкаго
 и учшиваго обращенія, дѣ-
 лаешся предметомъ презрѣ-
 нія. Къ эшимъ разсужденіямъ
 прибавилъ я еще много дру-
 гихъ, желая какъ нибудь ее
 исправить. Сдѣлавъ ей до-

вольно наставленій, я боялся, чѣмъ не разсердишь ее своею откровенностію, и не дождашься непріятнаго отвѣта; но она не противорѣчила убѣжденіямъ моимъ и удовольствовалась тѣмъ, что оставила ихъ безъ вниманія. Въ слѣдующіе дни не больше имѣлъ я удачи.“

„Наконецъ наскучивъ терять слова понапрасну, я оставилъ ее на произволъ судьбы. Но, повѣришь ли ты? Эша суровая, гордая женщина въ два мѣсяца совсемъ перемѣнилась. Какая учтивость, какая ласковость! — Это ужь не та Мергелина, кошорая на привѣтствія мужчинъ отвѣчала

грубостями: похвалы ей сдѣ-
 лались пріятны; она любитъ,
 чтобъ говорили ей, что она
 красавица, что кто на нее
 взглянетъ, тотъ лишится
 свободы; она теперь такова
 же, какъ и прочія женщины.
 Такая переменна почти не
 понятна; но ты еще больше
 удивишься, когда скажу тебѣ,
 что это чудо сдѣлалъ — ты.
 Да, любезный Діего, продол-
 жалъ сшарикъ, ты такъ пре-
 образовалъ Донну Мергелину;
 ты сдѣлалъ изъ пигра овеч-
 ку, однимъ словомъ — ты об-
 рашилъ на себя ея вниманіе.
 Я не одинъ разъ уже замѣ-
 чалъ это, и я худой знатокъ
 въ женщинахъ, если ошиба-

юсь, что она влюблена въ тебя смертельно. Вошь, мой другъ, какую печальную новость хотѣлъ я сказать тебѣ, вошь непріятныя обстоятельства, въ которыхъ мы находимся.“

—Я ничего еще шущь не вижу, сказалъ я старику, чтобъ заставляло насъ слишкомъ печалишься: какая бѣда, что я понравился прекрасной дамѣ?—, Ахъ! Діего, ошвѣчалъ онъ, ты судишь какъ молодой человекъ: видишь одну только приманку, а съшей не осперегаешься; ты смотришь только на удовольствіа; а я предвижу всѣ непріятности, которыя за

ними послѣдуюшъ. Наконецъ все откроется. Когда ты не перестанешь пѣть у нашихъ дверей, то спроси Мергелины усилился: она не въ соспояніи будетъ владѣть собою, и дастъ замѣшить свою слабость Доктору Олорозо (такъ зовутъ ея мужа); а этошъ мужъ, который кажется теперь такимъ снисходительнымъ, по тому что не воображаетъ, чтобъ была причина къ ревности, придетъ въ ярость, опмсшитъ ей, и можетъ надѣлать тебѣ и мнѣ много хлопотъ.“—Правда ваша, г. Маркосъ, прервалъ я, послѣдую вашему совѣту. Скажите же, что мнѣ

дѣлать для предупрежденія всякой непріятности?— „Надобно только прекрапитъ наши концерты. Не показывайся на глаза къ моей госпожѣ; когда перестанешь она тебя видѣть, то будешь спокойна попрежнему. Оставайся дома; я буду приходить къ тебѣ и мы можемъ играть на цитрѣ, ничего не опасаясь.“

—Хорошо, сказалъ я, даю честное слово, что нога моя у васъ не будетъ. — Въ самомъ дѣлѣ, я рѣшился не ходить больше цѣль передъ докторскими дверьми, а сидѣть въ своей цырюльнѣ, потому что видѣть меня было такъ опасно.

Между тѣмъ бѣдный Мар-
 косъ—при всемъ своемъ бла-
 горазуміи—увидѣлъ чрезъ нѣ-
 сколько дней, что средство
 выдуманное имъ къ погаше-
 нію любовнаго пламени въ
 Доннѣ Мергелинѣ, произвело
 совсемъ прошивное дѣйствіе.
 На другой же день, не слы-
 ша моего голоса, спросила
 она у него, отъ чего мы пе-
 респали пѣнь, и отъ чего
 больше меня не видишь? Онъ
 отвѣчалъ, что занятія мои
 не позволяющъ мнѣ удѣлять
 ни одной минутой на забавы.
 Она припворилась довольною
 эшимъ извиненіемъ; прошло
 еще три дни, и она не жа-
 ловалась на мое отсутствіе;

наконецъ потерявъ терпѣніе, сказала спарикѣ: „Маркосъ, ты обманываешь меня: Діего пересталъ ходить сюда не безъ причины; шутъ есть какая нибудь пайна, копорую непременно хочу знать. Говори, я тебѣ приказываю; не скрывай отъ меня ничего.“ — Сударыня — ошвѣчалъ онъ ей, спараясь отдѣлаться попрежнему выдумками — когда вамъ угодно знать, то скажу всю правду: часто послѣ концертовъ нашихъ, случалось ему, приходя домой не заспавать ужина; онъ не хочеть больше ложиться спать съ пустымъ желудкомъ. — „Какъ, съ пустымъ

желудкомъ ! вскричала она; зачѣмъ же ты прежде мнѣ эшаго не сказалъ? Ложись безъ ужина ! Ахъ, онъ бѣд-
няжка ! Сей часъ ступай къ нему и скажи, чпобъ онъ пришелъ сюда сегодни же вечеромъ. Я не опущу его безъ ужина: для него всегда найдется здѣсь не одно блю-
до.“—

Что я слышу?—сказалъ ей старикъ съ припворнымъ удивленіемъ: какая перемѣна! Вы ли эшо мнѣ говорите, сударыня? Давно ли вы сдѣ-
лались шакъ жалосптивы и чувспвительны?— „Съ шѣхъ поръ — отвѣчала она съ жи-
воспью—какъ ты живешь у

насъ въ домъ, или лучше скажешь, съ тѣхъ поръ, какъ ты сталъ осуждать грубые мои поступки, и началъ смягчать суровость моего нрава. Но, ахъ! — прибавила она съ умиленіемъ, я перешла изъ одной крайности въ другую: изъ гордой и жестокосердой, какова я была прежде, вдругъ сдѣлалась слишкомъ уже крошечкой и чувствительной. Я люблю твоего молодого пріятеля Діега, и не могу преодолѣть себя; отсутствіе его не только не уменьшаетъ моей любви, но, кажется, еще придаетъ ей новую силу.“ — Возможно ли, вскричалъ шарикъ, чтобъ моло-

дой челоѣкъ , который ни хорошъ , ни пригожъ , сдѣ-
 лался предметомъ споль силь-
 ной спраспи? Еще прости-
 шельно бы было, еслибъ плѣ-
 нилъ васъ какой нибудь ка-
 валеръ опличныхъ досто-
 инствъ . . . „Ахъ ! Маркосъ ,
 прервала Мергелина — либо я
 не похожа на другихъ жен-
 щинъ , либо, не смошря на
 швою опышность , пы еще
 не хорошо знаешь ихъ, ког-
 да думаешь, что онъ выби-
 раюшъ муштинъ по достоин-
 ствамъ. Если я не обманы-
 ваюсь, судя по самой себѣ ,
 то онъ влюбляюшся безъ
 всякаго размышленія. Любовь
 есть разспройство вообра-

женія, которое влечетъ насъ къ какому нибудь предмету и привязываетъ къ нему противъ воли. Это такая болѣзнь, которую можно сравнить съ бѣшенствомъ животныхъ. Пересшанъ увѣряетъ меня, что Діего не достоинъ моей нѣжности. Я люблю его и—этого довольно, чтобъ найти въ немъ тысячу хорошихъ качествъ, которыхъ ты не видишь, и которыхъ, можетъ быть, совсемъ онъ не имѣетъ. Сколько ты ни говори мнѣ, что наружность его не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія, онъ мнѣ кажется прелестнымъ, безподобнымъ!

Голосъ его имѣетъ какую-то сладость, кошорая плѣняетъ мое сердце; онъ играетъ на цитрѣ съ такою пріятностію....“—Но, сударыня, подумайте, кто такой Діего? Низкое его соспояніе....., Я не лучше его, прервала она; а хопя была бы и знатною госпожею, то и тогда бы на это не посмотрѣла.“

Разговоръ сей кончился тѣмъ, что сшарикъ, не въ состояніи будучи ничѣмъ убѣдить госпожу свою, перешалъ съ нею спорить, подобно какъ искусный кормчій уступаетъ бурѣ, кошорая удаляетъ его отъ бли-

жайшей пристани. Онъ сдѣ-
 лалъ болѣе: пришелъ ко мнѣ,
 опозвалъ меня на сторону,
 и объявивъ, что между ни-
 ми происходило, сказалъ: „ты
 видишь, Діего, что намъ не
 лзя не продолжатъ концер-
 товъ у дверей Мергелины.
 Непремѣнно надобно, другъ
 мой, чтобъ она опять себя
 увидѣла; а не то сдѣлаешь
 какое нибудь дурачество, ко-
 торое осрамитъ ее еще боль-
 ше, нежели всѣ прежнія.“—
 Я не былъ неумолимъ: отвѣ-
 чалъ Маркосу, что вечеромъ
 приду къ нему съ цитрою,
 и что онъ можетъ сказаъ
 эту радостную вѣсть госпо-
 жѣ своей. Онъ побѣжалъ домой.

Въ какое восхищеніе пришла
спрастная любовница, узнавъ,
что въ потъ же вечеръ бу-
детъ имѣть удовольствіе
видѣть и слышать своего
любезнаго !

Между тѣмъ, одно непрі-
ятное приключеніе чуть бы-
ло не разрушило всѣхъ ея
ожиданій. Я не могъ выпти
отъ моего хозяина до на-
ступленія ночи, копорая—
за грѣхи мои—была чрезвы-
чайно темна. Пробираясь по
улицѣ ощупью, дошелъ уже я
до половины дороги, какъ
вдругъ изъ окошка пролилось
на меня такое благовоніе,
копорое не очень пріятно
было для моего обонянія ;

ушвердительно можно ска-
зашь, что ничего на землю
не попало: такъ искусно окро-
пили меня.—Я не зналъ, что
дѣлать; воропиться домой:
какое зрѣлище для товари-
щей моихъ! Насмѣшкамъ ихъ
не было бы конца. Идти къ
Мергелинѣ въ такомъ поло-
женіи также казалось мнѣ
неприлично. Однакожь я рѣ-
шился на послѣднее. Старикъ
дождался меня у дверей. Онъ
сказалъ мнѣ, что Докторъ
Олорозо спишъ, и что мы
можемъ повеселишья на сво-
бодѣ. Я отвѣчалъ, что на-
добно сперва обтереть мое
плашье, и рассказалъ ему
свое несчастіе. Съ видомъ

сожалѣнія провѣлъ онъ меня въ комнату, гдѣ была его госпожа. Лишь только узнала она о моемъ приключеніи, и разсмотрѣла меня хорошенько, то такъ опечалилась, какъ будто бы со мной случилось самое величайшее несчастіе; начала ругать, на чемъ свѣтъ спойтъ, того, кто такъ искусно обкапиль меня, и предала его проклятію. — „Переспаньте, сударыня, сказалъ ей Маркосъ, подумайте, что это сдѣлано безъ намѣренія; никогда не надобно слишкомъ горячиться.“ — Зачѣмъ, вскричала она въ себя отъ гнѣва, зачѣмъ не хочешь ты, чѣмъ я сер-

дилась на обиду, причиненную этой невинной овечкѣ, этой незлобивой горлицѣ, которая даже и не жалуется на сдѣланное ей оскорбленіе? Ахъ, еслибъ я была мужчиною, какъ бы отомстила за него!

Она наговорила еще много такого, изъ чего можно было заключить о безмѣрной любви ея ко мнѣ; поступки ея показывали тоже самое. Между пѣмъ, какъ Маркосъ обтиралъ меня салфеткою, она побѣжала въ свою комнату, и доспала коробочку съ разными духами; окурила мое платье порошками и обрызгала благовонною водою. По-

шомъ пошла сама въ кухню и принесла хлѣба, вина и жареной баранины, что нарочно для меня сама приготавила. Она заспавила меня ѣсть, и прислуживая мнѣ съ большимъ удовольствіемъ, то разрѣзывала мясо, то наливала пишь, какъ Маркосъ и я ни старались ее отъ этаго удерживать. Опужинавъ, принялся я вмѣстѣ со спарикомъ наспроивать ципры. Концертомъ нашимъ Мергелина прельщалась до безумія. Правда, пѣли мы такія аріи, которыхъ слова ласкали любви ея; и надобно замѣшить, что я бросалъ на нее украдкою нѣж-

ные взоры, отъ чего пламень ея еще болѣе усиливался. Эта забава очень мнѣ понравилась. Какъ долго ни продолжался концертъ, но я не скучалъ имъ. Что касается до прекрасной госпожи, для которой часы лепѣли какъ минушны, то она съ радостію слушала бы насъ цѣлую ночь, еслибъ спарикъ, которому минушны казались часами, не напомнилъ ей, что уже поздно. Десять разъ заспавляла она повторять это себѣ; но Маркосъ былъ неупомимъ: онъ не давалъ ей покою до тѣхъ поръ, пока я не ушелъ домой. — Умный и осторожный Маркосъ боялся,

чтобъ безразсудная спрасшъ
 Мергелины не надѣлала намъ
 большихъ непріятностей.
 Спрахъ его былъ не напра-
 сенъ: Докшоръ, либо изъ по-
 дозрѣнія о тайной связи, ли-
 бо по наущенію демона рев-
 носпи, который до того
 времени не превожилъ его,
 вдругъ не взлюбилъ нашихъ
 концершовъ. Эшаго еще ма-
 ло; онъ спрого запрешилъ
 ихъ, и не опкрывая причи-
 ны, опдалъ приказъ, чтобъ
 никого изъ посшороннихъ къ
 нему въ домъ не пускали.

Маркосъ объявилъ мнѣ
 эшопъ приказъ, который
 болѣе всѣхъ касался до меня.
 Я очень имъ огорчился: всѣ

надежды мои исчезли. Однакожь, чшобъ не опсшупишь нисколько опъ исторической истины, признаюсь тебѣ, что я перенесъ эшотъ ударъ терпѣливо. Но не такова была Мергелина: стпрасшь ея еще больше усилилась.—, Любезный Маркосъ, сказала она спарику, опъ тебѣ одного ожидаю я помощи. Поспайся какъ нибудь, чшобъ мнѣ можно было шихонько видѣшьясь съ Діегою.“ — Чего вы опъ меня требуешъ? — опвѣчалъ онъ сердито: я и такъ ужъ много вамъ пошакаль. Сохрани Богъ, чшобъ въ угожденіе вашей безумной спрасши, допустилъ я на-

несишь безчестіе моему господину, лишишь васъ честнаго имени, а самому прослыть бездѣльникомъ, служивши вездѣ до сего времени безпорочно. Лучше оставлю домъ вашъ, чѣмъ соглашусь служить въ немъ такимъ образомъ.—, Ахъ, Маркосъ! вскричала Мергелина, испугавшись послѣднихъ его словъ, ты раздираешь мнѣ сердце, говоря, что опойдешь отъ насъ. Жестокой! ты хочешь оставить меня, приводя въ такое состояніе! Такъ возвраши же мнѣ прежнюю мою гордость и суровость, копорыя ты у меня опіялъ. Зачѣмъ не имѣю я этихъ счастливыхъ пороковъ?

Я ни о чемъ бы теперь не думала ; твои безумныя на-спавленія лишили меня покою, въ которомъ я наслаждалась. Ты развращилъ меня , стараясь исправить ... Но, продолжала она со слезами, что говорю я, несчастная? Зачѣмъ дѣлаю тебѣ несправедливыя упреки ? Нѣшъ, почтенный спарикъ, не ты виною моего несчастія ; злая судьба опредѣлила мнѣ столько горестей ! Заклинаю тебя, не сердись на мои глупыя слова. Любовь помрачаетъ мой разумъ. Сжался надъ моею слабостью: ты одно мое утѣшеніе, и если жизнь моя дорога для тебя , не откажи мнѣ въ своей помощи.“—

При сихъ словахъ слезы полились у нея ручьями; она не могла говорить болѣе, и закрывъ лице плашкомъ, бросилась на стулъ, изнемогая подъ бременемъ печали. Спарый Маркосъ не могъ смотрѣть равнодушно на такое прогашельное зрѣлище, началъ плакать вмѣстѣ съ госпожею, и сказалъ ей съ нѣжностью: „Ахъ, сударыня, какъ вы прелестны! Я не въ силахъ пропивиться вашей печали: она воспоржесшвовала надъ моею добродѣтелію. Обѣщаюсь помогать вамъ. Не дивлюсь болѣе, что любовь заставила васъ позабыть вашу долж-

носпѣ , когда одно только сожалѣніе принуждаетъ меня нарушить мой долгъ.“ — Такимъ образомъ спарикъ , не смотря на безпорочное свое поведеніе , взялся съ большимъ усердіемъ способствовать Мергелининой справѣ . Однажды по утру пришелъ онъ ко мнѣ , разсказалъ обо всемъ происшедшемъ , и уходя шепнулъ мнѣ на ухо , что замышляетъ уже , какъ бы доставить мнѣ тайное съ Мергелиною свиданіе . Лучъ надежды просіялъ было опять въ моемъ сердцѣ ; но часа черезъ два услышалъ я весьма непріятную новость . Одинъ Аптекарской ученикъ ,

жившій въ сосѣдствѣ съ на-
 ми, пришелъ по обыкновенію
 къ намъ бриться. Между
 шѣмъ какъ я готовился его
 брить, онъ сказалъ мнѣ: „Го-
 сподинъ Діего, худо вы смо-
 трише за старымъ Марко-
 сомъ де Обрегономъ, вашимъ
 другомъ! Знаете ли, что
 онъ опходитъ опъ Доктора
 Олорозо?“—Нѣтъ, опвѣчалъ
 я.—„Это вѣрнѣе смерти: сего-
 дня оппускаюшъ его. Госпо-
 динъ его сей часъ только
 разсуждалъ о томъ при мнѣ
 съ моимъ хозяиномъ; вошъ
 разговоръ ихъ: Господинъ
 Апуншадоръ, сказалъ Докторъ,
 у меня есть до васъ прось-
 ба. Я не доволенъ стариномъ,

копорый служишъ у меня :
 мнѣ бы очень хотѣлось по-
 ручишъ жену свою надзору
 вѣрной , строгой и неусып-
 ной Дуенны...—Понимаю, пре-
 рвалъ мой хозяинъ , вамъ
 нужна госпожа Меланція, ко-
 торая была Надзирашельни-
 цею покойной моей жены, и
 копорая съ тѣхъ поръ, какъ
 я овдовѣлъ, чему минуло ше-
 перь шесть недѣль, живешъ
 еще у меня. Хошя она и
 очень нужна мнѣ для хозяй-
 ства, но я вамъ успупаю ее:
 честь ваша дороже мнѣ все-
 го на свѣшѣ. Вы можете на
 нее положишся въ безопа-
 сности вашего лба. Эшо не
 Дуенна, а кладъ: настоящій

драконъ для сохраненія цѣломудрія прелестнаго пола. Двѣнадцатъ лѣтъ находилась она при моей женѣ, которая — какъ вамъ извѣстно — была молода и пригожа собою, и во все это время не видалъ я въ домѣ своемъ даже шѣни какого нибудь волокишы. Скажу вамъ, какъ другу, что покойница имѣла сначала большое расположеніе къ кокетству; но Меланція потчасъ передѣлала ее и обратила на путь добродѣтели. Словомъ — эта Надзирашельница сокровище, и вы не одинъ разъ скажете мнѣ за нее спасибо. — Докшоръ чрезвычайно обрадовался предло-

женію господина Апунтадора и они положили, чшобы Дуенна въ шотъ же самой день заступила Маркосово мѣсто.“

Эта новоспѣ (я почелъ ее за истинную и—не обманул-ся) разсѣяла всѣ пріятныя мечты, которыми начиналъ было я опять пишатся. Маркосъ, пришедши ко мнѣ послѣ обѣда, истребилъ ихъ совершенно, подшвердивъ самъ все то, что я слышалъ отъ Апшекарскаго ученика.—„Любезный Діего, сказалъ мнѣ добрый старикъ, я радъ, что Докшоръ Олорозо согналъ меня со двора: онъ освободилъ меня отъ большихъ хлопотъ. Кромѣ того,

что по неволѣ исправлялъ я
низкую должность, мнѣ на-
добно было еще ломать себѣ
голову и выдумывать раз-
ныя хитрости, чѣмъ до-
спавить тебѣ съ Мергели-
ною пайное свиданіе. Слава
Богу! я избавился теперь отъ
этихъ безпокойствъ и отъ
опасности, которая съ ними
неразлучна. И тебѣ, мой
другъ, нечего пужиться о по-
тери нѣсколькихъ пріятныхъ
минутъ, за которыми послѣ-
довали бы тысячи непріят-
ностей.“—Не имѣя болѣе ни
какой надежды, я послушал-
ся Маркосова совѣта и пе-
респалъ думать о Мергели-
нѣ. Да, признаюсь, и не былъ

изъ числа тѣхъ упрямыхъ
 любовниковъ, которые не
 смошрѣтъ ни на какія пре-
 пятствія; а хошя бы и былъ
 я таковъ, то госпожа Мелан-
 ція отбила бы у меня всю
 охоту. Эша Дуенна, какъ у-
 вѣрили меня, въ состоянїи
 была привести въ опчаянїе
 самаго предпрїимчиваго во-
 локишу. Однакожь не смош-
 ря на сдѣланное мнѣ объ ней
 описанїе, дни черезъ два
 узналъ я, что Докшорша у-
 сыпила эшаго Аргуса и скло-
 нила на свою сторону. Я
 пошелъ бришъ одного изъ
 нашихъ сосѣдей. Старушка
 остановила меня на улицѣ,
 и спросила: не я ли Дїего де

ла Фуэнте?—Я опвѣчалъ :
 да.—,Если такъ, подхвати-
 ла она, то мнѣ есть до васъ
 дѣло. Приходите нынѣшнюю
 ночь къ дверямъ Донны Мер-
 гелины, сдѣлайте какой ни-
 будь знакъ, что вы тутъ,
 и вамъ опопрутъ.“—Хорошо,
 сказалъ я, только надобно
 условишься о знакѣ. Я боль-
 шой мастеръ передразнивать
 кошекъ, и нѣсколько разъ
 промяукаю.—,Очень хорошо!
 прервала посланница. Про-
 щайте, господинъ Діего, дай
 Богъ вамъ здоровья! Ахъ!
 какой же вы красавецъ! Кля-
 нусь Святою Агнесою, что
 желала бы теперь быть
 пятнадцати лѣтъ, потчасъ

бы отдала я вамъ свою руку!“—Сказавши эшо, услужливая старушка удалилась.

Ты можешь себѣ представить, что такое посольство привело меня въ немалое волненіе. Куда дѣвались Марковъ поученія! Съ какимъ нетерпѣніемъ дожидался я ночи! Полагая, что Докшоръ Олорозо уже спитъ, пошелъ я къ дверямъ его. Тутъ началъ свое мяуканье, которое далеко было слышно, и которое, безъ сомнѣнія, дѣлало честь наставнику, выучившему меня этому прекрасно-му искусству. Минуту спустя, сама Мергелина тихонько отворила двери, и

впусшивъ меня, заперла ихъ
опяшъ. Мы вошли въ шу
самую комнапу, въ копорой
давали послѣдній разъ съ
Маркосомъ концертъ. Ма-
ленькая лампада, посшавлен-
ная въ каминъ, едва освѣ-
щала горницу. Мы сѣли другъ
возлѣ друга и спали разго-
варивашъ. Кровь у насъ обо-
ихъ волновалась, съ пою
шолько разницею, что ея
волненіе происходило опъ од-
ного удовольствія, а въ мо-
емъ участвоваль и страхъ.
Напрасно героиня моя увѣ-
рjala меня, что намъ нечего
бояшъся ея мужа; меня по-
дирало по кожѣ, и это оп-
равляло всю мою радосшъ.—

„Какъ могли вы, сударыня, спросилъ я Мергелину, усыпить вашу Надзирашельницу? Судя по описанію, слышанному мною о Меланціи, я не могъ вообразить, чшобъ удалось вамъ сыскашь средство и освѣдомишься обо мнѣ, не только чшо видѣшься со мною тайно.“ — Донна Мергелина отвѣчала мнѣ улыбаясь: — ты перестанешь удивляться тайному нашему свиданію, когда расскажу тебѣ, чшо произошло между мною и Дуенною. Когда она пришла къ намъ, мужъ мой осыпалъ ее ласками, и сказалъ мнѣ: „Мергелина, поручаю тебя этой скромной да-

мѣ, кошорая естѣ вмѣспи-
 лище всѣхъ добродѣшелей.
 Вотъ тебѣ зеркало, кошорое
 безпрестанно будетъ передъ
 твоими глазами, чшобъ на-
 спавляшъ себя въ благора-
 зуміи. Эта доспойная удив-
 ленія особа надзирала двѣ-
 надцать лѣшъ за женою од-
 ного Апшекаря, моего пріа-
 шеля, и надзирала—не шакъ,
 какъ обыкновенно водитсѣ—
 она сдѣлала ее благочеспи-
 вою и едва ли не свяшою.“

Такая похвала, съ кошо-
 рою угрюмый видъ Мелан-
 ціи совершенно согласовался,
 стоила мнѣ многихъ слезъ
 и довела до опчаянія. Я
 предспавляла себѣ поученія,

которыя буду слушать съ
 утра до вечера, и выгово-
 ры, которыя буду доса-
 ваться мнѣ каждый день;
 словомъ—готовилась сдѣлать-
 ся самой несчастной жен-
 щиною на свѣтѣ. Въ такомъ
 ужасномъ ожиданіи не могла
 я владѣть собою, и остав-
 шись одна съ Дуенною, ска-
 зала ей съ сердцемъ:—Вѣрно
 ты намѣрена меня мучить;
 но говорю тебѣ напередъ,
 что я не очень терпѣлива,
 и буду сама стараться, сколь-
 ко можно болѣе досажда-
 тебѣ. Объявляю тебѣ, что
 у меня на сердце шайся
 спрасть, которую всѣ свои
 увѣщанія не истребляшь изъ

него. Теперь ты можешь
 принять свои мѣры: удвой
 неусыпныя попеченія; но будь
 увѣрена, что я ничего не
 пожалѣю, чтобъ сдѣлать ихъ
 напрасными.—Я думала уже,
 что угрюмая старуха на-
 чнешь въ первый разъ чи-
 тать мнѣ проповѣдь; но ни-
 чему не бывало: морщины
 на лбу ея исчезли; она ска-
 зала мнѣ съ улыбкой: „Вы
 имѣете прелестный нравъ;
 откровенность ваша тре-
 буешь отъ меня того же.
 Вижу, что мы созданы другъ
 для друга. Ахъ! прекрасная
 Мергелина, какъ худо вы
 знаете меня, если судите
 обо мнѣ по рекомендаціи ва-

шего мужа, или по моему угрюмому виду! Удовольствія совсемъ не чужды моему сердцу, и я дѣлаюсь орудіемъ ревности мужей, для того только, чтобъ лучше угождашь милымъ женамъ ихъ. Давно научилась я великому искусству пришиваться, и могу сказать, что я сугубо счастлива, наслаждаясь вмѣстѣ и выгодами порока, и честнымъ именемъ добродѣтели. Между нами скажешь, и весь свѣтъ не иначе добродѣтеленъ. Имѣшь испинныя добродѣтели очень трудно; а для людей довольно и одной царужности.“

„Положитесь на меня, продолжала Надзирательница, мы будемъ водить за носъ спараго Доктора Олорозо. Вотъ вамъ моя рука, что съ нимъ случится тоже, что и съ господиномъ Апуншадоромъ. Лобъ Доктора для меня ничуть не почтеннѣе Аптекарскаго. Бѣдной Апуншадоръ! чего не доспадалось ему отъ меня и покойной его жены! Какъ мила была покойница! Какой безподобный нравъ! Царство ей небесное! Божусь, что она хорошо провела свою молодость. Не могу припомнить, сколько у нее было любовниковъ, которые ходили къ ней въ домъ по

моей милости, такъ, что мужъ ея никогда не могъ того замѣшить. Переспаньше на меня гнѣвашся, сударыня; увѣрю васъ, что какъ бы хорошъ ни былъ старикъ, копорый у васъ служилъ, вы не потеряете ничего при перемѣнѣ. Можешъ бытъ, я еще лучше его вамъ угожу.“—

Вообрази себѣ, Діего, продолжала Мергелина, какъ была я благодарна Дуеннѣ за ея откровенность. Я почитала ее самою добродѣтельною: вошъ какъ трудно судить о женщинахъ! Она тотчасъ привлекла меня къ себѣ своимъ чистосердечіемъ.

Я обняла ее съ восторгомъ. Потомъ открыла ей все, что у меня на сердцѣ, и просила, чтобъ она какъ можно скорѣе доставила мнѣ тайное съ побой свиданіе. Она это и сдѣлала. Сегодня по утру дала порученіе спарухѣ, которая говорила съ побой, и кошую она часто употребляла для покойной Аптекарши. Но вотъ, что всего забавнѣе, прибавила Мергелина смѣючись: когда я сказала Меланціи, что мужъ мой спитъ очень спокойно, то она легла возлѣ него и шеперь еще на моемъ мѣстѣ.--Тѣмъ хуже, сударыня, сказалъ я, эта

выдумка мнѣ не нравится. Ну, если мужъ вашъ проснется и узнаетъ, что его обманываютъ?—Не узнаетъ, опивъчала она скоро: будь спокоенъ и оставь пустой страхъ; онъ отправляетъ только удовольствіе, которое долженъ ты чувствовать въ присутствіи молодой дамы, любящей тебя всемъ сердцемъ.

Видя, что я все еще дрожу отъ страха, она старалась всячески успокоить меня и наконецъ успѣла въ своемъ предпріятіи. Я только о томъ и думалъ, какъ бы воспользоваться благоприятнымъ случаемъ; но въ

самое по время, какъ Купи-
донъ, сопровождаемый игра-
ми и смѣхами, гошвился
сдѣлать меня счастливымъ,
у дверей слышался стра-
шный спукъ. Амуръ и сви-
та его разлѣшлись въ одинъ
мигъ, какъ робкія птицы.
Мергелина тотчасъ спрята-
ла меня подъ споль, погаси-
ла лампаду и—какъ услови-
лась съ Надзирашельницею,
если такая нечаянность слу-
чится — очутилась у дверей
спальни. Между тѣмъ про-
должали изо всей мочи спу-
чаться: удары раздавались
по всему дому. Докторъ про-
сыпается и кличетъ Мелан-
цію. Дуенна бросается съ

поспели, сколько Докторъ, почитая ее за жену свою, ни кричалъ ей, чѣмъ она не вставала; бѣжитъ къ госпожѣ своей, которая зовешъ также Меланцію и приказываетъ посмотрѣть, кто спучится. — „Я здѣсь, сударыня, отвѣчаетъ Надзирательница; ложитесь опять, а я узнаю, что шамъ за шумъ.“ — Мергелина раздѣлась и легла возлѣ Доктора, который не подозрѣвалъ никакого обмана. Правда, что эта сцена сыграна въ шемношѣ двумя актрисами, изъ которыхъ одна была превосходна въ своей роли, а другая имѣла большое распо-

женіе сдѣлаться такою же.

Скоро попомъ Дуенна, на-
кинувъ на себя спальное
плащье, является со свѣчею.
„Господинъ Докшоръ, сказала
она своему господину, вспа-
вайте поскорѣе. Книгопро-
давца Фернандеца де Буендіа
разбилъ параличъ: васъ про-
сятъ къ нему на помощь.“—
Докшоръ вскочилъ, одѣлся
въ минушу, и пошелъ. Жена
его, въ спальномъ плащѣ,
пришла вмѣстѣ съ Дуенною
въ ту комнату, гдѣ я былъ
спрятанъ. Онѣ выпащили
меня изъ подъ сшолы ни жи-
ва, ни мершва. „Не бойся
ничего, Діего, сказала Мер-
гелина, будь спокоенъ.“ Она

объяснила мнѣ въ двухъ словахъ , что такое случилось. Потомъ хотѣла было опять начать прерванный разговоръ ; но Надзирательница тому воспротивилась. — Можешь быть, сударыня , сказала она ей , мужъ вашъ не заспанешь книгопродавца въ живыхъ , и потчасъ ворошится. Да чегожь, прибавила она, видя , что я дрожу отъ страха, и хопите вы отъ эшаго бѣдняжки? Онъ теперь не въ состояніи съ вами бесѣдовать. Лучше опустите его домой, и опложите ваши разговоры до завтра. — Донна Мергелина неохотно на это согласилась : такъ

любила она настоящее; думаю, ей очень досадно было, что не могла надѣть мужу своему новаго колпака, который съ такимъ стараніемъ для него приготавливала.

Что касается до меня, то я не столько грустилъ о потерѣ драгоцѣнныхъ удовольствій любви, сколько былъ радъ, что избавился отъ опасности; пошелъ домой, и остатокъ ночи провелъ въ размышленіяхъ. Я колебался нѣсколько времени, идти ли въ слѣдующую ночь къ моей возлюбленной: на второе покушеніе не больше имѣлъ я надежды, какъ и на первое; но дьяволъ, который

всегда въ подобныхъ случаяхъ вселяется въ насъ, шепталъ мнѣ въ уши, что я буду большой дуракъ, когда остановлюсь на такой прекрасной дорогѣ. Онъ представилъ мнѣ Мергелину съ новыми прелестями, и вышаль цѣну ожидающихъ меня удовольствій. Я рѣшился исполнишь непременно свое намѣреніе, и обѣщаясь самъ себѣ имѣть болѣе швердосши, съ такимъ хорошимъ расположеніемъ, на другой день около полуночи, пошелъ опять къ дверямъ Доктора. Хошь глазъ выколи, такъ было темно: не видашь ни одной звѣзды. Я промаякалъ

раза два или три, чѣмъ
 дашь знашь, что я на улицѣ;
 никто не оповорялъ: я принялся
 опять за шже, и началъ
 поддѣлываться подъ разные
 крики кошекъ, чему научилъ
 меня одинъ Ольмедской па-
 спухъ. Я маукалъ такъ на-
 шурально, что кто-то изъ
 сосѣдей, возвращаясь домой,
 почелъ меня въ самомъ дѣлѣ
 за того живошного, котора-
 го я передразнивалъ, схва-
 тилъ съ мостовой камень и
 пуспилъ имъ въ меня изъ
 всей мочи, закричавъ: „Чортъ
 тебя побери, прокляшой
 кошъ!“—Онъ попалъ мнѣ въ
 самую голову, и такъ оглу-
 шилъ меня эшимъ ударомъ,

что я едва успоялъ на но-
 гахъ. Я почувствовалъ, что
 голова была у меня пролом-
 лена. Болѣе не нужно было,
 чтобъ отбишь у меня охоту
 къ волокитству. Теряя лю-
 бовь вмѣстѣ съ кровью, по-
 бѣждалъ я опрометью домой
 и разбудилъ всѣхъ своимъ
 крикомъ. Хозяинъ, осмошрѣвъ
 мою рану, перевязалъ ее и
 сказалъ, что она опасна.
 Однакожь не произошло отъ
 нее дурныхъ послѣдствій, и
 черезъ три недѣли не оста-
 лось даже никакого знака.
 Во все это время не слы-
 халъ я ни слова о Мергели-
 нѣ. Должно думать, что
 Меланція познакомила ее

съ другимъ какимъ нибудь
 молодцемъ. Я не много объ
 этомъ заботился, и выль-
 чившись совершенно, вышелъ
 изъ Мадриша для дальнѣй-
 шаго путешествія по Испа-
 нїи.

ГЛАВА VIII.

*Жилблазъ и его товарищъ
 встрѣтились на дорогѣ съ
 теловѣкомъ, который об-
 макивалъ вѣколодезѣхлѣб-
 ныя корки; что они съ
 нимъ говорили.*

Господинъ Діего де ла Фу-
 энше разсказалъ мнѣ еще мно-

жесшво другихъ приключе-
 ній , случившихся съ нимъ
 послѣ того; но какъ они ни-
 чего важнаго въ себѣ не за-
 ключающъ , то я объ нихъ
 умолчу. — Однакоже я дол-
 женъ былъ все слушать, что
 онъ мнѣ рассказывалъ, и та-
 кимъ образомъ дошли мы до
 Понте де Дуеро. Мы рѣши-
 лись остатокъ дня прове-
 сти въ этомъ мѣстечкѣ; за-
 шли въ первый пракширъ ,
 велѣли сварить похлебку и
 изжарить на вершелѣ зайца,
 котораго прежде сами хо-
 рошенько освидѣтельствова-
 ли. На другой день, на раз-
 свѣтъ, опять пустились въ
 путь, наполнивъ флягу нашу

порядочнымъ виномъ , а ко-
помку кускамя хлѣба и по-
ловиною зайца , которая о-
спалась у насъ отъ ужина.

Прошедши около двухъ
миль, мы почувствовали го-
лодь. Шагахъ въ двухъ стахъ
отъ большой дороги стояло
множество высокихъ деревь-
евъ, отъ которыхъ на по-
лянкѣ была очень пріятная
тѣнь. Намъ вздумалось идти
отдохнуть, и мы увидѣли
человѣка лѣтъ подъ трид-
цать, обмакивающего хлѣб-
ныя корки въ водоемѣ. Воз-
лѣ него, на правѣ, лежала
длинная шпага и копомка.
Онъ былъ худо одѣтъ, но
спашень и хорошъ собою.

Мы сдѣлали ему учпивое прикѣпспвіе; онъ также намъ поклонился. Потомъ подавая намъ свои корки, спрашивалъ съ улыбкою, не угодно ли намъ откушать съ нимъ вмѣстѣ. Мы отвѣчали, что ради сдѣлать ему компанію, если онъ позволилъ присоединить къ своему завтраку и нашъ. Съ удовольствіемъ на это онъ согласился, и мы разложили потчасъ свои припасы, что незнакомцу было не прошивно.—„Ай, господа, вскричалъ онъ съ радостью, какой у васъ славной запасъ! Я вижу, вы люди весьма предусмотрительные. А я такъ пу-

тешеспівую безъ предосторожностей, и полагаюсь больше на счастье. Однакожь, не смотря на состояніе, въ которомъ вы меня находите, могу не хвастаясь сказать, что иногда бываю довольно блистательною особою. Знаете ли, что меня обыкновенно называютъ Принцемъ и что я имѣю тѣлохранищелей.“—Понимаю! сказалъ Діего: вы актеръ.—„Опгадали, ошвѣчалъ онъ, по крайней мѣрѣ пятнадцать лѣтъ занимаюсь я эшимъ искусствомъ. Будучи еще ребенкомъ, я игралъ уже маленькія роли.“—Признаюсь, сказалъ цырюльникъ, качая головой, я не

совсемъ вамъ вѣрю. Я знаю актеровъ: эти господа не ходяшъ пѣшкомъ по вашему, и не охопники до пищи Св. Антонія. Врядъ ли вы на театрѣ и со свѣчей снимаете.—, Вы можете, отвѣчалъ актеръ, думать обо мнѣ что вамъ угодно; но я дѣйстви-тельно имѣю самыя первыя роли: роли влюбленныхъ.“— Когда такъ, сказалъ мой товарищъ, то поздравляю васъ: я очень радъ, что господинъ Жилблазъ и я имѣемъ честь завтракать съ такою важною особою.

Тутъ начали мы грызть наши сухари и драгоцѣнные осшатики зайца, принимая

попеременно флягу въ свои
 объятія, такъ что скоро не
 осталось въ ней ни капли.
 Всѣ мы прѣе столько заня-
 ты были своимъ дѣломъ, что
 почти во все время не го-
 ворили ни слова; но окон-
 чавши завтракъ, принялись
 опять за разговоры.—„Удив-
 ляюсь, сказалъ цырюльникъ
 актеръ, видя васъ въ столь
 жалкомъ положеніи и не мо-
 гу понять, чтобы театраль-
 ный герой могъ дойти до та-
 кой бѣдности. Простите мою
 опшкрованность.“— Опшкрован-
 ность? — вскричалъ актеръ:
 такъ вы совсемъ не знаете
 Мельхіора Цапашу! благода-
 рю Бога за свой нравъ: ме-

ня никакъ разсердиться не можеть. Мнѣ пріятно, что вы обходитесь со мной безъ церемоніи: у меня самого что на умѣ, то и на языкѣ. Охотно признаюсь, что я не богашъ. Посмотрите, продолжалъ онъ, показывая намъ, что камзолъ его подбитъ театральными афишками, вотъ обыкновенная моя подкладка, и если вамъ хочется посмотреть мой гардеробъ, то я удовольствую ваше любопытство. — Тутъ выпавши онъ изъ кофточки плащъ обшитою полинявшимъ мисурнымъ позументомъ, худую шляпу съ старымъ плюмажемъ, шелковые чулки со-

всемъ въ дырахъ , и изно-
 шенные башмаки изъ красна-
 го сафьяна. — Вы видите ,
 сказалъ онъ потомъ , что я
 порядочной нищій. — „Удиви-
 тельно, опвѣчалъ Діего, раз-
 вѣ нѣтъ у васъ жены?“ — О!
 жена у меня молодая и пре-
 красная, прервалъ Цапапа,
 но это не помогаетъ. Поди-
 витеесь моей горькой участи!
 Я женился на пригожей ак-
 трисѣ, въ надеждѣ, что она
 не допуститъ меня умереть
 съ голоду; а она, къ моему
 несчастію, цѣломудреннѣе Су-
 санны. Кто бы на моемъ мѣ-
 стѣ не обманулся? Случись же
 какъ на смѣхъ, чтобъ меж-
 ду спранствующими по се-

леніямъ актрисами нашлась одна добродѣтельная, и досталась бы именно мнѣ!—, И подлинно, это великая неудача, сказалъ цырюльникъ; зачѣмъ же не женились вы на актрисѣ изъ большой Мадридской труппы? ужь пусть бы не ошиблись въ своемъ разсчетѣ.“—Согласенъ, прервалъ актеръ, но нашему ли брату бѣдняку думать о такихъ славныхъ героиняхъ! Это честолюбіе позволишельно однимъ только актерамъ Принцовой труппы; да и имъ доспаются иногда поискать себѣ невѣсты по городу. Счастье ихъ, что городъ хорошъ, и часто встрѣ-

чаются такія партіи, копорыя очень стоятъ театральныхъ Принцессъ.

„А будто бы вы никогда и не старались, сказалъ мой товарищъ, поспать въ эту труппу? Развѣ для вступленія въ нее нужны большія достоинства?“ — Смѣйтесь, смѣйтесь! отвѣчалъ Мельхiorъ, эта труппа состоитъ изъ двадцати актеровъ: спросите объ нихъ у публики, вамъ распишутъ ихъ хорошо. Половина изъ нихъ достойна, подобно мнѣ, носить суму. Однакожь, не смотря на это, не легко поспать въ ихъ кругъ: недоспатоки талантовъ надобно замѣнить

деньгами, либо сильными
 друзьями. Я знаю это, по-
 тому что возвращаюсь те-
 перь изъ Мадрида, гдѣ я
 былъ страшнымъ образомъ
 обруганъ и осмѣянъ, хотя
 заслуживалъ рукоплесканія.
 Я кричалъ, визжалъ, крив-
 лялся, выходилъ изъ себя,
 подспавлялъ кулакъ къ под-
 бородку моей Принцессы,
 словомъ—игралъ шакъ, какъ
 играютъ лучшіе тамошніе
 актеры; однакожь, та самая
 публика, которой въ Мад-
 ридскихъ актеряхъ нрави-
 лись подобныя ухватки, не
 могла перпѣть ихъ во мнѣ.
 Вотъ каково предубѣжденіе!
 Такимъ образомъ, не могши

нравиться своей игрой и не имѣя никакихъ средствъ вступишь въ шруппу, на зло тѣмъ, которые меня осмивали, возвращаюсь въ Заморю, къ своей женѣ и поварищамъ, которыхъ оставилъ не слишкомъ въ хорошемъ положеніи. Дай Богъ! чшобы не доспалось намъ ходить по міру и собирать подаяніе, чшобъ было съ чѣмъ перешащиться въ другой городъ, что уже не одинъ разъ съ нами случилось!

Тутъ драматической герой вспалъ, взялъ свою котомку, шпагу, и сказалъ намъ съ важностью: „Прощайте, господа: да изліюшъ

на васъ Боги свои щедроты!“

—Да обрѣтете въ Заморѣ, подхвашилъ Діего тѣмъ же пономъ, супругу свою перемѣнившейся и хорошо приспособленною!

Только что господинъ Цапаша отвернулся отъ насъ, какъ началъ коверкаться и декламировать на дорогѣ; а мы пошчасъ принялись свистать, чтобъ напомнить ему послѣдній его дебютъ. Онъ пришелъ въ смущеніе и вообразилъ, что слышитъ еще свистъ Мадридской публики, оглянулся и примѣтя, что мы забавляемся на его счетъ, не только не обидился, но самъ еще спалъ шепитъ и

продолжалъ свой пушъ , по-
мирая со смѣху. Повеселив-
шись досыта , вышли мы
на большую дорогу и пусти-
лись далѣе.

ГЛАВА IX.

*Въ какомъ состояніи
Діего нашелъ свою родню,
и послѣ какихъ весело-
стей Жилблазъ съ нимъ
разстался.*

Мы ночевали между Мoya-
досомъ и Валпуестою, въ ма-
ленькой деревнѣ , копорой
названіе я позабылъ; на дру-
гой день, около одиннадцати

часовъ ушра, пришли на равнину Ольмедо. — „Господинъ Жилблазъ, сказалъ мнѣ мой товарищъ, вошъ мѣсто моего рожденія; не могу сморгнуть на него безъ восхищенія: сама природа вселяетъ въ насъ любовь къ опчизнѣ.“ — Господинъ Діего, отвѣчалъ я ему, человекъ, которому такъ мила его родина, долженъ бы говорить о ней съ большимъ уваженіемъ. Ольмедо кажется мнѣ городомъ, а вы называли его деревней; по крайней мѣрѣ надобно бы было дать ему имя большаго селенія. — „Виновашъ я, что такъ его унижилъ — прервалъ цырюльникъ — но скажу вамъ, что

видѣвши Мадридъ, Толедо, Саррагосу и другіе большіе города, гдѣ случилось мнѣ быть въ продолженіе моего путешествія по Испаніи, почитаю маленькіе деревнями.“

—Идучи далѣе по равнинѣ, замѣтили мы толпу народа около Ольмедо, и когда были уже такъ близко, что могли различить предметы, то глазамъ нашимъ представилось много любопытнаго.

Мы увидѣли при палатки, раскинутыя неподалеку одна отъ другой; возлѣ ихъ множество поваровъ и слугъ готовили большой пиръ. Кто накрывалъ длинные сто-

лы, поспавленные подъ палашками, кто наполнялъ глиняныя кружки виномъ. Одни ставили на огонь кострюли, а другіе жарили на вершелъ мясо всякаго рода. Но больше всего привлекъ мое вниманіе огромный театръ, шупъ же поспавленный. Декораціи были изъ карпузной бумаги, раскрашенной разными цвѣтами, съ Греческими и Латинскими девизами. Цырюльникъ, взглянувъ на сіи послѣдніе, сказалъ мнѣ: „Всѣ эти Греческія надписи пахнутъ ужасно дядей моимъ Томасомъ. Голову прозакладую, если не онъ надъ ними трудился: между нами ска-

запѣ, онѣ большой искусникѣ. Онѣ выпвердилѣ наизустѣ тѣму классическихѣ книгѣ. Жаль только, что въ обыкновенныхѣ разговорахѣ приводилѣ онѣ опшуда цѣлыя мѣста: это не всѣмѣ и нравилсѣ. Сверхѣ того, дѣдѣ мой переводилѣ Латинскихѣ поэтовѣ и Греческихѣ авторовѣ. Онѣ великой знашокѣ въ древностяхѣ, что можно видѣшѣ изѣ собственныхѣ его комментаріѣ. Безѣ него не знали бы мы, что въ Аѣинахѣ дѣти плакали, когда ихѣ сѣкали розгами: его глубокой учености обязаны мы эшимѣ отккрытіемѣ.

Когда товарищѣ мой и я

разсмопрѣли все то, о чемъ упомянуто уже мною выше, захопѣлось намъ узнатьъ, къ чему дѣлаются такія приготовления. Мы подошли нарочно поближе, чтобы спросить объ этомъ, какъ вдругъ въ томъ самомъ человѣкѣ, который распоряжалъ шутъ праздникомъ, Діего узналъ дядю своего, Томаса де ла Фуэнше, и потчасъ къ нему бросился. Учитель не скоро однако узналъ молодого цырюльника: такую послѣ десяти-лѣтней разлуки нашелъ въ немъ перемену. Но всмотрѣвшись хорошенько въ черты лица его, обнялъ онъ его съ горячностью и сказалъ

ласково: „Что я вижу? Любезной племянникъ мой, Діего, ты здѣсь, въ томъ городѣ, въ кошоромъ ты родился! Пришелъ опять къ своимъ Пенатамъ, и небо возвращаетъ тебя семейству твоему здрава и невредима! О, три и чешыре крапы счастливый день! день, достойный бытъ замѣченнымъ въ семейныхъ лѣтописяхъ! А у насъ, мой другъ, сколько новостей: дядя твой Педро, сочинитель, сдѣлался жертвою Плутона; ужъ при мѣсяца, какъ его нѣтъ на свѣтѣ. Этого скупецъ, во всю жизнь свою, опасался имѣть недоспашокъ въ самыхъ не-

обходимыхъ потребностяхъ:
Argenti pallebat amore.—Получая отъ многихъ вельможъ большіе пенсіоны, не проживалъ онъ въ годъ и десяти пистолей; не кормилъ даже и слуги своего. Этомъ безумецъ, будучи еще безразсуднѣ Грека Аристиппа, копорый посреди Ливіи велѣлъ невольникамъ бросить всѣ свои сокровища, какъ бремя ошягчающее ихъ въ пуши, копилъ весь свой вѣкъ золото и серебро. И для кого же? для наслѣдниковъ, которыхъ и на глаза къ себѣ не пускалъ. Послѣ него осталось придцать тысячъ червонныхъ: отецъ швой, дядя

Бершранъ и я, раздѣлили ихъ между собою. Мы теперь въ состояніи пристроить къ мѣсту дѣтей своихъ. Братъ мой Николай сбылъ уже съ рукъ сестру твою Терезу : она вышла замужъ за сына одного изъ нашихъ Алькадовъ (*), *Connubio junxit stabili, propriamque dicavit.* Этого-то бракъ, совершенный при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, торжествуемъ мы уже два дни съ такимъ великолѣпіемъ. Мы велѣли раскинуть на равнинѣ па-

(*) Алькадами называющіяся въ Испаніи деревенскіе сшаросты.

лашки. Каждый изъ прехъ наслѣдниковъ Педро имѣетъ по одной палашкѣ и угощаетъ на свой счетъ цѣлой день по очереди. Жаль, что ты не пришелъ ранѣе: видѣлъ бы начало нашихъ увеселеній. Третьяго дни, въ самую свадьбу, пировали мы у швоего опца. Онъ давалъ великолѣпный споль, послѣ котораго была карусель. Дядя швой, купецъ, угощалъ насъ вчера; у него былъ сельской праздникъ. Онъ нарядилъ десять пригожихъ мальчиковъ и столько же дѣвушекъ пасухами и паспушками, для чего опдалъ имъ всѣ леншы и снурки изъ своей лавки.

Эта молодежь плясала и пѣ-
ла какъ не лѣзя лучше; но
сколь ни пріятно было та-
кое зрѣлище, однакожь оно
не произвело большаго дѣй-
ствія: теперь не любятъ уже
паспущескихъ представле-
ній.“

„Сегодня моя очередь: я
долженъ доставить жише-
лямъ Ольмедо зрѣлище соб-
ственнаго моего изобрѣшенія:
Finis coronabit opus. По при-
казанію моему поставленъ
здѣсь театръ, на копоромъ,
съ помощію Божіею, заспав-
лю играшь учениковъ своихъ
сочиненную мною піэсу: *Уве-
селенія Мулея Бугентуфа, Ко-
роля Марокскаго.* Она будетъ

сыграна хорошо, потому что между пишомцами моими есть такіе, которые не уступяшъ въ декламаціи Мадридскимъ актерамъ. Это дѣти лучшихъ фамилій изъ Пеннафізля и Сеговіи, собственные мои пенсіонеры. Превосходные актеры! Правда, что я довольно и бился съ ними. Они продекламируютъ мастерски, *ut ita dicat*. Что касается до самой піэсы, то не стану теперь говорить объ ней: хочу доставить тебѣ неожиданное удовольствіе. Скажу только, что она приведетъ зрителей въ восхищеніе. Содержаніе самое трагическое! Я дер-

жусь Аристотелева мнѣнія :
хочу возбуждать ужасъ. Ахъ!
еслибъ я посвятилъ себя
трагедіи , то всегда выво-
дилъ бы на сцену однихъ
только кровожадныхъ Го-
сударей , героевъ—убійцъ—я
купался бы въ крови. Въ
трагедіяхъ моихъ погибали
бы не только главныя дѣй-
ствующія лица, но и самая
спража ; я не пощадилъ бы
и суфлёра: словомъ—я люблю
только ужасы, таковъ у ме-
ня вкусъ. Подобныя сочине-
нія привлекаютъ нынѣ пол-
пу зрителей , обогащаютъ
актеровъ , и спасають ав-
торовъ отъ голодной смер-
ти.“—

Лишь только пересталъ онъ говорить, то увидѣли мы множество людей обоего пола, шедшихъ изъ деревни на равнину. Это были молодые супруги въ сопровожденіи родственныхниковъ своихъ и пріятелей. Передъ новобрачными шли десятъ или двѣнадцать музыкантовъ, которые, играя всѣ въ одно время, сославляли очень шумной концертъ. Мы пошли къ нимъ на встрѣчу, и Діего далъ знать, кто онъ таковъ. Радостныя восклицанія раздались въ собраніи; всякой спарался прежде другихъ съ нимъ поздороваться. Не малаго труда стоило ему

принимать ошо всѣхъ изъя-
вленія дружества. Родствен-
ники и всѣ шуть бывшіе
чуть, чуть не задушили его
въ своихъ объятіяхъ.— „Здрав-
ствуй, Діего! сказалъ ему
ошецъ его — родные швои,
слава Богу, поправились: но
я не скажу теперъ ничего
болѣе, послѣ узнаешь все по-
дробно.“ — Между тѣмъ во-
шли въ палатки и сѣли за
накрытые шамъ столы. Я
не ошсшавалъ ошъ своего
товарища, и мы оба обѣда-
ли за споломъ съ новобрач-
ными, копорые, казалось,
споири другъ друга. Обѣдъ
продолжался довольно долго,
пошому что школьный учи-

пель наготовилъ множество
блюдо, желая одержать и въ
семъ случаѣ преимущество
надъ своими братьями, ко-
торые не столь великолѣпно,
какъ онъ, угощали.

Послѣ стола всѣ госпи
изъявили большое нетерпѣ-
ніе видѣть представленіе
піэсы господина Томаса, не
сомнѣваясь, чшобъ произве-
деніе такого отличнаго ге-
нія не было достойно всяка-
го вниманія. Мы подошли къ
театру, передъ которымъ
расположились уже музыкан-
ты для игры въ антр - ак-
тахъ. Всякой въ глубокомъ
молчаніи ожидалъ начала.
Актеры появились на сценѣ,

а сочинитель, съ шешрадыю
въ рукѣ, сѣлъ за кулисами,
для исправленія должноти
суфлёра.

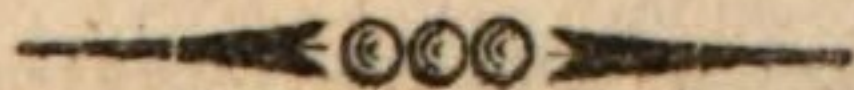
Правду говорилъ онъ, что
піеса будетъ - трагическая:
въ первомъ дѣйствіи, Царь
Марокскій, для забавы своей,
заспёрѣлилъ изъ лука спо
Арабовъ — невольниковъ; во
второмъ, опрубилъ головы
тридцати Поршугальскимъ
офицерамъ, копорыхъ взялъ
въ плѣнъ одинъ изъ его пол-
ководцевъ, и наконецъ, въ
третьемъ, эпосъ Монархъ,
наскучивъ своими женами,
зажегъ самъ особо стоявшій
дворецъ, гдѣ онъ были за-
першы, и преврашилъ его

вмѣстѣ съ заключенницами
въ пепелъ. Арабы и Порту-
гальскіе офицеры были очень
искусно сдѣланы изъ ивовыхъ
прутьевъ, а дворецъ изъ кар-
тузной бумаги, и казался
весь въ пламени отъ приго-
товленнаго нарочно для того
фейерверка. Этотъ пожаръ,
сопровождаемый жалобными
криками, которые, казалось,
происходили изъ пламени,
былъ развязкою піэсы, и до-
ставилъ зрителямъ большое
удовольствіе. Рукоплесканія
раздались по всей равнинѣ;
эта прекрасная трагедія о-
правдала хорошій вкусъ поэ-
та и доказала, что онъ у-
мѣетъ выбрать содержаніе.

Я думалъ, что послѣ *Увеселеній Мулея Бугентуфа* не будетъ уже болѣе ничего; но обманулся. Трубы и лишавры возвѣсшили намъ новое зрѣлище: раздачу наградъ. Томасъ дела *Фуэнше*, желая празднику своему придашь болѣе блеску, велѣлъ всѣмъ своимъ ученикамъ, какъ приходящимъ, такъ и пенсіонерамъ, пригошовишь сочиненія, и ошличныхъ хошѣлъ въ эпошъ день наградить книгами, купленными на собственный его счетъ въ *Сеговіи*. Въ одинъ мигъ приесли изъ класса на театръ двѣ длинныя скамьи, и шкафъ, набишый спарыми книгами.

Тутъ всѣ актеры вышли
опять на сцену и стали во-
кругъ господина Томаса, ко-
торый принялъ на себя важ-
ный видъ Префекта. Онъ дер-
жалъ въ рукѣ списокъ удо-
стоеннымъ къ наградамъ и
подалъ эту бумагу Царю Ма-
рокскому, который началъ
читашь ее въ слухъ. Каждый
ученикъ, котораго имя было
провозглашаемо, подходилъ съ
подобострасіемъ къ педан-
ту и получалъ изъ рукъ его
книгу. Потомъ, увѣнчавъ его
лаврами, сажали на скамью,
чтобы обратить на него взо-
ры удивляющейся публики.
Сколько ни желалъ школьный
учитель спускитишь доволь-

ными зришелей, но не могъ успѣшь въ томъ. Онъ роздалъ, какъ обыкновенно водится, почти всѣ награжденія своимъ пенсіонерамъ, за что разсердились чрезвычайно матери приходящихъ учениковъ, и обвиняли педанша въ приспрасіи. Праздникъ, копорый до тѣхъ поръ сполько принесъ ему славы, чуть было не кончился также худо, какъ и торжество Пиѣское.

ЖИЛБЛАЗЪ
ДЕ
САНТИЛЛАНА.

~~~~~
КНИГА ТРЕТІЯ.

ГЛАВА І.

*О прибытіи Жилблаза
въ Мадридъ и о первоѣ
господинѣ, у котораго
онъ тамъ служилъ.*

Пробывъ нѣсколько време-
ни у молодаго цырюльника,
приспалъ я къ одному Сегов-
скому купцу, который про-
ѣзжалъ черезъ Ольмедо. Онъ
опвозилъ на чешырехъ му-
лахъ шовары въ Валладолидъ,

и возвращался опшуда порожнякомъ. Мы познакомились на дорогѣ, и онъ такъ со мною подружился, что хошълъ непременно, члюбь я, по прїѣздѣ въ Сеговію, остановился въ его домѣ. Онъ удержалъ меня у себя два дни; и когда я совсемъ уже срядился ѣхать въ Мадридъ съ погонщикомъ муловъ, то далъ онъ мнѣ письмо, прося доставить его по адресу, и не сказавъ, что оно было рекомендапельное. Я не преминулъ вручить его господину Машею Мелендецу, купцу торговавшему сукномъ, и жившему у воротъ Солнца, на углу Сундучной улицы.

Распечатавъ пакетъ и прочишавъ письмо, сказалъ онъ мнѣ ласково: „Господинъ Жилбазъ, Педро Палаціо, корреспондентъ мой, пишетъ ко мнѣ объ васъ сполько хорошаго, и шакъ убѣдительно, что я не допущу васъ искашь для себя кварширу. Еще онъ просишь меня найши для васъ хорошее мѣсто, и я берусь за эшо съ большимъ удовольствіемъ. Надѣюсь, что не трудно мнѣ будетъ доставишь вамъ выгодное мѣсто.“—

Я принялъ предложеніе Мелендеца тѣмъ съ большею радостію, что казна моя истощалась примѣшнымъ обра-

зомъ ; но не долго , у него прожилъ. Черезъ недѣлю сказалъ онъ мнѣ , что рекомендовалъ меня одному знакомому кавалеру, кошорому нуженъ камердинеръ , и что, повидимому, это мѣсто за мною останешся. Въ самомъ дѣлѣ, въ ту же минуту пришелъ къ намъ и этотъ кавалеръ. „Вотъ, сударь, сказалъ ему Мелендецъ, указывая на меня, этотъ молодой человекъ , о кошоромъ я вамъ говорилъ. Онъ честной и скромной малой : ручаюсь за него , какъ за самого себя.“ — Кавалеръ, посмотрѣвъ на меня пристально, сказалъ, что физіогномія моя ему нравится ,

и чшо онъ принимаетъ меня къ себѣ въ службу. „Пускай онъ идетъ за мною, прибавилъ онъ, я покажу ему, въ чемъ будешь состоять его должностъ.“—Тутъ проспился онъ съ купцомъ, и повелъ меня въ большую улицу противъ самой церкви Св. Филиппа. Мы вошли въ порядочной домъ, въ которомъ онъ занималъ цѣлый флигель; по лѣстницѣ состоящей изъ пяти или шести ступеней, ввелъ онъ меня въ комнату, запертую двумя крѣпкими дверьми, изъ которыхъ въ первой по срединѣ было маленькое решетчатое окно. Изъ этой комнаты пришли

мы въ другую, гдѣ стояла кровать и прочія мебели, не богатыя, но опрятныя.

Если новый господинъ мой не спускалъ съ меня глазъ у Мелендеца, то и я съ большимъ вниманіемъ его разсматривалъ. Онъ былъ человѣкъ слишкомъ пятидесяти лѣтъ, важной и холодной наружности; онъ казался мнѣ крошкаго нрава, и физіогномія его меня не обманула. Онъ сдѣлалъ мнѣ множество вопросовъ о родныхъ моихъ; и будучи доволенъ моими отвѣтами, сказалъ: „Жил-близъ, кажется, ты малой умной; я очень радъ, что ты ко мнѣ попался. Да и ты

мѣсѣцѣмъ своимъ будешь доволенъ. Я буду давать тебѣ каждый день по шести реаловъ на все твое содержаніе, кромѣ того, что ты можешь еще кой-чемъ у меня пользоваться. Впрочемъ, служишь мнѣ не трудно. Я не держу у себя сполоа; а обѣдаю всегда въ гостяхъ или въ шпактирѣ. По утру долженъ ты вычислить мое платье, и попомъ цѣлый день будешь свободенъ. Только приходи домой пораньше вечеромъ и дожидайся меня у дверей; возьми все, чего я опъ тебя требую.“ — Сказавъ такимъ образомъ, въ чемъ будешь соспоаяшь моя должносшь, вы-

нулъ онъ изъ кармана шесть
 реаловъ , которые и опдалъ
 мнѣ въ силу заключеннаго
 имъ со мною условія. Потомъ
 мы вышли; онъ заперъ двери
 самъ, и взявъ къ себѣ ключи:
 „другъ мой, сказалъ онъ мнѣ,
 не ходи за мною : спупай,
 куда хочешь; но чшобъ вече-
 ромъ, когда я приду домой,
 ты былъ уже на лѣспницѣ.“—
 Сказавши это, онъ удалился
 и оставилъ меня распола-
 гать собою, какъ мнѣ угод-
 но.

„Право, Жилблазъ, сказалъ
 я пушъ самъ себѣ , не най-
 дешъ ты лучшаго господина!
 Какъ! ты попалъ къ такому
 человѣку , который за то ,

что вычислишь по ушру его
плашье и приберешь комна-
ту, даешь тебѣ каждый день
по шести реаловъ, позволяя
гуляшь и веселиться, какъ
ученику во время вакацій!
Ей, ей! нѣтъ состоянія сча-
сливѣе моего! Не удивля-
юсь болѣе тому, что мнѣ
такъ хотѣлось быть въ Мад-
ридѣ: я безъ сомнѣнія пред-
чувствовалъ ожидавшее меня
здѣсь блаженство.“ — Цѣлый
день таскался я по улицамъ,
и разсматривалъ съ удоволь-
ствіемъ все, что было для
меня еще ново, и это не ма-
ло меня занимало. Вечеромъ,
отужинавъ въ пражирѣ,
который былъ не далеко отъ

нашей квартиры, поспѣшилъ
 я на мѣсто, гдѣ господинъ
 мой велѣлъ мнѣ дожидаться
 его. Черезъ три четверти
 часа послѣ меня пришелъ и
 онъ, и казался довольнымъ
 моею почтностью. „Хорошо,
 сказалъ онъ, это мнѣ нра-
 вится: люблю слугъ, кото-
 рые помнятъ свою долж-
 ность.“ Тутъ онъ отворилъ
 двери въ комнату, и заперъ
 ихъ опяшь, когда мы вошли.
 Самъ вырубилъ огонь и за-
 жегъ свѣчу. Я пособилъ ему
 раздѣться. Когда онъ легъ
 въ постелю, то я засвѣшилъ
 ночникъ, который споялъ
 въ каминѣ, и вынесъ свѣчу
 въ переднюю, гдѣ распо-

жился спать на маленькой кровати безъ занавѣсокъ. На другой день по утру вспалъ онъ часу въ десятомъ; я вычиспиль его плашье; онъ опсчишалъ мнѣ шесшь реаловъ, и оппустилъ меня до вечера; вышелъ также и самъ, не забывъ запереть дверей, и мы оба на цѣлый день опправились со двора.

Вотъ какую вели мы жизнь; она мнѣ очень нравилась. Всего забавнѣе было то, что я не зналъ имени моего господина. Самому Мелендецу оно было неизвѣспно: онъ зналъ эшаго кавалера только пошому, что онъ приходилъ иногда въ его лавку

покупать сукно. Сосѣди наши столь же мало могли удовлетворить моему любопытству; всѣ они увѣряли меня, что господинъ мой имъ не знакомъ, хотя живешь уже два года въ этомъ мѣстѣ. Они сказывали мнѣ, что онъ ни къ кому не ходишь; а иные, привыкши толковать все въ дурную сторону, говорили, что это такой человѣкъ, отъ котораго нечего ожидать добраго. Но этого еще не довольно: скоро послѣ того стали подозрѣвать, что онъ былъ шпионъ Короля Португальскаго, и намекали мнѣ изъ состраданія, чтобы я осе-

регался. Такое подозрѣніе крайне меня встревожило : я представлялъ себѣ , что если это справедливо, то не трудно мнѣ будешь познакомиться съ Мадридскими пюръмами. Невинность моя не могла меня успокоить ; прошедшія несчастія заставляли меня бояться правосудія. Я испыталъ уже два раза , что хотя оно и не отнимаетъ жизни у невинныхъ : но худо, очень худо наблюдаетъ права госшепріимства.

Въ такомъ сомнительномъ положеніи просилъ я совѣта у Мелендеца. Онъ не зналъ , что ошѣчатъ мнѣ : не хо-

тѣлъ вѣришь, чшобъ господинъ мой былъ шпіономъ, и не могъ никакъ ручаться въ прошивномъ. Я рѣшился наблюдать за своимъ господиномъ, и оставишь его, если примѣчу, что онъ въ самомъ дѣлѣ государственный врагъ; но мнѣ казалось, что благо-разуміе и беззаботная жизнь моя требовали, чшобъ я узналъ обо всемъ, какъ можно вѣрнѣе. И пакъ началъ я присматривать за всѣми его поступками, и желая что нибудь ошъ него вывѣдать, сказалъ ему однажды вечеромъ, раздѣвая его. „Не знаю, сударь, какъ жить, чшобъ избавишься ошъ пересудовъ.

У всѣхъ злой языкъ! И нашими сосѣдями не лѣзя похвалишься. Негодные люди! Вы удивись, что они объ насъ говорятъ.“ — А что бы такое, другъ мой, Жилблазъ, они объ насъ говорили? — „Клеветники всегда найдутъ что говорить: добродѣтельные сами подають имъ къ этому причину. Сосѣди наши говорятъ, будто мы люди опасные, и заслуживаемъ вниманіе правительсшва; однимъ словомъ, васъ почишають здѣсь шпиономъ Короля Португальскаго.“ — При сихъ словахъ смошрѣлъ я на своего господина точно такъ, какъ Александръ на своего врача,

и упошребилъ всю свою про-
ницательность, чтобы уз-
нашь, какое дѣйствіе произ-
вели надъ нимъ мои слова.
Мнѣ казалось, что онъ при-
шелъ опъ нихъ въ ужасъ,
который подтвердилъ догад-
ки сосѣдей; послѣ того онъ
задумался, что также при-
нялъ я не совсемъ въ хоро-
шую сторону, Однакожь сму-
щеніе его изчезло; онъ ска-
залъ мнѣ съ видомъ, довольно
спокойнымъ: „Жилблазъ, пу-
скай сосѣди наши судятъ объ
насъ, какъ хошятъ; не
будемъ о томъ заботиться.
Какая намъ нужда до люд-
скаго мнѣнія, когда мы

не подаемъ повода думать о себѣ дурно?“

Онъ легъ спать, и я последовалъ его примѣру, не зная самъ, на что рѣшиться. На другой день по утру, располагаясь выйти со двора, услышали мы сильной стукъ у первыхъ дверей на лѣспницѣ. Господинъ мой отворилъ другія и посмотрѣлъ въ маленькое решетчатое окно. Человѣкъ, порядочно одѣтый, сказалъ ему: „Господинъ кавалеръ, я Алгвазилъ, пришелъ сказать вамъ, что господинъ Коррежидоръ желаетъ съ вами видѣться.“ — Чего ему отъ меня угодно?—,,Не могу вамъ

доложишь; извольте идти къ
 нему: вы сами о томъ узна-
 ете.“—Слуга покорной! Я не
 имѣю до него никакого дѣ-
 ла.—Сказавши это, онъ за-
 хлопнулъ впорыя двери; и
 походя нѣсколько времени
 назадъ и впередъ, какъ будто
 бы слова Алгвазиловы за-
 сшавляли его много кое-о чемъ
 подумать, далъ мнѣ шесть
 реаловъ, и сказалъ: „Спу-
 пай, мой другъ; а я еще не
 скоро уйду, ты не нуженъ
 мнѣ сегодншнее утро.“—
 Изъ этихъ его словъ заклю-
 чилъ я, что онъ опасается
 взявъ бышь подъ спражу и
 нарочно для того остался
 дома. Желая увѣришься въ

догадкахъ своихъ, спрятался я въ такое мѣсто, откуда могъ видѣть, какъ онъ пойдетъ изъ комнаты. У меня достало бы терпѣнія пробыть тамъ цѣлое утро, еслибъ онъ не избавилъ меня отъ эшаго труда. Черезъ часъ увидѣлъ я, что онъ пошелъ со двора безъ всякаго опасенія; со всею проницательностію моею я обманулся, но не вдругъ повѣрилъ наружности; сомнѣніе удерживало меня: я судилъ о немъ не очень снисходительно. Мнѣ казалось, что походка его легко могла бытъ припворною; я воображалъ даже, что онъ оспавался дома поль-

ко для того, чтобы забрать все свое золото и драгоценные камни, и что, вѣроятно, онъ спарался, какъ можно скорѣе, скрышья въ безопасное мѣсто. Я не надѣялся уже болѣе его увидѣть, и колебался, идти ли мнѣ вечеромъ ждашь его у дверей, будучи твердо увѣренъ, что въ этомъ же день онъ выйдетъ изъ города, чтобы скрышья опъ угрожающей ему опасности. Однакожь я рѣшился придти опяшь домой. Къ удивленію моему, онъ возвратился по обыкновенію: легъ спать не показывая ни малѣйшаго безпокойства, и на другой

день всшалъ также спокой-
но.

Когда онъ совсемъ одѣлся,
то вдругъ постучались у
дверей. Выглянувъ въ малень-
кое окно, узнаетъ онъ Ал-
гвазила, кошорый былъ у не-
го наканунѣ, и спрашиваетъ,
чего ему надобно? „Отвори-
те, отвѣчаетъ Алгвазилъ: го-
сподинъ Коррежидоръ прі-
ѣхалъ.“ — При семъ спраш-
номъ имени, кровь въ жи-
лахъ моихъ остановилась. Я
боялся этихъ господъ, какъ
огня, послѣ того, какъ по-
бывалъ въ рукахъ ихъ, и
желалъ бы въ ту мину
быть за сто миль отъ Мад-
рида. Что касается до мо-

его господина, по испугав-
 шись менѣ моего, отворилъ
 онъ двери, и принялъ судью
 съ почтеніемъ. „Вы видите,
 сказалъ ему Коррежидоръ,
 что я пришелъ къ вамъ безъ
 свишы; я хочу изслѣдовать
 дѣло безъ шуму. Не смотря
 на непріятные слухи, копо-
 рые носящся объ васъ по го-
 роду, думаю я, что вы за-
 служиваете нѣкоторое сни-
 схожденіе. Скажите мнѣ, какъ
 васъ зовутъ, и что вы дѣ-
 лаете въ Мадридѣ?“—Мило-
 спивый Государь, отвѣчалъ
 ему мой господинъ, я родомъ
 изъ Новой Касшилліи; имя
 мое Донъ Бернардъ де Ка-
 сшилъ Блазо. Чтожь касается

до занятій моихъ: я прогуливаюсь, бываю часто въ театрѣ, и всякой день веселюсь въ небольшомъ кругу моихъ пріятелей. „Вы имѣете, безъ сомнѣнія, большой достатокъ?“—Нѣтъ, сударь—у меня нѣтъ ни доходовъ, ни деревень, ни домовъ.— „Чѣмъ же вы живете?“—Тотчасъ покажу вамъ.—Тутъ поднялъ онъ обои, отворилъ дверь, копорую я прежде того не замѣтилъ, пошомъ еще другую, и ввелъ судью въ кабинетъ, гдѣ стоялъ большой сундукъ, наполненный червонцами; онъ открылъ его и показалъ свое золотио.

Вы знаете, сказалъ ему

попомъ, что Испанцы враги
 всякаго труда; сколь ни ве-
 лика склонность ихъ къ
 бездѣйствию, но могу ска-
 зать, что въ этомъ случаѣ
 перешеголялъ я ихъ всѣхъ:
 во мнѣ такая лѣнь, кошорая
 дѣлаешь меня неспособнымъ
 ни къ какому занятію. Ес-
 либъ я хотѣлъ прикрасить
 порокъ свой именемъ добро-
 дѣтели, то назвалъ бы лѣ-
 ность свою философскою без-
 печностью; я сказалъ бы,
 что это слѣдствіе опытно-
 сти, наскучившей суедами
 свѣта; но признаюсь чистосер-
 дечно, что я лѣнивъ отъ
 природы, и такъ лѣнивъ,
 что, еслибъ надобно мнѣ бы-

ло прудисься для своего пропитанія, то думаю, что скорѣе уморилъ бы самъ себя съ голоду, нежели принялся за работу. И такъ желая вести жизнь, согласную съ моимъ нравомъ, не забоишься о сохраненіи богатства, а что всего важнѣе, обойдись безъ управителя, обратилъ я все свое недвижимое имѣніе, доставшееся мнѣ въ наслѣдство отъ моихъ родственниковъ, въ наличныя деньги. Въ этомъ сундукѣ пятьдесятъ тысячъ червонныхъ, болѣе, нежели сколько мнѣ нужно на остатокъ дней моихъ, хотя бы я и слишкомъ спо

лѣшъ прожилъ, пошому чшо въ годъ не испрачу я и тысячи червонныхъ; а мнѣ уже за пѣшдешъ. Будущее не ужасаеиъ меня: благодаря Бога, не преданъ я ни одной изъ трехъ страсней, копорыя обыкновенно доводяшъ до разоренія. Къ пишью и лакомству я не приспѣраспенъ, играю только для препровожденія времени, опѣ женшинъ совсемъ опѣспалъ. Не опасаюсь, чшобы въ старости моей причислили меня къ шѣмъ сласполубцамъ, копорымъ кокетки продають ласки свои за золото.

„Какъ вы счастливы! сказалъ ему Коррежидоръ. На-

прасно подразрѣваютьъ васъ въ
 шпіонствѣ; чловѣку съ ва-
 шимъ характеромъ такое ре-
 месло не прилично. Живите
 попрежнему. Я не только
 не хочу нарушать вашего
 спокойствія; но объявляю се-
 бя защитникомъ вашимъ,
 прошу дружбы вашей, и пред-
 лагаю вамъ свою.“—Ахъ! су-
 дарь, вскричалъ господинъ
 мой, пронутый сими слова-
 ми, съ радостію и съ поч-
 теніемъ принимаю я драго-
 цѣнное предложеніе, которое
 вы мнѣ дѣлаете. Удостоивая
 меня дружбы вашей, вы у-
 величиваете мое богатство и
 полагаете верхъ моему бла-
 гополучію!

Послѣ эшаго разговора ,
 слышаннаго мною и Алгва-
 зиломъ у дверей кабинета ,
 Коррежидоръ просился съ
 Дономъ Бернардомъ, который
 не въ состояніи былъ выра-
 зить ему всей своей при-
 знашельности. Я съ своей
 стороны, подражая моему
 господину, осыпалъ учтиво-
 стями Алгвазила , оповѣсилъ
 ему множество низкихъ по-
 клоновъ, хотя въ душѣ сво-
 ей чувствовалъ къ нему пре-
 зрѣніе и отвращеніе , какое
 всякому честному человѣку
 къ Алгвазилу имѣлъ свой-
 ственно.

ГЛАВА II.

Какъ удивился Жилблазъ встрѣтившись въ Мадридѣ съ Капитаномъ Роландо; то любопытнаго разсказалъ ему этотъ разбойникъ.

Донъ Бернардъ де Каспиль Блазо проводилъ Коррежидора на улицу, и ворошившись назадъ, заперъ свой сундукъ и всѣ двери, которыя охраняли его безопасность; потомъ оба мы вышли въ большомъ удовольствіи: онъ отъ того, что пріобрѣлъ такого сильнаго друга, а я, что удостоверился въ исправномъ

полученіи каждый день шести реаловъ. Мнѣ захотѣлось рассказать Мелендецу объ этомъ происшествіи, и такъ я пошелъ прямо къ нему. Подходя уже къ дому его, увидѣлъ я Капишана Роландо. Такая встрѣча чрезвычайно удивила меня; при первомъ на него взглядѣ я вздрогнулъ невольнымъ образомъ. Онъ тотчасъ меня узналъ, подошелъ ко мнѣ съ важностью, и прежнимъ повелительнымъ тономъ приказалъ за собою слѣдовать. Я съ пререпешомъ повиновался, и подумалъ: конечно, хочешь онъ, чтобы я заплашилъ теперь все, чѣмъ ему долженъ. Куда онъ ве-

дешъ меня? Можешъ бышь и въ эпомъ городъ ешь у него какое нибудь подземелье. Если шакъ, то я докажу ему, что у меня нѣшъ подагры. Я шель позади его, и наблюдалъ шолько, въ какомъ мѣсшѣ захочешъ онъ ошпановишья, рѣшившись бѣжашъ со всѣхъ ногъ, когда оно покажешся мнѣ хопъ немного подозришельнымъ.

Страхъ мой скоро разсѣлся. Роландо вошелъ въ одинъ славной шракширь: я не ошспавалъ ошъ него. Онъ спросилъ самаго лучшаго вина, и велѣлъ приготовишь обѣдъ. Между шѣмъ расположились мы въ особой ком-

намъ, гдѣ Роландо, остав-
 шись со мною одинъ, ска-
 залъ: „Конечно, Жилблазъ,
 кажется тебѣ странно, что
 видишь здѣсь прежняго сво-
 его командира; но ты еще
 болѣе удивишься, когда раз-
 скажу тебѣ, что со мною
 случилось. Въ тошъ самой
 день, какъ я оставилъ себя
 одного въ подземельѣ, и оп-
 правился со всею своею
 командою въ Мансиллу для
 продажи муловъ и лошадей,
 полученныхъ въ добычу на-
 канунъ, попался намъ на
 встрѣчу сынъ Леонскаго Кор-
 режидора. Подлѣ кареты его
 ѣхали чешыре человѣка верь-
 хомъ, очень хорошо воору-

женные. Двоихъ изъ нихъ положили мы на мѣстѣ; а другіе двое убѣжали. Кучеръ, опасаясь, чшобъ не лишили жизни его господина, закричалъ намъ умоляющимъ голосомъ: — Ахъ! милоспивые государи, ради Бога, не убивайте сына Леонскаго Коррежидора! у него одинъ шолько онъ и есть! — Эши слова не пронули моихъ рыцарей; но привели еще ихъ въ большее неисповсшво. — Господа, сказалъ намъ одинъ изъ нихъ, не выпустимъ изъ рукъ своихъ сына смерпельнаго врага нашихъ собраний. Сколько шоварищей нашихъ лишились жизни по приказанію

отца его! Опшмспимъ за нихъ, принесемъ жершву тѣнямъ ихъ! Всѣ, кромѣ меня, одобрили единогласно это предложеніе. Поручикъ готовился даже быть первымъ жрецомъ въ этомъ жертвоприношеніи; но я, удержавъ его руку, сказалъ ему: постой! зачѣмъ проливать кровь безъ нужды? Будемъ довольны и кошелькомъ эшаго молодого человека. Когда онъ не пропивишся, то безчеловѣчно умерщвлять его. Впрочемъ, онъ не обязанъ отвѣчать за поступки своего отца; а отецъ его, приговаривая насъ къ смерти, исполняетъ только свою должностъ, шакъ

какъ и мы исполняемъ нашу, нападая на путешественниковъ.“

„И такъ я предсшательсшвовалъ за Коррежидорова сына, и предсшательсшво мое не было ему безполезно. Мы шолько обобрали у него всѣ деньги, и взяли съ собою оставшихся послѣ убитыхъ двухъ человекъ лошадей. Продавши ихъ вмѣстѣ съ шѣми, которыхъ вели мы въ Мансиллу, возвратились въ подземелье, куда прибыли на другой день за нѣскольکو минутъ передъ разсвѣтомъ. Мы не мало удивились, нашедши опускную дверь поднятою; удивленіе наше еще увеличи-

лось, когда увидѣли въ кух-
нѣ Леонарду связанную. Она
объяснила намъ все въ двухъ
словахъ. Непонятно каза-
лось намъ, какъ ты могъ
обманушь насъ: никогда не
почишали мы тебя способ-
нымъ сыграть съ нами ша-
кую славную шутку, и про-
щаемъ ее за хорошій вымы-
селъ. Мы ошвзяли кухарку,
и я велѣлъ ей приготоуишь
намъ чего нибудь поѣсть.
Между тѣмъ пошли мы въ
конюшню посмолрѣть за ло-
шадьми. Спарой Арабъ, не
получивъ цѣлыя сумки ни-
какой помощи, лежалъ при
послѣднемъ издыханіи. Намъ
хотѣлось пособишь ему, но

онъ былъ совсемъ уже безъ чувствъ, и показался намъ такъ мруденъ, что, не сморя на добрую волю нашу, оставили мы его борясь со смертію. Это однакожь не помѣшало намъ сѣсть за столъ; наѣвшись досыта, разошлись мы по своимъ комнатамъ, гдѣ отдыхали цѣлый день. Когда же проснулись, то Леонарда объявила намъ, что Доминго приказалъ долго жить. Мы опнесли его въ погребъ, копорый, если помнишь, служилъ тебѣ спальнею, и похоронили его тамъ, какъ будто бы онъ имѣлъ честь быть нашимъ товарищемъ.“

„Пять или шесть дней
спустя, отправившись по
ушру на добычу, встрѣтили
мы, при выходѣ изъ лѣса,
при опряда сыщиковъ свя-
той Германдадъ, которые,
казалось, насъ ожидали. При-
мѣшивъ сначала одинъ толь-
ко опрядъ, мы не опасались
его, хотя онъ былъ гораздо
многочисленнѣе насъ, и сдѣ-
лали на него нападеніе; но
два другіе, которыхъ преж-
де не было видно, вдругъ на
насъ бросились и храбрость
наша не послужила намъ ни
къ чему: должно было усту-
пить такому множеству не-
пріятелей. Поручикъ и двое
изъ нашихъ всадниковъ были

убишы; а двое другихъ и я, попались въ руки къ сыщикамъ. Между тѣмъ, какъ два отряда провожали насъ въ Леонъ, третій пошелъ разоряшъ наше жилище; я сей часъ расскажу тебѣ, какъ объ немъ узнали. Одинъ крестьянинъ изъ Люцено, возвращаясь домой, нечаянно увидѣлъ поднятую у нашего подземелья дверь; это случилось въ тотъ самый день, когда ты вышелъ отсюда съ госпожею. Ему тотчасъ пришло въ голову, что тутъ должно быть разбойничье жилище; но онъ не смѣлъ войти въ него: осмотрѣлъ только окрестности; а чтобы

удобнѣе найши впрעדъ это мѣсто, сдѣлавъ пожемъ своимъ мѣшки на корѣ деревь-евъ до самаго выхода изъ лѣсу. Потомъ отправился онъ въ Леонъ, и объявилъ тамъ о своемъ открытіи Коррежидору, который тѣмъ болѣе обрадовался этому, что сынъ его ограбленъ былъ на-шею шайкою. Онъ приказалъ отправить при опрада, для ошысканія насъ, и крестья-нинъ служилъ имъ провод-никомъ.“

„Прибытіе мое въ Леонъ было позорищемъ для всѣхъ жишелей. Еслибъ я былъ Поршугальской Генералъ и попался въ плѣнъ, то и то-

гда бы народъ не столько около меня толпился. „Вошъ онъ, кричали всѣ, вошъ славный эшопъ ашаманъ, ужасъ нашей округи! Онъ и оба его товарища достойны бышъ разшерзаны калеными щипцами.“ Насъ представили Коррежидору, кошорый осыпалъ меня ругательствами.— Злодѣй! сказалъ онъ мнѣ, Небо раздраженное беззаконною швоею жизнью, наконецъ предоставляетъ тебя моему правосудію.“

„Милосшивый государъ, ошвѣчалъ я ему, конечно во многомъ можеше вы меня обвинишь; но только не въ смерти вашего сына: я со-

хранилъ его жизнь, и смѣю
сказать, что вы обязаны
мнѣ за это своею призна-
тельностью. — Бездѣльникъ!
вскричалъ онъ, можно ли съ
подобными тебѣ поступать
великодушно? Еслибъ я и за-
хотѣлъ спасти тебя, то
долгъ званія моего сдѣлашь
того не дозволяетъ. Сказав-
ши это, велѣлъ онъ поса-
дить насъ въ шюръму, гдѣ
не долго заспавиль помыш-
ся моихъ поварищей: чрезъ
три дни вышли они опшу-
да, для представленія пра-
гической роли на площади.
Что касается до меня, то
я пробылъ въ заключеніи цѣ-
лыя три недѣли. Я думалъ,

что наказаніе мое отклады-
 ваюшъ только за тѣмъ, что-
 бы сдѣлать его еще ужаснѣе,
 и готовился уже къ новому
 роду смерти; но Коррежи-
 доръ, призвавъ меня опять
 къ себѣ, сказалъ: „Выслушай
 приговоръ твой: ты свобо-
 денъ. Безъ тебя, убили бы
 моего сына. Какъ отецъ, я
 хотѣлъ изъяснить тебѣ при-
 значенность за эту услугу;
 а какъ судья, не могши самъ
 избавить тебя отъ наказа-
 нія, писалъ въ твою пользу
 ко Двору: просилъ тебѣ по-
 милованья, и получилъ его.
 Спуй теперь, куда хочешь.
 Но, послушай, прибавилъ онъ,
 употреби въ пользу эгошъ

счастливы́й случай: опомнись и оставь навсегда безчестное свое ремесло.“

„Я былъ пронутъ увѣщаніемъ Коррежидора, и пошелъ въ Мадридъ, въ намѣреніи проведши здѣсь спокойно оставшій своей жизни. Родителей моихъ не было уже на свѣтѣ; оставшееся послѣ нихъ и принадлежащее мнѣ имѣніе находилось въ рукахъ одного стараго родственника, который, какъ опекунъ, подалъ мнѣ вѣрный всему счетъ. Съ трудомъ получилъ я отъ него три тысячи червонныхъ, которые, можетъ быть, не составляли и четвертой части моего на-

слѣдства . Чшожь дѣлашь ?
 Еслибъ я вздумалъ и шя-
 гаться съ нимъ, то и пог-
 да бы ничего не выигралъ.
 Чтобы не оставашься въ
 праздности , купилъ я себѣ
 должносшь Алгвазила. Сопо-
 варищи мои вѣрно бы , изъ
 благоприспойности , не до-
 пустили меня войши въ ихъ
 сообщество, еслибъ знали мою
 исторію; но къ счастію они
 ее не знають, или припво-
 ряются, что не знають , а
 это все равно : въ почтен-
 номъ нашемъ сословіи вся-
 кой долженъ скрыватьъ соб-
 ственныя свои дѣла, и намъ
 грѣшно упрекать въ чемъ
 либо другъ друга! При всемъ

томъ , скажу тебѣ откровенно , что должность моя мнѣ не нравится: она требуетъ особенныхъ способностей и величайшей осторожности : надобно плутовать самымъ тонкимъ и скрытнымъ образомъ. Не разъ вздохну, когда вспомню прежнее свое ремесло! Признаюсь, что въ нынѣшнемъ болѣе безопасности; за то въ первомъ больше удовольствія и свободы , а свобода всего для меня дороже. Мнѣ очень хочется оставить свою должность и при первомъ удобномъ случаѣ удалиться въ горы, что при вершинѣ Тага. Тамъ, я слышалъ, нашло

для себя убѣжище многочислен-
ное общество отважныхъ
Кашалонцевъ. Хочешь ли оп-
равишься къ нимъ со мною?
Умножимъ число эпихъ храб-
рыхъ людей. Надѣюсь полу-
чить званіе втораго началь-
ника въ этомъ отборномъ
войскѣ; охотно и тебя туда
примушъ, когда увѣрю, что
ты разъ десять сражался
подъ моимъ начальствомъ.
Превознесу храбрость твою
до небесъ; опрекомендую те-
бя точно такъ, какъ Гене-
раль рекомендуетъ любимаго
своего Адъютанта. Не скажу
только о шуткѣ, которую
ты сыгралъ съ нами: это
очень много можетъ тебѣ

повредишь. Чшожь ты думаешь? Ожидаю твоего отвѣща.“

—У всякаго свои склонности, отвѣчалъ я Роланду: вы рождены для смѣлыхъ предприятий, а я для спокойной и мирной жизни.—„Понимаю, прервалъ онъ, госпожа, которую ты увезъ изъ подземелья, все еще тебѣ мила, и съ ней-то, конечно, ведешь ты мирную жизнь, которая тебѣ такъ нравится. Признайтесь, господинъ Жилбазъ, что вы съ ней въ дружеской связи, и извольте вмѣстѣ проживать наши пистолы.“ Я сказалъ ему, что онъ ошибается, и чшобъ

вывести его изъ заблужденія, обѣщаль разсказать ему, за столомъ, исторію госпожи; я сдержалъ свое слово и сверхъ того увѣдомилъ его обо всемъ, что случилось со мною съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ его шайку. При концѣ стола, опять завелъ онъ рѣчь о Капалонцахъ: признался даже, что совсемъ рѣшился къ нимъ присоединиться, и покушался склонить меня къ тому же. Но видя, что я остаюсь непреклоннымъ, посмотрѣлъ онъ на меня съ презрѣніемъ и сказалъ важнымъ тономъ: „Когда ты имѣешь такіа низкія чувства, что предпо-

читаешь рабское состояніе
 чести вступишь въ обще-
 ство храбрыхъ людей, то я
 оставляю тебя при твоихъ
 подлыхъ склонностяхъ. Но,
 послушай, что скажу тебѣ:
 эти слова не должны выхо-
 дить изъ твоей памяти. За-
 будь, что ты сегодня встрѣ-
 тился со мною, и не говори
 обо мнѣ ни съ кѣмъ. Еслижъ
 я узнаю, что ты хоть за-
 икнешься обо мнѣ . . . . ты
 знаешь меня: больше не ска-
 жу ни слова.“ Тутъ онъ по-
 звалъ пракирщика, распла-
 тился съ нимъ; мы встали
 изъ за стола и пошли.

ГЛАВА III.

*Жилблазъ отходитъ отъ
Дона Бернарда де Кас-
тиль Блазо, и опредѣ-
ляется къ петиметру.*

Когда мы выходили изъ
пракшира и прощались другъ
съ другомъ, господинъ мой
прошелъ мимо насъ. Онъ уви-
дѣлъ меня, и—какъ я примѣ-
тилъ—не одинъ разъ взгля-
нулъ на Капишана. Я думалъ,
что ему странно казалось
видѣть меня вмѣстѣ съ та-
кимъ человѣкомъ. Правда,
что по наружности Ролан-
довой не лзя было выгодно

судить о немъ. При высокомъ ростѣ имѣлъ онъ продолговатое лице, ястребиной нось, и хотя былъ не дурень собою, но съ перваго взгляда можно было принять его за бездѣльника.

Догадки мои меня не обманули. Ввечеру замѣтилъ я, что физіогномія Капишана не выходила изъ головы Дона Бернарда: онъ повѣрилъ бы всему, что бы ни сказалъ я объ немъ, еслибъ только говоришь я осмѣлился.— „Жилблазъ, спросилъ онъ меня, кто эшопъ страшной мужичина, котораго давеча я съ побою видѣлъ?“—Я оповѣчалъ, что это Алгвазиль,

и думалъ, что онъ доволенъ
будетъ моимъ ошвѣтомъ; но
онъ надѣлалъ мнѣ еще мно-
жество вопросовъ; примѣ-
шивъ же, что я смѣшался,
(я вспомнилъ тогда Ролан-
довы угрозы) замолчалъ и
легъ спать. На другой день
поутру, когда я исправилъ
обыкновенную свою долж-
ность, ошсчиталъ онъ мнѣ
шесть червонцевъ, вмѣсто
шести реаловъ, и сказалъ:
„возьми, другъ мой, вотъ
тебѣ за то, что ты слу-
жилъ у меня до сихъ поръ.
Ищи себѣ другаго господина,
а я не могу держашь слуги,
кошорый имѣетъ у себя та-
кія хорошія знакомства.“—Я

вздумалъ было предсказать
 ему, въ свое оправданіе, что
 знакомство мое съ эпимъ
 Алгвазиломъ началось въ Вал-
 ладолидѣ, гдѣ я, занимаясь
 вольной практикой, пропи-
 сывалъ и ему кое-какія лѣ-
 карства.—, Прекрасное изви-
 неніе! вскричалъ Донъ Бер-
 нардъ: ты бы долженъ былъ
 сказать мнѣ это вчера, а
 не мѣшаться.“—Право, су-
 дарь, я не смѣлъ сказать
 вамъ о томъ изъ скромно-
 сти, и это самое привело
 меня въ смущеніе. — „Ну,
 братъ, сказалъ онъ, потре-
 павъ меня пихонько по пле-
 чу, ты слишкомъ уже скро-
 менъ: не думалъ я право,

чтобъ ты былъ такой хитрецъ. Ступай, мой другъ, ты мнѣ болѣе не нуженъ.“

Я тотчасъ пошелъ объявить объ этой непріятной новости Мелендецу. Онъ утѣшалъ меня, что найдетъ мнѣ мѣсто еще лучше прежняго. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько дней спустя, сказалъ онъ мнѣ: „Любезный Жилблазъ, ты вѣрно не воображаешь того счастья, какое ожидаетъ тебя. Я досталъ тебѣ превосходное мѣсто: у Дона Матиаса де Сильвы. Онъ человекъ знаменитой фамиліи, изъ числа тѣхъ молодыхъ господъ, копорые называются цешимешрами.“

Онъ забираешъ товары у
меня въ лавкѣ. Правду ска-
зашъ, онъ беретъ все почти
въ долгъ; но съ такими го-
сподами не останешься въ
накладъ: они часто женятся
на богатыхъ наслѣдницахъ,
которыя платяшъ за нихъ
долги; а когда и эшаго не
случится, то всякой смѣш-
ливой купецъ продаешъ имъ
свои товары за такую цѣ-
ну, что не пошеряешъ ни-
чего, ежели получишъ отъ
нихъ по счешу и четвертую
часть денегъ. Управитель
Дона Матиаса корошкой мнѣ
пріятель. Пойдемъ къ нему.
Онъ самъ представивъ те-
бя своему господину, и ты

можешь надѣяшьяся, что по пріязни ко мнѣ, будетъ обходишьяся съ тобою какъ нельзя лучше.“

Дорогою Мелендецъ сказалъ мнѣ: „Кажется, не худо будетъ, если я объясню тебѣ характеръ управителя. Его зовушъ Грегорио Родригесъ. Между нами сказать, онъ человекъ низкой породы: чувствуя себя рожденнымъ къ управленію имѣніемъ другихъ, предался онъ своей склонности и нажился около двухъ разорившихся господъ, у которыхъ былъ управителемъ. Напередъ говорю тебѣ, что онъ чрезвычайно гордъ: любитъ, чтобы всѣ прочіе

служишели передъ нимъ пол-
зали. Если кто изъ нихъ
захочешъ просить у госпо-
дина хошя сущей бездѣлицы,
то сперва долженъ обратишь-
ся къ нему; когда же слу-
чишся выпросить что ни-
будь мимо его, то онъ все-
гда этому помѣшаетъ и за-
сшавишь господина сдѣлашь
по своему. Помни это, Жил-
базъ: почиай Родригеца
больше чѣмъ самаго господи-
на, и сколько можно спа-
райся ему понравиться. Друж-
ба его будетъ для тебя очень
полезна. Онъ станешъ выда-
вать тебѣ жалованье исправ-
но; и если ты будешъ такъ
ловокъ, что пріобрѣдешъ его

довѣренность, то онъ не оставишь тебя безъ хлѣба: у него много къ тому средствъ. Донъ Машіасъ молодъ, думаетъ только объ удовольствіяхъ, и не заботишься о домашнихъ своихъ дѣлахъ: не домъ, а кладъ для управителя!“

Пришедши въ домъ, спросили мы господина Родригеса. Намъ сказали, что онъ въ своей комнашѣ. Мы зашли у него крестьянина, который держалъ въ рукѣ синій полотняной мѣшокъ, наполненный деньгами. Управитель, будучи блѣднѣе и желшѣе дѣвушки, изнуренной безбрачнымъ состояніемъ,

вспрѣшилъ Мелендеца съ
 распросшерпыми объятіями.
 Купецъ опвѣчалъ ему тѣмъ
 же, и въ дружескихъ при-
 вѣтсшвіяхъ ихъ очень при-
 мѣшно было пришеорсшво.
 Потомъ зашла рѣчь и обо
 мнѣ. Родригецъ, осмопрѣв-
 ши меня съ ногъ до головы,
 сказалъ мнѣ очень ласково,
 что такой почно человѣкъ,
 какъ я, нуженъ Дону Матіа-
 су, и что онъ съ радосшью
 берешся представитъ меня
 своему господину. Мелендецъ
 объявилъ ему, какое при-
 маемъ во мнѣ учаспіе: онъ
 просилъ управителя не оста-
 вишь меня своимъ покрови-
 шельсшвомъ, и послѣ многихъ

комплиментовъ вышелъ вонъ, а я остался. „Сей часъ пове-
ду тебя къ господину, ска-
залъ мнѣ Родригесъ, только
напередъ раздѣлаюсь съ эшимъ
мужичкомъ.“ Тупъ подошелъ
онъ къ крестьянину, и взяв-
ши у него мѣшокъ, сказалъ
ему: „посмотримъ, Талего,
всѣ ли шупъ пяшь сошъ пи-
сшолей.“ Онъ самъ пересчи-
талъ ихъ, далъ крестьянину
рописку, и оппустилъ его;
а деньги положилъ опяшь въ
мѣшокъ. — „Пойдемъ теперь
къ господину, сказалъ онъ
мнѣ: думаю, что онъ уже
вспалъ. Обыкновенно просы-
пается онъ въ полдень: поч-
ти уже вшорой часъ, и въ

спальнѣ у него долженъ быть день.“

Въ самомъ дѣлѣ, Донъ Матиасъ только что вспалъ. Онъ былъ еще въ шлафрокѣ; развалившись подлѣ столика въ креслахъ и качаясь на нихъ, шеръ онъ на шеркѣ табакъ. Онъ разговаривалъ къ лакеемъ, который ошъ времени до времени исправляя должностъ камердинера, стоялъ шущъ во всей готовности. — „Осмѣливаюсь представить вамъ, сударь, сказалъ ему управитель, эшаго молодого человека на мѣсто того, котораго прешьяго дни изволили вы согнать. Мелендецъ ручается за него

и увѣряешь, что онъ прекрасный малой; надѣюсь, что вы будете имъ довольны.“—
 Полно, полно! прервалъ молодой господинъ, когда ты самъ мнѣ его представляешь, то принимаю его безъ дальнихъ околичностей. Онъ будетъ моимъ камердинеромъ, и—дѣло кончено. Но, любезный Родригесъ, мнѣ нужно съ тобою кое-о чемъ поговорить. Ты пришелъ къша-пи; я только что хотѣлъ за тобою посласть. Скажу тебѣ непріятную новость: нынѣшнюю ночь игралъ я несчастливо; кромѣ спа пистолей, которыя у меня были, я проигралъ еще двѣсти

на честное слово. Ты знаешь, что мы знашныя люди обязаны плапшть шакіе долги со всею исправноспію; а прочіе не слишкомъ лежашъ у насъ на сердцѣ. И такъ надобно сей же часъ досташъ двѣспи писшолей, и опослашъ къ Графинѣ де Педрозѣ.—„Ахъ! сударь, эшо легче сказашъ, чѣмъ сдѣлашъ. Гдѣ прикажете мнѣ взяшъ сполько денегъ? Опъ вашихъ опкуппиковъ не получаю я ни мараведиса, не смотря на всѣ мои угрозы; а между тѣмъ надобно, чшобы въ домѣ было все исправно: хошъ пресни, да доставай на расходы ваши! Правда, до сихъ

поръ, благодаря Бога, я кое-какъ изворачивался, а теперь, не знаю, что и дѣлать: силъ недоспаетъ!“— Пустое, пустое! прервалъ Донъ Матиасъ, ты только скучаешь мнѣ своимъ враньемъ. Не хочешь ли, чшобъ я перемѣнилъ образъ жизни, и занялся экономіею? Пріятное занятіе для человѣка, живущаго въ свое удовольствіе!— „Погодите! по состоянію дѣлъ вашихъ я предвижу, что вы скоро избавитесь навсегда отъ этой заботы.“— Ты бѣсишь меня, терзаешь! Дай мнѣ разоряться такъ, чшобъ я самъ того не замѣчалъ. Мнѣ нужно двѣсти

писшелей, говорю тебѣ, не-
премѣнно нужно. „Такъ вид-
но прибѣгнушь опяшь къ по-
му старику, который уже
давалъ вамъ въ займы день-
ги за большіе проценты.“—
Прибѣгни хоть къ чорту,
только чѣмъ было у меня
двѣсти писшелей!

Донъ Матіасъ произнесъ
эти слова съ досадою. Упра-
вищель вышелъ, и знашый
молодой человекъ, по имени
Донъ Антоніо Ценшеллесъ,
вошелъ въ комнату.— „Чѣмъ
съ побою сдѣлалось, другъ
мой? сказалъ онъ моему го-
сподину. Чѣмъ такъ нахму-
рился? Кажется, ты сердись.
Кто досадила тебѣ? Гоповъ

объ закладъ биться, что бездѣльникъ, котораго я сейчасъ вспрѣшилъ, тому причиною.“—Да, ошвѣчалъ Донъ Машіасъ, это мой управитель. Всякой разъ, когда побываешь у меня, надѣлаешь мнѣ непріятностей. Онъ говоришь мнѣ о дѣлахъ моихъ, говоришь, что я все проживаю. Скопина! иной подумаетъ, что онъ самъ ошъ эшаго разоряется.— „Любезный другъ, ошвѣчалъ Донъ Антоніо, и я точно въ такомъ же положеніи, какъ ты. Управитель мой не лучше твоего. Когда этошъ негодай, послѣ многократныхъ моихъ приказаній, приносишь

мнѣ деньги, по кажется, будно даетъ свои, и заму-чишь меня глупыми своими разсужденіями. Ахъ! сударь, говоришь онъ мнѣ, вы губите себя; все ваше имѣніе переходить къ вашимъ заимодавцамъ. Я принужденъ бываю зажать ему ротъ, чтобы избавишься отъ не-носныхъ его увѣщаній.“ — По несчастію, сказалъ Донъ Матіасъ, мы не можемъ обой-тись безъ этихъ людей: они для насъ необходимое зло. „Правда твоя — подхвалилъ Ценшеллесъ — но постой (шутъ захохоталъ онъ во все горло) мнѣ пришло на умъ нѣчто забавное. Не лъзя ничего луч-

ше выдумашь! Печальныя
 наши съ ними сцены мо-
 жемъ мы превратишь въ
 комическія, и забавляшья
 тѣмъ, что насъ огорчаетъ.
 Послушай: я буду требовашь
 денегъ, кошорыя тебѣ пона-
 добятся, у твоего управи-
 теля, а ты дѣлай тоже съ
 моимъ. Пускай они разсуж-
 даюшъ, сколько имъ угодно,
 мы станемъ слушашь ихъ
 спокойно. Управитель твоей
 будетъ подавашь свои сче-
 ты мнѣ, а мой тебѣ; я узнаю
 твои расходы, а ты мои;
 это доставишь намъ боль-
 шое удовольствіе.“

Такая выдумка и множе-
 ство другихъ острыхъ шу-

шокъ развеселили молодыхъ господъ. Разговоръ ихъ прерванъ былъ приходомъ Грегорио Родригеца. Онъ привелъ съ собою спаричка, у котораго на головѣ почти совсемъ не было волосъ. Донъ Антонио хотѣлъ выдти. „Прощай, Донъ Машіасъ, сказалъ онъ; до свиданія! Оставляю тебя съ этими господами: вѣрно у васъ есть какое нибудь важное дѣло.“— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ мой господинъ, останься здѣсь: ты намъ не помѣшаешь. Этошъ почтенной спаричокъ, котораго ты видишь, даетъ мнѣ деньги въ займы за двадцать проценшковъ.— „Какъ, за

двадцать процентов! вскри-
 чалъ Ценшеллесъ съ удивле-
 ніемъ. Ну, брашъ, поздрав-
 ляю тебя: ты попался въ
 добрыя руки! Со мною не
 такъ милосливо поступи-
 юшъ. Я достаю деньги до-
 рогою цѣною; съ меня бе-
 рутъ сорокъ процентовъ.“—
 Жидовскіе проценты! сказалъ
 старой ростовщикъ; о плу-
 ты! бояшся ли они Бога?
 Послѣ этаго не диво, что
 столько кричатъ прошивъ
 ростовщиковъ. Чрезвычай-
 ный барышъ, получаемый
 нѣкоторыми изъ нихъ, ли-
 шаетъ насъ чесши и добра-
 го имени. Еслибъ сотовари-
 щи мои поступали какъ я,

тогда вѣрно не обвиняли бы насъ столько, какъ теперь. По истинѣ, я даю въ займы деньги для того только, что бы сдѣлать удовольствіе ближнему. Ахъ! когда бы нынѣшнія времена походили на прежнія, то я служилъ бы вамъ кошелькомъ своимъ безъ всякаго интереса; да и теперь, какъ ни тяжело жить на свѣтѣ, однакожь мнѣ совѣстно даже, что беру съ васъ и двадцать процентовъ. Можно сказать, что деньги скрылись во внутренность земли: такъ онѣ сдѣлались рѣдки, и это самое заставляетъ меня поступать нѣсколько противъ совѣсти.

А сколько нужно вашей милости? продолжалъ онъ, обращаясь къ моему господину. — „Двѣсти пистолей“ — отвѣчалъ Донъ Матиасъ. — У меня здѣсь въ мѣшкѣ чешыреста: споймъ только опсчитавъ вамъ изъ нихъ половину. — Тутъ вынулъ онъ изъ подъ епанчи своей синій полотняной мѣшокъ. Этотъ мѣшокъ показался мнѣ тѣмъ самымъ, который оставилъ у Родригеца крестьянинъ Талего съ пятью спами пистолей. Я потчасъ догадался, что изъ эшаго заключаешь должно. Видно Мелендецъ не даромъ хвалилъ мнѣ управителя. Старикъ

опроспалъ мѣшокъ, высыпалъ деньги на споль, и принялся счищать ихъ. Такое зрѣлище возбудило сильное желаніе въ моемъ господинѣ. взявъ всю сумму сполна. — „Господинъ Дескомулгадо, сказалъ онъ ростовщику, знаете ли, что пришло мнѣ въ голову? вѣдь я превеликой дуракъ. Занимая у васъ сполько, сколько нужно на уплату долга, не забочусь я о томъ, что у меня нѣтъ ни полушки; завтра же долженъ буду опяшь къ вамъ прибѣгнуть. Лучше, кажется, взять у васъ всѣ чешыресы пистолей, чтобы избавишь васъ отъ труда при-

ходишь ко мнѣ другой разъ.“
 —Милоспивый государь, ош-
 вѣчалъ спарикъ, часть изъ
 эшихъ денегъ назначилъ бы-
 ло я одному честному и до-
 сташочному Лиценціашу, ко-
 торый, по любви хриспїян-
 ской, употребляетъ всѣ свои
 доходы на отвлеченіе моло-
 дыхъ дѣвицъ ошъ суешы мір-
 ской и на убранство ихъ
 смиренныхъ келій; но если
 непременно нужна вамъ вся
 сумма, шо извольте ее у се-
 бя оставить. Прошу только
 дать мнѣ вексель... „Век-
 сель? прервалъ Родригесъ вы-
 нувъ изъ кармана бумагу,
 вошъ вамъ самой вѣрной.
 Донъ Машіасъ его подпишетъ,

и вы получите пять сотъ пистолей съ одного изъ оп-купщиковъ его, по имени Талего, богатаго крестьянина въ Мондеаръ. — Очень хорошо, отвѣчалъ ростовщикъ, я человекъ сговорчивой. — Управившись подалъ господину своему перо, и онъ насвистывая и не чихавши векселя, подписалъ на немъ свое имя.

Дѣло было кончено; шарикъ началъ прощаться съ Дономъ Матіасомъ, который, бросившись обнимать его, сказалъ: „До свиданія, господинъ ростовщикъ! слуга вашъ покорной! Не знаю, отъ чего всѣхъ васъ почищаютъ бездѣльниками; по моему мнѣ-

нію, вы для Государства необходимы: вы утѣшеніе знатнымъ молодымъ господамъ, и прибѣжище всѣмъ тѣмъ, копорыхъ расходы превyšають доходы.“—Правда швоя, вскричалъ Ценшеллесъ: росповѣдники пречестные люди! Я хочу также обнять швоего благодѣтеля за его двадцать проценговъ.—Сказавши это, подошелъ онъ къ спарику, чшобы поцѣловать его. Оба пешиметра, для забавы своей, начали играть имъ, какъ мячемъ, перекидывая другъ къ другу. Помучивъ хорошенько, оппустили они его съ управителемъ, копорый болѣе, нежели шопъ, за-

служивалъ такія нѣжныя ласки, а можетъ быть и еще что нибудь поважнѣе.

Когда Родригесъ и задушевнѣйшій другъ его вышли, то Донъ Машіасъ послалъ съ лакеемъ, который былъ вмѣстѣ со мною въ комнашѣ, половину писмолей къ Графинѣ де Педрозѣ, а остальную спрячалъ въ шелковой, золотомъ вышитой кошелекъ, который носилъ всегда въ карманѣ. Будучи въ полномъ удовольствіи, что опять нашелъ деньги, сказалъ онъ съ веселымъ видомъ Дону Антоніо: „что станемъ мы дѣлать сегодня? Посовѣтуемся объ этомъ.“— И въ са-

момъ дѣлѣ, отвѣчалъ Цен-
 теллесъ, надобно о томъ по-
 думать. — Лишь только на-
 чали они разсуждать, какъ
 лучше убить имъ остальное
 время дня, вошли въ комна-
 ту еще два господина. Это
 были Донъ Алексо Сегіаръ и
 Донъ Фернандъ де Гамбоа,
 и шопъ и другой почти ро-
 вестники моему господину,
 то есть, двадцати восьми
 или тридцати лѣтъ. Топ-
 часъ чепыре кавалера бро-
 сились обниматься съ ша-
 кою радостью, какъ будто
 бы лѣтъ десять не видали
 другъ друга. Донъ Фернандъ,
 толстой весельчакъ, сказалъ
 Дону Матиасу и Дону Анто-

нію: „гдѣ вы сегодня обѣдае-
те, господа? Если никуда не
опозваны, то пойдѣмте вмѣ-
стѣ со мною въ шракширъ:
я васъ поподчиваю чудес-
нымъ виномъ. Въ этомъ
шракширъ я ужиналъ вчера,
и вышелъ опшуда сегодня
по утру въ шестомъ часу.“—
Ахъ, если бы я, вскричалъ
господинъ мой, былъ шамъ
же, то не проигралъ бы сво-
ихъ денегъ!

„Что до меня касаеться,
сказалъ Ценшеллесъ, то я
вчерашній вечеръ наслаждал-
ся удовольствіемъ новаго ро-
да. Я люблю перемѣну: одно
только разнообразіе забавъ и
дѣлаетъ жизнь нашу пріятн-

ною. Пріятель мой зашащилъ
 меня къ одному изъ тѣхъ
 господъ, копорые собирають
 подаши, и доспавляя пользу
 казнѣ, не забывають своей
 собственнoй. Я нашелъ тамъ
 во всемъ великолѣпіе и вкусъ;
 ужинъ показался мнѣ пре-
 восходнымъ; за то хозяева
 смѣшили меня своими стран-
 ностями. Сборщикъ, будучи
 самаго простаго происхож-
 денія, игралъ роль знашнаго
 барина; а жена его, ужасная
 харя, жеманилась и говори-
 ла множество глупостей,
 приправленныхъ Бискайскимъ
 произношеніемъ. За нашимъ
 споломъ сидѣли также че-
 ловѣкъ пять дѣшей съ учи-

телемъ. Судите сами, какъ забавлялъ меня эпопъ фамильной ужинъ!“

—А я, господа, сказалъ Донъ Алексо Сегіаръ, ужиналъ у актрисы Арсеніи. За столомъ было насъ шестеро: Арсеніа, Флоримонда съ одною кокешкою, своею пріятельницею, Маркизь де Ценешъ, Донъ Жуанъ де Монкадъ, и вашъ покорнѣйшій слуга. Всю ночь провели мы въ пьянствѣ и враньѣ. Какое раздолье! Правда, что Арсенія и Флоримонда не имѣютъ отличныхъ дарованій; но за то ужь какъ вольны и ловки въ обращеніи! Въ женщинахъ это мнѣ го-

раздо больше нравишся, чѣмъ
излишняя скромность и ум-
ничанье.

ГЛАВА IV.

Жилблазѣ, познакомив-
шись съ своими сотова-
рищами, наугадается отъ
нихъ чудесному секрету
прослыть циницей безъ
всякаго труда. Какую
странную клятву заста-
вили они его сдѣлать.

Этотъ разговоръ продол-
жался до шѣхъ поръ, пока
Донъ Матіасъ, кошорому я
подавалъ одѣваться, не былъ

совершенно гошовъ. Онъ приказалъ мнѣ идти за собою. Цепиметры оправились всѣ вмѣстѣ въ пракпиръ, куда звалъ ихъ Донъ Фернандъ де Гамбоа. Я шелъ позади ихъ съ тремя другими лакеями: каждый изъ кавалеровъ имѣлъ при себѣ по одному. Съ удивленіемъ замѣтилъ я, что поварищи мои передразнивали господъ своихъ, и въ походкѣ, и въ шлодвиженіяхъ. Я поклонился имъ, какъ новый ихъ поварищъ, и они сдѣлали тоже. Одинъ изъ нихъ, посмотрѣвъ на меня пристально, сказалъ: „вижу, брашъ, по твоей походкѣ, что ты еще никогда не

служивалъ у молодыхъ господъ.“— Къ сожалѣнію, никогда, ошвѣчалъ я: не давно еще я въ Мадридѣ.— „Это и видно: ты настоящій провинціалъ. Къ чему такая застенчивость и робость? Ты совсемъ еще не опесанъ. Но, не безпокойся, мы тебя какъ разъ передѣлаемъ!“— Въ самомъ дѣлѣ?— „Кромѣ шутокъ: нѣтъ на свѣтѣ такого дурака, котораго бы мы не могли вышколить; будь въ этомъ увѣренъ.“

Изо всего эшаго заключилъ я, что поварищи мои ребята славные, и что есть чему мнѣ у нихъ научишься. Когда мы пришли въ прак-

пиръ , то обѣдъ былъ уже
 готовъ: Донъ Фернандъ за-
 казалъ его еще съ утра. Го-
 спода наши сѣли за столъ ,
 а мы спали имъ прислужи-
 вать. Они пошчасъ начали
 веселый разговоръ, который
 слушалъ я съ большимъ удо-
 вольствіемъ. Характеръ ихъ,
 мысли и выраженія чрезвы-
 чайно меня забавляли. Какой
 огонь ! какое пылкое вообра-
 женіе ! Казалось , что я на-
 хожусь съ другими совсемъ
 людьми. Когда принялись они
 за десертъ , то мы прине-
 сли имъ множество буш-
 локъ съ лучшими Испански-
 ми винами , а сами пошли
 обѣдать въ маленькую ком-

нашу, въ которой накрытъ былъ для насъ столъ.

Я скоро увидѣлъ, что товарищи мои гораздо болѣе еще имѣли достоинствъ, нежели сколько прежде предполагалъ въ нихъ. Они переняли всѣ ухвачки своихъ господъ, поддѣльывались подъ ихъ голосъ и передразнивали ихъ такъ удачно, что имъ не доспавало одной только благородной осанки, а то бы не лзя было различить слугъ отъ господъ. Я удивлялся свободному и непринужденному ихъ обращенію; но болѣе всего плѣняло меня ихъ остроуміе. Я потерялъ всю надежду сравниться когда

либо съ ними. Слуга Дона Фернанда (надобно замѣ-
 шить, что господинъ его у-
 гощаль нашихъ) подчивалъ
 насъ, и заботясь, чтобы ни
 въ чемъ не было недостат-
 ка, позвалъ пракширщика, и
 сказалъ ему: „Господинъ хо-
 зяинъ, подайте намъдесять
 бутылокъ самаго лучшаго
 вина, и поставьте ихъ, по
 обыкновенію, на счетъ на-
 шихъ господъ.“—Очень хоро-
 шо, господинъ Гаспаръ, от-
 вѣчалъ пракширщикъ; но вы
 знаете, что Донъ Фернандъ
 долженъ мнѣ за нѣсколько
 уже обѣдовъ. Еслибъ я могъ,
 по вашей милости, получить
 хотя немного денегъ . . . „О!

объ деньгахъ не безпокойтесъ;
 я отвѣчаю вамъ за это: дол-
 ги моего господина все рав-
 но, что чистое золото. Прав-
 да, что по интригамъ нѣ-
 которыхъ неучпивыхъ заи-
 модавцевъ не получаемъ мы
 уже давно нашихъ доходовъ:
 но скоро выйдемъ на это
 разрѣшеніе, и мы заплашимъ
 вамъ сполна, не разбирая ва-
 шихъ счетовъ.“— Тракшир-
 щикъ, не смотря на то,
 что мы не получаемъ съ
 имѣнія нашего никакихъ до-
 ходовъ, принеся намъ вина,
 а мы пили его, въ ожиданіи
 разрѣшенія. Надобно было
 посмотрѣть, какъ мы пили
 безпрестанно за здоровье

другъ друга, и давали себѣ имена господъ своихъ. Слуга Дона Антоніо называлъ Фернандова—Гамбоа, а Донъ Фернандовъ слугу Дона Антоніо—Ценшеллесомъ; меня также величали Сильвою. Подъ этими ложными именами напянулись мы также исправно, какъ и господа, копорые въ самомъ дѣлѣ ихъ носили.

Хотя я и не сполько отличался, какъ мои товарищи, однакожь они объявили, что мною довольны. „Любезный Сильва — сказалъ мнѣ тошъ изъ нихъ, который прошелъ сквозь огонь и воду — мы изъ тебя что нибудь сдѣлаемъ: я вижу, что у тебя голова

не пуща, только ты не
 умѣешь пользоваться умомъ
 своимъ. Опасаясь прогово-
 ришься, не смѣешь ничего
 сказать на удачу; а знаешь
 ли, что многіе считаются
 оспіряками пошому только,
 что болшають все, что имъ
 на умъ взбрѣдетъ. Хочешь
 ли ты блеснуть? Будь все-
 гда весель, и говори безъ
 разбора что вздумается: без-
 стыдство твое почтутъ за
 благородную смѣлость. Ког-
 да между тысячами глупо-
 сшей вырвешься у тебя хотя
 одно острое слово, то ду-
 рачества забудутъ, а ост-
 рое слово замѣтятъ, и бу-
 дутъ имѣть о твоихъ до-

споинспвахъ высокое мнѣ-
ніе. Господа наши слѣдуютъ
этому правилу весьма удач-
но, и всякой, кто хочетъ
прослыть умницею, долженъ
поступать точно такимъ
образомъ.“

Мнѣ очень захотѣлось про-
слыть умницею, да и сек-
ретъ, который открыли они
мнѣ какъ успѣвъ въ этомъ,
казался такъ легокъ, что я
попчасъ рѣшился испытать
его. Опытъ— благодаря вину
—былъ очень удаченъ, по-
естъ, я болталъ, что ни по-
пало, и былъ такъ счастливъ,
что между множествомъ
вздора, удалось мнѣ сказать
нѣсколько оспроуъ, за кото-

рыя наградили меня громкими рукоплесканіями. Этомъ опытъ придалъ мнѣ смѣлости: я спалъ еще развязнѣе, и получалъ похвалу за похвалою.

„Ну, братъ—сказалъ мнѣ одинъ изъ поварищей моихъ, который завелъ со мною разговоръ на улицѣ—не правдали, что ты становишься умнѣе? Еще и двухъ часовъ нѣтъ, какъ ты съ нами, а ужь совсемъ не то, что былъ прежде. День ото дня ты будешь удалѣе. Вотъ что значишь служишь у знаемыхъ господъ! Они раскрываютъ твой разумъ; а у мѣщанина остался бы ты

вѣчно дуракомъ.“ — Безъ сомнѣнія, ошвѣчалъ я; ошнынѣ посвящаю себя на службу знашнымъ господамъ. — „Прекрасно, прекрасно! вскричалъ слуга Дона Фернанда, который былъ уже очень навеселѣ. Мѣщане недостойны имѣть у себя шакихъ ошличныхъ геніевъ, каковы мы. Поклянемся, господа, не служишь никогда эшимъ поддлецамъ; поклянемся Сшикомъ!“ Выдумка Гаспарова насъ разсмѣшила; мы одобрили ее рукоплесканіями, и, съ рюмками въ рукахъ, произнесли эту смѣшную клятву.

Мы просидѣли за столомъ до тѣхъ поръ, пока госпо-

дамъ нашимъ не вздумалось
идти, по есть, до самой
полуночи, и товарищамъ мо-
имъ показалось это еще боль-
шою воздержностью. Прав-
да, что наши кавалеры вы-
шли такъ рано изъ прак-
тира для того только,
чтобы отправиться къ одной
знашной кокеткѣ, кошорая
жила недалеко отъ дворца,
и кошорой домъ день и ночь
открытъ былъ для веселыхъ
госшей. Она была женщина
лѣтъ тридцати пяти или
сорока, очень еще пригожа
собою, пріятнаго обхожденія,
и такая мастерица нравишь-
ся, что продавала—какъ но-
сился слухъ—остатки своихъ

прелестей гораздо дороже,
 чѣмъ начашки ихъ. У ней
 всегда были двѣ или три
 первосташейныя кокетки,
 которыя не мало способство-
 вали къ великому спеченію
 господъ въ ея домѣ. Послѣ
 обѣда играли въ карты; по-
 томъ ужинали, и проводили
 ночь въ пиръ и разныхъ
 удовольствіяхъ. Господа на-
 ши остались спать до утра,
 и мы также. Въ то время,
 какъ они сидѣли съ госпожа-
 ми, мы забавлялись съ гор-
 ничными. Наконецъ расста-
 лись мы съ нашими краса-
 вицами на разсвѣтъ, и по-
 шли отдышаться, каждый въ
 свою сторону.

Господинъ мой, вставши по обыкновенію въ полдень, одѣлся и пошелъ со двора. Я отправился за нимъ. Мы пришли къ Дону Антоніо Ценшеллесу, у котораго за-спали какого-то Дона Альваро де Акуну, стараго профессора распутства. Молодые люди, желающіе сдѣлаться любезными повѣсами, обыкновенно брали у него уроки: онъ наставлялъ ихъ, какъ лучше имъ веселиться, блистать въ свѣтѣ, и расточать имѣніе. Своего собственнаго прожить онъ не боялся: карманъ его давно уже былъ пустъ. Когда эти при кавалера обнялись другъ

съ другомъ, шо Ценшеллесъ
сказалъ моему господину:
„Донъ Машіасъ, ты пришелъ
очень кспати. Донъ Аль-
варо беретъ меня съ собою
къ одному мѣщанину, копо-
рый даетъ обѣдъ Маркизу де
Ценешу и Дону Жуану де
Монкаду: пойдѣмъ вмѣстѣ
съ нами.“—А какъ зовутъ
эшаго мѣщанина? спросилъ
Донъ Машіасъ. — „Грегорио
де Норіега, сказалъ Донъ Аль-
варо: двумя словами объясню
вамъ, что онъ за человекъ.
Отецъ его, богатой Ювелиръ,
поѣхалъ въ чужіе края тор-
говать дорогими камнями,
и опѣзжая оставилъ ему
порядочной капиталъ. Гре-

горію набишой дуракъ : при самомъ счастливомъ расположеніи къ мошовству, играетъ онъ роль пешиметра и, вопреки природѣ, хочетъ прослыть умнымъ и любезнымъ человѣкомъ. Онъ просилъ меня бытъ его наставникомъ. Я согласился на эту просьбу, и могу васъ, господа, увѣришь, что веду его по истинному пути. Не много уже остается ему проживатьъ. — Вѣрю, вѣрю! вскричалъ Ценшеллесъ; мнѣ кажется, что онъ уже ходитъ по міру. Пойдемъ, Донъ Матіасъ, познакомимся съ этимъ чудакомъ, и поможемъ ему разоряться. — „Съ охопою, ошвѣчалъ

господинъ мой; люблю видѣть какъ разоряются эти мѣщане во дворянствѣ, которые воображаютъ, будто могутъ равняться съ нами. На примѣръ, ничто столько не забавляетъ меня, какъ несчастіе откупщикова сына, котораго игра и тщеславіе равняются съ знатными, довели до того, что онъ продалъ свой домъ.“ — О! подхватилъ Донъ Аяпоніо, не спохвативъ жалѣть объ немъ: онъ и при бѣдѣности теперь такой же точно дуракъ, какой былъ прежде при своемъ богатствѣ.

Ценшеллесъ и господинъ мой пошли съ Дономъ Аль-

варомъ къ Грегоріо де Норіегѣ. Можиконъ и я также отправились туда, восхищаясь, что найдемъ тамъ, чѣмъ полакомишься и что будемъ способствовать съ нашей стороны къ разоренію мѣщанина. При входѣ, примѣтили мы множество людей занятыхъ приготовленіемъ обѣда. Паръ отъ кушанья споль былъ пріятенъ для обонянія, что должно было ожидать гораздо еще болѣе пріятности для вкуса. Маркизь де Ценешъ и Донъ Жуанъ де Монкадъ, только что передъ нами пріѣхали. Хозяинъ показался мнѣ великимъ преснякомъ. Напрасно старался

онъ перенимашъ ухватки пестиметровъ: онъ былъ самая дурная копія съ этихъ прекрасныхъ подлинниковъ, или, лучше сказать, настоящій шушъ. Представьте себѣ такого человѣка между пятью насмѣшниками, которые о томъ только и спарались, чшобы посмѣяться надъ нимъ и довести его до большаго убышка. „Господа, сказалъ Донъ Альваро послѣ первыхъ комплиментовъ, рекомендую вамъ господина Грегоріо де Норіегу, кавалера во всемъ совершенствѣ. Онъ имѣетъ тысячу прекрасныхъ качествъ. Какой пылкой умъ! Спросите его, о чемъ вамъ

угодно: онъ равно во всемъ
 свѣдушь, начиная съ пон-
 чайшей Логики до Ортогра-
 фіи.“ — Много чеспи, мило-
 спивый государь, много че-
 спи! отвѣчалъ мѣщанинъ съ
 глупою улыбкою. Я могу ска-
 зать вамъ это на оборотъ:
 вы сами, что называется,
 неисчерпаемый источникъ у-
 чености. — „Я сказалъ не съ
 шѣмъ намѣреніемъ, чтобы по-
 лучить отъ васъ такую о-
 строумную похвалу; но, пра-
 во, господа, сеньоръ Грегорио
 непременно сдѣлаешь себѣ
 имя.“ — А меня, сказалъ Донъ
 Антоніо, болѣе всего плѣ-
 няешь въ немъ — и это ка-
 жется мнѣ гораздо важнѣе

Орѳографіи — благоразумный
 выборъ знакомыхъ. Вмѣсто
 того, чтобы знался съ мѣ-
 щанами, ищешь онъ знаком-
 ства молодыхъ знатныхъ го-
 сподъ, не заботясь о томъ,
 чего это будетъ ему стоить.
 Такія благородныя чувства
 восхищаютъ меня. Вотъ, что
 называется употреблять свой
 доспашокъ со вкусомъ и раз-
 борчивостію!

За этими ироническими
 словами послѣдовало еще мно-
 жество другихъ. Бѣднаго Гре-
 горію славно ошдѣлали. Пе-
 шиметры попеременно осы-
 пали его острыми насмѣшка-
 ми, которыхъ дуракъ совсемъ
 не чувствовалъ; напрошивъ

шого принималъ онъ въ букв-
 вальномъ смыслѣ все, что ему
 ни говорили, и чрезвычайно
 былъ доволенъ своими госпя-
 ми. Онъ думалъ даже, что
 ему дѣлають великую честь,
 когда надъ нимъ смѣются :
 словомъ сказать, служилъ имъ
 игрушкою во все продолженіе
 стола. Они пропировали шамъ
 весь оспашокъ дня и всю
 ночь. Мы не уступали госпо-
 дамъ: пили столько же, какъ
 и они, и вышли опъ мѣща-
 нина очень въ хорошемъ со-
 стояніи.

ГЛАВА V.

Успѣхи Жилблаза въ любовныхъ дѣлахъ. Онъ познакомился съ пригожею женщиною.

Проспавши нѣсколько часовъ, вспалъ я въ веселомъ расположеніи духа, и вспомнивъ данный мнѣ Мелендецомъ совѣтъ, пошелъ, пока еще господинъ мой не проснулся, на поклонъ къ нашему управителю. Такое вниманіе съ моей стороны, казалось, польщило его самолюбію. Онъ принялъ меня очень благосклонно и спросилъ, нравишся ли мнѣ родъ

жизни молодыхъ господъ.
„Всякое начало трудно, оп-
вѣчалъ я, но надѣюсь со вре-
менемъ привыкнушь.“

Въ самомъ дѣлѣ привыкъъ
я къ этой жизни, и очень
скоро. Какъ внутренность,
такъ и наружность моя пе-
ремѣнились: сколько былъ я
прежде скромень и шихъ,
столько сдѣлался теперь вѣ-
тренъ, наглъ и насмѣшливъ.
Слуга Дона Антонио поздрав-
лялъ меня съ такимъ пре-
вращеніемъ, и сказалъ, что
недостаетъ мнѣ только лю-
бовныхъ связей. Онъ увѣ-
рялъ меня, что это необ-
ходимо нужно для образова-
нія молодаго свѣтскаго че-

ловѣка ; что у каждаго изъ нашихъ товарищей есть прекрасная любовница , и что самъ онъ пользуется благосклонностію двухъ знашныхъ дамъ. Я подумалъ , что онъ лжетъ. „Господинъ Можиконъ, сказалъ я ему, конечно вы прекрасной мущина , съ рѣдкимъ умомъ и достоинствами; но не понимаю, какъ могли влюбиться знашныя дамы въ человека вашего состоянія.“— Да онъ, ошвѣчалъ онъ , и не знаюшъ , кто я таковъ. Въ нарядъ моего господина и даже подъ его именемъ , одержалъ я надъ ними побѣду. Вотъ какимъ образомъ. Я одѣваюсь въ луч-

шее платье моего господина, и зная всѣ модныя ухвашки, иду прогуливаться; дѣлаю глазки всѣмъ прекраснымъ женщинамъ, до шѣхъ поръ, пока найду такую, которая взглянетъ на меня благо-склонно. Провожая ее, и стараюсь завести съ ней разговоръ; называю себя Дономъ Антонио Ценшеллесомъ; требую свиданія; дама упрямится; я уговариваю ее; она соглашается и—шакъ далѣе. Вошъ, другъ мой, какъ завожу я знакомства съ прелестнымъ поломъ, и совѣтую тебѣ послѣдовать моему примѣру. —

Желая сдѣлаться знаш-

нымъ господиномъ могъ ли я не послушаться такого полезнаго совѣта? При томъ же не чувствовалъ я отвращенія къ любовнымъ дѣламъ. И такъ рѣшился и я играть роль знашнаго господина и идши искалъ любовныхъ приключеній. Я не смѣлъ переселѣться дома, чшобы того не замѣтили. Взявши изъ гардероба моего господина полную пару плащя, завернулъ я ее въ узелъ, и опнесъ къ знакомому мнѣ цырюльнику, у котораго безопасно могъ одѣваться и раздѣваться. Тушъ нарядился я, какъ не лъзя лучше. Цырюльникъ старался так-

же о моемъ шуалешѣ. Когда все было кончено, пошелъ я на Сень-Жерменской лугъ, полагая навѣрное, что не возвращусь опшуда безъ успѣха. Но не за чѣмъ было идти такъ далеко.

Идучи однимъ переулкомъ, увидѣлъ я пригожую и богато одѣшую женщину, кошорая выходила изъ маленькаго домика и садилась въ наемную карешу, стоявшую у крыльца. Я остановился, чптобы разсмопрѣть ее, и поклонился ей съ такимъ видомъ, изъ котораго могла она заключить, что я къ ней не равнодушенъ. Она, съ своей стороны, желая показашъ мнѣ,

что гораздо еще болѣе достойна моего вниманія, нежели сколько я думалъ, приподняла покрывало свое, и самое прелестное лице представилось глазамъ моимъ. Между тѣмъ кареша опѣхала; я оспался на улицѣ, внѣ себя отъ удивленія. „Милое созданіе!—сказалъ я самъ себѣ—какая для меня встрѣча! Если тѣ двѣ дамы, которыя любяшъ Можикона, также прекрасны, какъ эша, то онъ пресчастливейшій смертный. Ахъ, когда бы я имѣлъ такую любовницу!“—Размышляя объ этомъ, взглянулъ я нечаянно на домъ, изъ котораго вышла краса-

вица, и примѣшилъ у окна въ нижнемъ этажѣ старуху, которая сдѣлала знакъ, чѣмъ я вошелъ.

Я побѣжалъ потѣхѣ въ домъ, и нашелъ въ порядочно убранной комнатѣ, почтенную старушку, которая, принявъ меня по крайней мѣрѣ за Маркиза, поклонилась мнѣ очень учтиво и сказала: „не сомнѣваюсь, сударь, чѣмъ вы не получили дурнаго мнѣнія о женщинѣ, которая, не имѣя чести васъ знать, позвала къ себѣ; но будете судить обо мнѣ снисходительнѣе, когда узнаете, что я не со всѣми такъ поступаю. Я почла васъ за

придворнаго господина...“ —
 И не ошиблись, прервалъ я,
 вытянувъ правую ногу и на-
 клонившись на лѣвой бокъ.
 Не хвастаясь скажу, что я
 самой знатной фамиліи во
 всей Испаніи.— „Это и вид-
 но. Признаюсь вамъ, что я
 люблю дѣлать удовольствіе
 знатнымъ особамъ: это моя
 слабость. Я увидѣла васъ въ
 окошко. Мнѣ кажется, вы
 изволили смотрѣть при-
 спально на даму, которая
 опъ меня поѣхала. Не по-
 нравилась ли она вамъ? Ска-
 жите мнѣ откровенно.“ —
 Клянусь честію, что она ме-
 ня поразила: я ничего пре-
 лестнѣе не видывалъ. По-

Знакомьте насъ, милая, и положишесь на мою благодарность. Оказывашь такія услуги намъ знашнымъ господамъ, не накладно; мы плашимъ за нихъ очень щедро.—

„Я уже сказала вамъ, опѣчала спаруха, что всемъ сердцемъ гопова служишь знашнымъ особамъ: мнѣ пріятно быть для нихъ полезно. Напримѣръ, я принимаю къ себѣ дамъ, копорымъ наружность добродѣтели не позволяешь видѣться съ любовниками у себя дома. Я уступаю имъ мои комнаты, чшобы онѣ, удовлетворяя желаніямъ своимъ, не наруша-

ли правилъ благоприсойно-
сши.“— Конечно такое же
удовольствіе доставили вы
и дамѣ, о которой мы гово-
рили?— „Никакъ нѣтъ: это
знашная молодая вдова; она
ищетъ любовника, и шакъ
разборчива, что я не знаю,
понравишесь ли ей и вы, не
смотря на всѣ ваши досто-
инства. Я предсшавляла уже
ей прехъ прекрасныхъ кава-
леровъ, кошорыхъ она едва
удостоила своимъ взоромъ.“

—О! вскричалъ я съ надеж-
нымъ видомъ, шолько позна-
комъ насъ другъ съ другомъ,
а шамъ увидишь, какъ мы
поладимъ! Мнѣ хочется по-
бывашъ наединѣ съ непре-

клонною красавицей: я не
вспрѣчалъ еще такихъ жен-
щинъ. — „Хорошо: извольте
приходишь сюда завтра въ
такое же время, и вы удо-
вольствуете ваше любопыш-
ство.“ — Непремѣнно буду: по-
смотримъ, можетъ ли та-
кой знашной кавалеръ, каковъ
я, не одержать побѣды. —

Не желая искашь другихъ
приключеній, и ожидая съ
большимъ нетерпѣніемъ раз-
вязки настоящаго, пошелъ я
назадъ къ цырюльнику. На
другой день, нарядившись о-
пять щегольски, явился я къ
старухѣ часомъ ранѣе назна-
ченнаго времени. — „Какъ вы
исправны, сударь! — сказала

она—это мнѣ очень пріятно. Правду сказать, дѣло стоишь того. Я видѣла молодую вдову, и мы много объ васъ съ нею разсуждали. Хопя мнѣ и запрещено говоришь, но, по привязанности моей къ вамъ, не могу промолчать. Вы понравились, и будете счастливы. Между нами скажешь, эта дама лакомой кусочикъ. Мужъ ея не долго жилъ съ нею и исчезъ какъ шѣнь; можно ее почесать за дѣвицу “Просподушная старушка, безъ сомнѣнія, находила въ ней сходство съ тѣми дѣвицами, которыя и безъ мужа умѣютъ жить весело.

Героиня, назначившая мнѣ свиданіе, скоро пріѣхала въ наемной каретѣ также, какъ и наканунѣ, въ великолѣпномъ нарядѣ. Лишь только вошла она въ комнату, то со всею ловкостію и щегольскими ужимками, сдѣлала ей пять или шесть поклоновъ. Потомъ, со смѣлостію подойдя къ ней, сказалъ: „сударыня, вы видите передъ собою кавалера, котораго сердце поражено вашими прелестями. Со вчерашняго дня образъ вашъ безпрестанно мнѣ представляется. Вы изтребили изъ сердца моего Герцогиню, которая начинала занимать его.“— Побѣда

для меня очень славная, оп-
вѣчала она, снявъ свое по-
крывало; но я не чувствую
еще опъ того совершенной
радости. Всякой молодой ка-
валеръ любить перемѣну, и
сердце его труднѣе сохра-
нить, чѣмъ обвороженную
монету, копорая, какъ гово-
ряшъ, всегда возвращается
къ прежнему своему хозяи-
ну. — „Оставимъ, сударыня,
эти непріятныя разсужде-
нія: начпо намъ заботиться
о будущемъ? спанемъ думать
о настоящемъ. Вы прелест-
ны — я влюбленъ. Когда лю-
бовь моя вамъ не пропивна,
то заключимъ союзъ безъ раз-
мышленій. Поступимъ, какъ

мореплаватели, которые пускаются въ море, не думая объ опасностяхъ плаванія, а представляють себѣ одни только при семъ случаѣ удовольствія.“

Сказавши это, бросился я съ восторгомъ къ ногамъ моей нимфы, и со всемъ краснорѣчіемъ пешиметра убѣждалъ ее не откладывать далѣе моего счастія. Она, казалось, была тронута моею просьбою; но не вдругъ рассудила склониться на нее, и опшالкивая меня, сказала: „постойте, сударь, вы слишкомъ скоры! Какая вольность! Я опасаюсь, не развращеной ли вы человѣкъ.“—Ахъ, суда-

рыня!—вскричалъ я—не ужь-
 ли можете вы ненавидѣть
 то, что нравится всѣмъ зна-
 тнымъ дамамъ? Одиѣ толь-
 ко мѣщанки вооружаются
 прошивъ эшаго мнимаго рас-
 пушства.—,, Довольно, убѣж-
 даюсь такою сильною при-
 чиной. Вижу, что вы, госпо-
 да молодые кавалеры, изби-
 раете самый крапчайшій
 путь къ сердцу, и что не
 возможно для чувствитель-
 ной женщины долго вамъ
 сопротивляться. Узнайте ва-
 шу побѣду — прибавила она
 съ прищворнымъ смущеніемъ,
 какъ будто бы стыдясь сдѣ-
 ланнаго ею признанія — вы
 внушили мнѣ чувствованія ‘

которыхъ я никогда еще ни къ кому не ощущала, и мнѣ нужно только узнатьъ, кто вы таковы, чтобы рѣшивъ-ся совершенно на мой выборъ. Хотя и не сомнѣваюсь я, чтобъ вы не были знашной и прямо благородной кавалеръ, однакожь не швердо еще въ томъ увѣрена; и какъ я ни предубѣждена въ вашу пользу, но не хочу опдать сердце свое неизвѣстному мнѣ человеку.“

Тутъ вспомнилъ я, какимъ образомъ слуга Дона Антонио выпустывался, по словамъ его, изъ подобныхъ хлопотъ; и желая, по примѣру его, выдать себя за своего го-

сподина: „сударыня, сказалъ я вдовѣ, не спану скрывать опъ васъ своего имени: не стыдно мнѣ объявить его. Слыхали ли вы о Донѣ Матиасѣ де Сильвѣ? “ — Слыжала, опвѣчала она, и могу даже сказать вамъ, что видала его у одной изъ моихъ знакомыхъ. — При всемъ моемъ безстыдствѣ, пришелъ я въ нѣкоторое смущеніе опъ споль неожиданнаго опвѣща. Однакожь я потчасъ нашелся, и напругши весь свой умъ, чтобы выдти изъ такого крипическаго положенія, сказалъ: „шакъ вы, мой ангелъ, знаете шого господина... кошораго... я так-

— Же знаю. . . . Я принадлежу къ его же фамиліи: дѣдушка его женился на свояченицѣ дяди опца моего. Мы, какъ видите, довольно близкая родня. Меня зовутъ Донъ Цезарь. Я единственнѣйшій сынъ славнаго Дона Фернанда де Риберы, который убитъ, пятнадцать лѣтъ назадъ, въ сраженіи на границахъ Португалліи. Я описалъ бы вамъ это дѣло: оно было самое кровопролитное, но боюсь потерять драгоцѣнныя минуты, которыя можемъ мы провести несравненно съ большимъ удовольствіемъ.“

Послѣ сихъ словъ приступилъ я опять къ ней, умо-

лялъ ее сдѣлать меня счастливымъ ; но все было тщетно. Ласки , которыми удостоила меня моя богиня, заставляли только вздыхать о тѣхъ , въ которыхъ она мнѣ отказывала. Жестокая оставила меня и сѣла опять въ карету, которая ждала ее у крыльца. Однакожь , я возвратился домой, весьма доволенъ своею удачею, хотя не совсемъ еще былъ счастливъ. „Если , говорилъ я самъ себѣ, получилъ я только половину благосклонностей, то вѣрно отъ того, что любезная моя, какъ знающая дама, сочла непристойнымъ удовлетворить моимъ

желаніямъ при первомъ со мною свиданіи. Знатность ея рода замедлила мое блаженство; но оно опложено только на нѣсколько дней.“ Правда, приходило мнѣ также на умъ, что можешь быть она и пре тонкая плутовка. Но я охотнѣе толковалъ это въ хорошую, чѣмъ въ дурную сторону, и оспался при прежнемъ выгодномъ объ ней мнѣніи. Разсѣваясь уговорились мы увидѣться опять черезъ два дни. Надежда досигнувъ исполненія всѣхъ моихъ желаній доставляла мнѣ напередъ тѣ наслажденія, которыми я льстилъ себя.

Съ такими пріятными мечшами пришелъ я къ цырюльнику, и переодѣвшись ошправился въ одинъ картежной домъ, въ которомъ былъ мой господинъ. Я засталъ его за игрою, и пощасъ замѣшилъ, что онъ въ выигрышѣ; онъ не походилъ на тѣхъ холодныхъ игроковъ, которые обогащаются и разоряются, не перемѣняясь въ лицѣ. Въ счастіи онъ былъ насмѣшливъ и гордъ, въ несчастіи—скученъ и сердитъ. Онъ вышелъ ошшуда очень веселъ и пошелъ въ Принцевъ театръ. Я проводилъ его до самыхъ дверей театра. Сунувъ мнѣ въ руку чер-

вонецъ, сказалъ онъ: „возь-
ми, Жилблазъ, я сегодня въ
выигрышъ; надобно, чѣмъ и
ты имѣлъ въ этомъ участіе.
Спупай, веселись съ своими
товарищами и заходи за
мною въ полночь къ Арсе-
ніи, у которой я буду ужи-
нашъ съ Дономъ Алексо Се-
гіаромъ.“ — Сказавши это,
пошелъ онъ въ театръ, а я
остановился, думая, съ кѣмъ
бы лучше по его приказанію
прогулять червонецъ. Не
долго я былъ въ нерѣшимо-
сти. Кларенъ, слуга Дона
Алексо, очутился вдругъ пе-
редо мною. Я пригласилъ его
въ ближній пракширъ, и
мы забавлялись тамъ до по-

луночи. Отпуда пошли къ Арсеніи, куда Кларену также велѣно было явиться. Мальчикъ отворилъ намъ двери и ввелъ насъ въ комнату нижняго этажа, въ которой горничныя дѣвушки Арсеніи и Флоримонды, разговаривая хохотали во все горло, между тѣмъ, какъ господа ихъ были вверху съ нашими господами.

Прибытіе двухъ весельчаковъ, хорошо поужинавшихъ, не могло быть непріятно горничнымъ, и такимъ еще горничнымъ, копорыя служили у актрисъ. Но каково было удивленіе мое, когда въ одной изъ нихъ узналъ я

обожаемую мною вдовушку,
 кошорую почиталъ Графинею
 или Маркизою! Она не мень-
 ше удивилась, увидѣвъ свое-
 го любезнаго Дона Цезаря де
 Риберу, превращеннаго въ
 пешиметрскаго лакея. Одна-
 ко мы смотрѣли другъ на
 друга безъ всякаго смущенія
 и наконецъ оба вдругъ захо-
 хопали. Пошомъ Лаура (такъ
 звали мою любезную) отве-
 дя меня въ сторону, между
 тѣмъ, какъ Кларенъ говорилъ
 съ ея подругою, подала мнѣ
 ласково руку и сказала ши-
 хонько: „Послушайте, госпо-
 динъ Донъ Цезарь; вмѣсто
 упрековъ должны мы, право,
 сдѣлать другъ другу компли-

менты. Вы превосходно сыграли свою роль, да и я не меньше васъ опличалась въ моей. Что скажете вы объ этомъ? Признайтесь, вы почли меня за одну изъ тѣхъ знашныхъ красавицъ, копорыя любящъ кружатъ мужчинамъ головы.“— Правда, отвѣчалъ я; но кто бы вы, сударыня, ни были, съ перемѣною наружности я не перемѣнилъ своихъ чувствований. Не откажитесь принять услугъ моихъ, и позвольте, чшобы камердинеръ Дона Матиаса довершилъ то, что Донъ Цезарь такъ счастливо началъ.— „Перестань! я еще больше люблю себя въ

настоящемъ въ своемъ видѣ.
 Ты между мужчинами тоже,
 что я между женщинами:
 вотъ самая большая похвала,
 которую могу тебѣ сдѣлать.
 Принимаю тебя въ число
 моихъ обожателей. Намъ не
 нужна болѣе старухина по-
 мощь: ты можешь ходишь
 сюда свободно. Мы, теат-
 ральныя героини, живемъ
 безъ принужденія и обходим-
 ся съ мужчинами, какъ намъ
 угодно. Конечно, это иногда
 бываетъ соблазнительно; но
 публика смѣется этому, а
 вся наша обязанность, какъ
 ты самъ знаешь, состоить
 только въ томъ, чтобы за-
 бавлять ее.“

Объясненіе наше эшимъ и кончились, потому что мы были не одни. Послѣ сего разговоръ сдѣлался общимъ: шутили, смѣялись и говорили такіе экивоки, которые для всѣхъ были очень понятны. Всякой хотѣлъ показать свою оспрошу. Служанка Арсеніи, милая моя Лаура, особенно передъ другими отличалась, и показывала гораздо болѣе ума, чѣмъ добронравія. Господа наши и актрисы часто поднимали такой громкой хохотъ, что и намъ было слышно. По этому можно судить, что беседа ихъ была не скромнѣе

нашей. Если бы записывашь
 всѣ острофы, копорыя ска-
 заны были въ эту ночь у
 Арсеніи, то, думаю, сосстави-
 лась бы изъ нихъ цѣлая кни-
 га весьма полезная и поучи-
 тельная для молодыхъ лю-
 дей. Между тѣмъ насталь
 часъ разлуки, то ешъ, раз-
 свѣло : надобно было разой-
 шисься. Кларенъ пошелъ за
 Дономъ Алексо, а я за сво-
 имъ господиномъ.

ГЛАВА VI.

Разговоръ нѣкоторыхъ господъ объ актеряхъ Принцевой труппы.

Въ этотъ самый день господинъ мой, проснувшись, получилъ записку отъ Дона Алексо Сегіара, который приглашалъ его къ себѣ. Пришедши туда мы застали у него Маркиза Ценеша и другаго молодого дворянина пріятной наружности, котораго я еще никогда не видывалъ.— „Донъ Машіасъ — сказалъ Сегіаръ моему господину, представляя ему незнакомаго кавалера—рекомендую

вамъ Дона Помпео де Касп-ро, моего родственника. Съ самаго почпи младенчества находишся онъ при Португальскомъ Дворѣ, и пріѣхалъ вчера вечеромъ въ Мадридъ; а завтра опять отправляется въ Лиссабонъ. Онъ можетъ подарить меня только нынѣшнимъ днемъ. Я хочу воспользоваться такимъ драгоценнымъ временемъ; а чшобы сдѣлать его еще пріятнѣе для моего гостя, вздумалъ попросить къ себѣ васъ и Маркиза Ценеша.“— Тутъ господинъ мой и родственникъ Дона Алексо обнялись и надѣлали другъ другу множество комплиментовъ. Я

былъ очень доволенъ шѣмъ, что говорилъ Донъ Помпео: онъ показался мнѣ основательнымъ и остроумнымъ.

Опобѣдавъ у Сегіара, кавалеры занялись игрою до того времени, какъ надобно было идти въ театръ. Потомъ пошли они всѣ вмѣстѣ въ Принцевъ театръ смотрѣть представленіе новой трагедіи подъ заглавіемъ: *Карфагенская Царица*. По окончаніи піэсы, пришли они ужинашь туда же, гдѣ обѣдали. Первый разговоръ ихъ былъ о трагедіи, которую видѣли, а потомъ объ актерахъ.— „Что касается до сочиненія—вскричалъ Донъ Ма-

тіасъ — по^а оно мнѣ не нрав-
 вишся: Эней представлень
 въ немъ еще глупѣе, чѣмъ въ
 Энеидѣ. Но надобно согла-
 ситъсь, что піеса разыграна
 чудесно. Какъ вы объ эшомъ
 думаете, Донъ Помпео? Мнѣ
 кажется, вы не одного со-
 мною мнѣнія.“ — Господа, от-
 вѣчалъ Донъ Помпео улыб-
 нувшись, вижу, что ваши
 акшеры, а особливо акпри-
 сы, чрезвычайно вамъ нра-
 вяшся и потому не смѣю
 сказать вамъ, что сужу объ
 нихъ совсемъ иначе, нежели
 вы. — „И хорошо дѣлаете,
 прервалъ Донъ Алексо шутя:
 ваша крипика была бы при-
 няша очень дурно. Имѣйте

почтеніе къ нашимъ актри-
самъ при защишникахъ ихъ
славы. Мы пьемъ съ ними
каждый день, и порукою за
ихъ превосходные таланты:
если угодно, то можемъ имъ
дать ошъ себя въ шомъ пись-
менные свидѣтельсшва.“—Не
сомнѣваюсь въ этомъ—отвѣ-
чалъ Донъ Помпео—пожалуй
вы дадите имъ свидѣтель-
сшва и о ихъ безпорочномъ
поведеніи: шакъ, мнѣ кажет-
ся, вы съ ними дружны.

„Конечно ваши Лиссабонскія
актрисы, спросилъ Маркизь
де Ценешъ смѣючись, гораздо
лучше нашихъ?“— Безъ вся-
каго сомнѣнія, отвѣчалъ Донъ
Помпео: по крайней мѣрѣ есть

между ними такія, которыя не имѣютъ нималѣйшаго недостатка.— „Вѣрно тѣ самыя, которыми и вы опъ себя дадите свидѣтельство?“— Я не имѣю съ ними никакой связи, и потому могу безпристрастно судить о ихъ талантахъ. Не ужьли въ самомъ дѣлѣ думаете вы, что у васъ превосходная труппа?— „Со-всемъ нѣтъ, не думаю я эшаго, и защищаю только очень немногихъ актеровъ, а до прочихъ мнѣ нѣтъ дѣла. Не согласитесь ли вы сами, что актриса, игравшая роль Дидоны, достойна удивленія? Не представляла ли она эшу Царицу со всемъ благород-

сшвомъ, со всею прелестію, согласными съ понятіемъ, какое мы объ ней имѣемъ? Не удивлялись ли вы, съ какимъ искусшвомъ плѣняетъ она зришеля, и заставляешъ его чувсшвовашъ всѣ выражаемыя ею сшрасши? Можно сказахъ, что никто не сравняешся съ нею въ декламаціи.“—Согласенъ, сказахъ Донъ Помпео, что она умѣешъ прогахъ зришелей; что нѣшъ, можетъ быхъ, ни одной актрисы съ такими нѣжными чувсшвами; что она прекрасно сыграла свою ролю: но при всемъ томъ и она не безъ погрѣшностей. По крайней мѣрѣ я замѣшилъ въ

игръ ея два или три недо-
сшатка, и при томъ довольно
важные. Когда хочетъ она вы-
разить удивленіе, то коситъ
чрезвычайно глазами, что
вовсе не прилично Принцес-
сѣ. Прибавьте къ тому, что
понижая свой голосъ, кото-
рый у ней отъ природы
очень пріятенъ и нѣженъ, дѣ-
лаетъ она его грубымъ и
хрипитъ такъ, что не воз-
можно почти безъ отвра-
щенія ее слушать. Сверхъ
того въ нѣкоторыхъ мѣ-
стахъ піэсы показалось мнѣ,
что она не совсемъ понима-
ла то, что говорила. Одна-
кожь я лучше хочу думать,
что она была разсѣяна, не-

жели обвиняшь ее въ недоспашкѣ поняшія.—

„Какъ я вижу, сказалъ Донъ. Машіасъ крипику, то вы не напищете похвальныхъ сшиховъ нашимъ актрисамъ.“— Почему вы такъ думаете?—опвѣчалъ Донъ Помпео: при всѣхъ ихъ недоспашкахъ нахожу я въ нихъ много талантовъ. Скажу вамъ даже, что актриса, которая представляла горничную въ другой піесѣ, чрезвычайно мнѣ понравилась. Какъ натурально, съ какою пріямностію играла она свою роль! Случится ли ей сказать острое словцо — лукавая и прелестная улыбка, съ какою

она произноситъ его , при-
даетъ ему новую цѣну. Вотъ
въ чемъ можно упрекнуть ее:
увлекаясь своею живоспїю ,
преступаетъ она иногда гра-
ницы благородной вольности;
но это еще можно просиить
ей. Я бы хотѣлъ только ,
чтобъ она оставила дурную
свою привычку, которую
ничѣмъ не лзя извиниить.
Часто во время дѣйствїя ,
въ самомъ интересномъ мѣ-
стѣ, вдругъ перестаетъ она
говориить и начинаетъ смѣ-
яться. Вы скажете , что и
тогда партеръ ей апплоди-
руетъ: большое счастье!—

„А что вы скажете объ ак-
терахъ?— прервалъ Маркизь.

Конечно не будетъ имъ по-
милованія, когда уже и ак-
трисъ не пощадили.“—Изви-
ните, опвѣчалъ Донъ Пом-
пео; по моему мнѣнію нѣко-
торые молодые актеры по-
дающъ о себѣ большую на-
дежду, а особливо доволенъ
я шѣмъ, который игралъ ро-
лю перваго Дидонина Мини-
стра. Онъ говоритъ очень
натурально; точно такъ де-
кламируютъ у насъ въ Пор-
тугалліи.—„Если бы доволенъ
эшимъ актеромъ, сказалъ Се-
гіаръ, то долженъ уже быть
въ восхищеніи отъ того,
который представлялъ Энея.
Не показался ли онъ тебѣ
великимъ, оригинальнымъ ак-

шеромъ?“— Очень оригинальнымъ : у него такой странный и пронзительный голосъ, какого никто другой имѣть не можетъ. Совершенно во всемъ отсшупаетъ онъ отъ природы ; слова , которыми должно выражать чувство, произноситъ скоро, а прочія просяжно, даже останавливается на союзахъ. Довольно онъ меня позабавилъ своею игрою, особенно въ то время, когда признавался своему наперснику, какъ тяжело ему было оставить Дидону. Не возможно смѣнить его выразить горести!— „Постой, постой, братецъ!“— прервалъ Донъ Алексъ — наконецъ мы заста-

вишь насъ думать, что при
 Поршугальскомъ Дворѣ вовсе
 не имѣютъ вкуса. Знаешь ли,
 что актеръ, о которомъ мы
 говоримъ, есть украшеніе и
 слава нашего театра? Развѣ
 ты не слыхалъ, какъ часто
 ему аплодировали? Это до-
 казываетъ, что онъ не такъ
 дурень. — Это ничего не до-
 казываетъ, отвѣчалъ Донъ
 Помпео: какъ можно ссылаться
 на рукоплесканія партера?
 Зрители очень часто не
 понимаютъ аплодируютъ, и даже
 нерѣдко отдають преимуще-
 ство мнимымъ талантамъ
 предъ истинными. У Федра
 есть на этошъ случай пре-

красная басня. Позвольте, я вамъ расскажу ее.

Въ какомъ-то городѣ весь народъ собрался на большую площадь смотрѣть игру пантомимовъ. Между актерами былъ одинъ, которому безпре-
спанно аплодировали. Это-
му шуту вздумалось окон-
чить представленіе зрѣли-
щемъ совсемъ новаго рода.
Онъ вышелъ одинъ на сцену,
наклонился, закрылъ голову
епанчею, и началъ визжать
по поросячьи. Всякой думалъ,
что у него въ самомъ дѣлѣ
подъ полою поросенокъ. Обы-
скали его и ничего не на-
шли. Громъ рукоплесканій
раздался въ толпахъ народа.

Такія неумѣренныя похвалы
 привели въ досаду одного
 крестьянина, бывшаго въ
 числѣ зришелей. „Господа!—
 вскричалъ онъ—напрасно уди-
 вляешесь вы этому шуму:
 онъ не такой еще большой
 мастеръ, какъ вы объ немъ
 думаете. Я гораздо лучше его
 провизжу. Ежели вы мнѣ не
 вѣрите, то приходите сюда
 завтра въ такое же время.“—
 Народъ, предубѣжденный въ
 пользу пантомима, собрался
 на слѣдующій день въ боль-
 шемъ числѣ, не съ шѣмъ,
 чшобы судить о искусствѣ
 крестьянина, но чшобы на-
 смѣяться надъ нимъ и освис-
 тать его. Оба соперника по-

явились на сценѣ. Шушъ первый показалъ опяшъ свое мастерство и получилъ еще болѣе рукоплесканій, чѣмъ наканунѣ. Попомъ крестьянинъ, въ свою очередь, наклонившись и завернувъ голову въ епанчу, какъ и шопъ, подраля за ухо насмѣющаго поросенка, который былъ у него подъ пазухой, и поросенокъ поднялъ ужасный визгъ. Собраніе присудило паншомиму награду, а крестьянина осыпало ругательствами. — Крестьянинъ, поднявъ вверхъ поросенка и показавъ его зрителямъ, сказалъ: „Господа, вѣдь не я визжалъ, а поро-

сенокъ! Видите ли какіе вы судьи!“—

„Басня твоя, сказалъ Донъ Алексо, довольно лзвипшелна. Однако, не смошря на твоего поросенка, мы останемся при прежнемъ нашемъ мнѣніи. Но оставимъ эту матерію: она уже мнѣ наскучила. Не ужьли въ самомъ дѣлѣ ты ѣдешь завтра? Мнѣ хотѣлось бы, чшобъ ты погосшилъ у меня подолѣе.“— Чшожъ дѣлать? я и самъ желалъ бы здѣсь еще остаться; но это не возможно. Вы уже слышали опъ меня, чшо я присланъ къ Испанскому Двору по одному важному дѣлу. Вчера, какъ только сюда

пріѣхалъ, имѣлъ я аудіенцію у перваго Министра; завтра по утру надобно мнѣ опяшь съ нимъ видѣться, и пошчасъ послѣ того отправившись обратно въ Лиссабонъ.— „Ты сдѣлался настоящимъ Португальцемъ, и по всему видно, что ты не будешь уже болѣе жить въ Мадридѣ.“— Думаю, что такъ: я сколько счастливъ, что заслужилъ милость къ себѣ Короля Португальскаго, и при Дворѣ его жить мнѣ очень пріятно. Однакожь, сколь ни благосклоненъ онъ ко мнѣ, повѣришь ли, что я чуть было не оставилъ навсегда его владѣнія.— „Какимъ обра-

зомъ?—спросилъ Маркизь; сдѣлайте одолженіе разскажите намъ это.“—Съ удовольствіемъ—отвѣчалъ Донъ Помпео—съ этимъ вмѣстѣ услышите вы и всю мою исторію.

ГЛАВА VII.

Исторія Дона Помпео де Кастро.

Донъ Алексо — продолжалъ онъ—знаетъ, что съ самыхъ молодыхъ лѣтъ почувствовалъ я большую склонность къ военной службѣ. Въ отечествѣ нашемъ царствовала

шишина , и пошому отпра-
 вился я въ Поршугаллію; а
 оштуда въ Африку вмѣстѣ
 съ Герцогомъ Браганскимъ,
 кошорый принялъ меня въ
 свою армию. Я былъ младшій
 изъ самой бѣдной дворянской
 въ Испаніи фамиліи; эшо по-
 будило меня ошличишья по
 службѣ и обратишья чрезъ шо
 на себя вниманіе Главнокоман-
 дующаго. Герцогъ былъ очень
 доволенъ мною и посшавилъ
 меня на шакую степень, что
 я могъ продолжашь службу
 съ большою для меня чеспію.
 Послѣ долговременной войны
 (вы , конечно , знаеше , чѣмъ
 она кончилась) сталъ я ис-

кашѣ счастія при Дворѣ. Король, по засвидѣтельствванію начальниковъ о заслугахъ моихъ, пожаловалъ мнѣ порядочную пенсію. Чувствуя великодушіе Монарха, не пропускалъ я ни одного случая изъяслять ему за то мою благодарность всѣми возможными угожденіями. Я находился при немъ во всякое время, когда только позволено было представляться его взорамъ. Такимъ образомъ непримѣтно пріобрѣлъ я любовь Государя и получалъ отъ него новыя благодѣянія.

Однажды на бою съ быками и въ бывшей послѣ

того карусели, опличился я
силою своею и проворствомъ,
за что весь Дворъ превознесъ
меня похвалами. Возвраща-
юсь домой, и мнѣ отдають
письмецо. Въ немъ написано
было, что одна дама, побѣда
надъ кошорою должна быть
для меня гораздо лестнѣе
чести, пріобрѣтенной мною
въ эшопъ день, желаетъ со
мною видѣться, и что мнѣ
стоить только, при насшу-
пленіи ночи, явиться въ на-
значенное въ письмѣ мѣсто.
Такое приглашеніе доспави-
ло мнѣ гораздо болѣе удоволь-
ствія, чѣмъ всѣ полученныя
въ присутствіи Двора по-
хвалы: я воображалъ, что

особа, копорая писала ко мнѣ, должна бышь изъ самой знашной фамиліи. Вы можете предспавишь себѣ, что я не пропустилъ назначеннаго часа. Спарушка, копорую нашель я на показанномъ мнѣ мѣспѣ, провела меня черезъ садовую калишку въ огромный домъ, и оспавила одного въ богато убранной комнашѣ, сказавши: „оспаньтесъ здѣсь; сей часъ доложу объ васъ госпожѣ. Тупъ началъ я разсмашривать комнашу, въ копорой горѣло множесшво восковыхъ свѣчь: въ ней были разныя драгоцѣнности, и эшо еще болѣе ушвердило меня въ прежнемъ мнѣніи о

знапности незнакомой дамы. Все, что видѣлъ я шупъ, у-
вѣряло меня, что она долж-
на бышь изъ самой знапной
и богатой фамиліи, а когда
она сама появилась, то бла-
городный и величеспвенный
ея видъ убѣдилъ меня въ
томъ совершенно. Однакожь,
она была не то, что я ду-
малъ.

„Господинъ кавалеръ—ска-
зала она мнѣ — послѣ того,
что я уже сдѣлала, не могу
болѣе скрывать ошъ васъ
чувства, копорыя вы во мнѣ
возбудили. Не слава, приоб-
рѣшенная вами сегодня въ
присутствіи всего Двора,
внушила мнѣ ихъ; она уско-

рила только мое объясненіе. Я уже не въ первый разъ васъ вижу; я освѣдомлялась объ васъ, и узнала столько хорошаго, что рѣшилась послѣдовать моей спраси. Не подумайте, что вы плѣнили какую нибудь Герцогиню: я ничто иное, какъ вдова Офицера Королевской Гвардіи; но побѣда ваша надо мною можетъ быть тѣмъ леспна для васъ, что я отдаю вамъ преимущество передъ однимъ изъ самыхъ первыхъ вельможъ въ Государствѣ. Герцогъ Алмейда любитъ меня, и ничего не щадитъ, чтобы мнѣ понравиться. Не смотря на то, никогда не до-

спигнетъ онъ своей цѣли, и я принимаю услуги его изъ одного только тщеславія.“

Хоша изъ этихъ словъ пошчасъ узналъ я, съ какою женщиною имѣю дѣло, однакожь, признаюсь, очень радъ былъ такому неожиданному мною происшествію. Донна Горшензія (такъ звали мою героиню) была еще очень молода и прекрасна собою. Припомъ предлагала она мнѣ сердце, въ кошоромъ ошказывала Герцогу. Какое поржесство для Испанскаго кавалера! Я бросился къ ногамъ Горшензіи и благодарилъ за ея благосклонность; сказалъ ей все, что только должно

было сказать въ такомъ случаѣ, и она осталась совершенно мною довольна. Мы разсшались друзьями, условившись видѣться каждый вечеръ, когда только Герцогъ Алмейда не будетъ у нее, и она обѣщалась со всею исправностію давать мнѣ о томъ знать. Обѣщаніе это было исполнено, и я сдѣлалъ Адонисомъ этой новой Венеры.

Но удовольствія не долго продолжаются. Сколь ни осторожно поступала Горпензія, однако соперникъ мой наконецъ узналъ то, что старались мы скрывать отъ него. Недовольная Горпензіею

служанка открыла ему все. Хоша онъ отъ природы и очень былъ великодушенъ, но сколько же гордъ, ревнивъ и вспыльчивъ. Гнѣвъ и ревность помрачили его разсудокъ; онъ рѣшился опомсшить мнѣ самымъ безчестнымъ образомъ. Однажды ночью, когда былъ я у Горшензи, караулилъ онъ меня у садовой калитки со всѣми своими людьми, которые вооружены были палками. Лишь только я вышелъ, повелѣлъ онъ схватить меня и бить безъ всякой пощады. „Бейте, бейте до смерти!“ — вскричалъ онъ — я за все опиѣчаю.“ Едва успѣлъ онъ

сказать эшо, какъ люди его бросились ко мнѣ и осыпали меня ударами; я упалъ замертво, а они ушли съ господиномъ своимъ, которому такое варварство показалось самымъ пріятнымъ зрѣлищемъ. Остатокъ ночи пролежалъ я безъ памяти. На разсвѣтъ, прохожіе нашедши меня на улицѣ и видя, что во мнѣ есть еще дыханіе, сжалились надо мною и опнесли меня къ лѣкарю. По счастью, раны мои не были смертельны. Я попался въ руки къ знающему челоуѣку, который въ два мѣсяца вылѣчилъ меня совершенно. По прошествіи эшаго времени,

показался я опять ко Двору, и спалъ жишъ по прежнему, кромѣ только того, что не ходилъ уже болѣе къ Горпензіи, кошорая, съ своей стороны, не дѣлала никакихъ покушеній для свиданія со мною, пошому что Герцогъ съ тѣмъ только условіемъ и проспилъ ея невѣрность.

Слухъ о моемъ приключеніи разнесся по всему городу. Всѣ знали, что я не шрусъ и удивлялись наружному моему спокойствію: я скрывалъ то, что лежало у меня на сердцѣ, и не показывалъ нимаѣйшаго огорченія. Не знали, что заключаю о моей прищворной не-

чувствительности. Одни думали, что, не смотря на храбрость мою, высокое званіе оскорбителя удерживало меня въ страхъ и заспавляло снести обиду; другіе, съ большею основательностію, сомнѣвались въ моемъ равнодушіи и говорили, что оно похоже на пищину моря предъ бурею. Король былъ одного съ послѣдними мнѣнія; онъ зналъ, что я не такой человекъ, который бы могъ перенести обиду, и полагалъ, что я не оставлю отмстить за себя при первомъ удобномъ случаѣ. Желая удостовѣриться въ своихъ догадкахъ, призывалъ онъ меня

однажды къ себѣ въ каби-
 нешъ, и сказалъ мнѣ: „Донъ
 Помпео, мнѣ извѣстно, что
 съ вами случилось, и, при-
 знаюсь, что я удивляюсь ва-
 шему спокойствію. Вы ко-
 нечно пришворяетесь?—Ва-
 ше Величество, отвѣчалъ я,
 не знаю, кого имѣю у себя
 непріятелемъ; неизвѣстные
 мнѣ люди напали на меня
 ночью: я долженъ позабытъ
 эшошъ несчастный случай.—
 „Нѣшъ, нѣшъ, меня не обма-
 нете: мнѣ все сказано. Гер-
 цогъ Алмейда смертельно
 васъ обидѣлъ. Вы дворянинъ,
 вы Каспилланецъ; знаю, ка-
 кія обязанности налагаютъ
 на васъ эши два пишла. Вы

рѣшились опомсшить. От-
кройте мнѣ ваше намѣреніе;
я хочу эшаго. Вы не будете
раскаяваться, повѣривъ мнѣ
вашу шайну.“

—Когда Ваше Величество
приказываете мнѣ, то я дол-
женъ ошкрышья предъ ва-
ми чистосердечно. Такъ, Го-
сударь, я хочу опомсшить
за сдѣланную мнѣ обиду. Вся-
кой человѣкъ, носящій такое
имя какъ я, обязанъ дасть за
него опчешъ своей фамиліи.
Вы знаете, какъ безчестно
со мною поступили. Мщеніе
мое соразмѣрно будетъ оби-
дѣ: я хочу умершвить Гер-
цога Алмейду; вонжу ему въ
грудь кинжалъ, или раздроблю

голову пистолетнымъ выстрѣломъ, и скроюсь, если можно, въ Испанію: вошь мое намѣреніе.—

„Оно слишкомъ безразсудно, отвѣчалъ Король; однакожь я не могу охуждать его послѣ жестокой обиды нанесенной вамъ Герцогомъ Алмейдою. Онъ достоинъ наказанія, которое вы ему назначаете. Но не исполняйте такъ скоро вашего предпріятія. Можешь быть, я найду средство помирить васъ обоихъ.“ — Ахъ! Государь, вскричалъ я съ горестію, для чего заставили вы меня открыть мою тайну? Какое средство можешь . . . — „Если

я не найду такого, которое бы удовлетворило васъ совершенно, но вы можете исполнить ваше предпріятіе. Я не намѣренъ употребить во зло довѣренность, которую вы мнѣ сдѣлали: не нарушу вашей чести; будьте спокойны."

Я не понималъ, какое средство могъ найти Король къ нашему примиренію и къ удовлетворенію моей чести; но вотъ что онъ сдѣлалъ: призвавъ къ себѣ Герцога Алмейду, сказалъ ему наединѣ:,, вы обидѣли Дона Помпео де Каспро. Вамъ извѣстно, что онъ знашной фамиліи, что я его люблю и что онъ

служить мнѣ съ усердіемъ. Вы должны сдѣлать ему удовлетвореніе.“—Я и не откажусь отъ эшаго, сшвѣчалъ Герцогъ. Если онъ почищаетъ себя обиженнымъ мною, то я охотно предоставляю ему право выбрать какое угодно оружіе.—,,Это не удовлетвореніе; Испанской дворянинъ знаетъ очень хорошо правила чести, и не спанетъ биться благороднымъ образомъ съ подлымъ убійцей. Я не могу называть васъ иначе. Одно только средство остается вамъ загладить недостойный вашъ поступокъ: вы должны сами подать вашему непріятелю палку и

подсхавить спину.“— Какъ! не ужьли Ваше Величество хошите, чшобы чловѣкъ моего званія унизился передъ просшымъ дворяниномъ, и позволилъ бы даже бить себя палкою!— „Нѣтъ, я засхавлю Дона Помпео дашь мнѣ обѣщаніе, чшобъ онъ не билъ васъ. Попросите только у него прощенія въ вашей дерзосши и подайте ему палку; вошь все, чего я ошъ васъ пребую.“— Эшаго уже слишкомъ много, прервалъ Герцогъ разгорячившись: я лучше соглашусь подвергнуться всѣмъ опасностямъ, которыя шайно гошовить для меня его мщеніе.— „Ваша жизнь

нужна мнѣ—сказалъ Король—
я хошѣлъ бы, чѣмъбы это
дѣло не имѣло дурныхъ по-
слѣдствій. Желая окончить
его съ меньшею для васъ не-
пріятностію, даю вамъ обѣ-
щаніе, что одинъ только я
буду свидѣтелемъ удовлетво-
ренія, которое приказываю
вамъ сдѣлать этому Испан-
скому дворянину.”

Король принужденъ былъ
употребить всю власть, ко-
торую имѣлъ надъ Герцогомъ,
чѣмъбы склонить его къ ша-
чному унижительному для не-
го поступку. Наконецъ онъ
уговорилъ его, и послалъ за
мною. Разсказавъ мнѣ, что
говорилъ онъ съ моимъ не-

пріятелемъ, спросилъ меня ,
буду ли я доволенъ шѣмъ ,
что сдѣлаешь для меня по
его приказанію Герцога.— Я
отвѣчалъ, что болѣе ничего
не требую, и далъ слово не
только не бить моего не-
пріятеля, но и не принимаешь
изъ рукъ его палки. Усло-
вившись такимъ образомъ ,
Король вскорѣ послѣ того
призвалъ обоихъ насъ въ свой
кабинетъ и запершись тамъ,
сказалъ Герцогу : „признай-
тесь теперь въ своемъ про-
супкѣ и просите его, что-
бы онъ простилъ васъ.“ Тутъ
Герцогъ началъ передо мною
извиняться и подалъ мнѣ
палку, которая была у него

въ рукѣ. „Донъ Помпео, сказалъ мнѣ Король, возьми эту палку, и не смотря на мое присутствіе опмсти за оскорбленіе вашей чести. Я освобождаю васъ отъ даннаго вами мнѣ слова не бить Герцога.“—Нѣтъ, Ваше Величество, отвѣчалъ я, довольно и того, что онъ подалъ мнѣ палку: оскорбленный Испанецъ болѣе не пребудетъ.— „Хорошо, когда вы эшимъ довольны, то можешъ окончить вашу ссору настоящимъ образомъ, какъ прилично благороднымъ людямъ.“—Этого-то я и желаю—вскричалъ Герцогъ съ сердцемъ—и это только одно можешъ

ушѣвшишь меня въ претер-
пѣнномъ мною теперь пору-
ганіи.—

При сихъ словахъ, вышель
онъ съ ужасною яростью и
со стыдомъ; черезъ два ча-
са прислалъ сказать мнѣ,
что ожидаетъ меня въ оп-
даленномъ мѣстѣ. Пришедши
туда, нашелъ я его во всей
готовности къ сраженію.
Онъ былъ не старѣе со-
рока пяти лѣтъ, и не имѣлъ
недоспашка ни въ храбро-
сти, ни въ искусствѣ. Мож-
но сказать, что мы не у-
ступали одинъ другому. „Донъ
Помпео, сказалъ онъ мнѣ,
кончимъ здѣсь нашу ссору.
Мы не должны щадить другъ

друга : вы пошому , что я
поспупилъ съ вами дурно, а
я, что принужденъ былъ про-
сипшъ у васъ прощенія.“ Ска-
завши это , выхвапиль онъ
шпагу съ такою скороспїю,
что я едва успѣлъ сдѣлать
поже. Сначала онъ напалъ
на меня чрезвычайпо сильно;
но мнѣ удалось отразишь
всѣ его удары. Послѣ того
наспупилъ я на него въ свою
очередъ, и увидѣлъ, что имѣю
дѣло съ такимъ человѣкомъ,
который съ одинакимъ иску-
спвомъ умѣлъ нападать и
защищаться. Не знаю, чѣмъ
бы кончилось наше сраженіе,
если бы онъ , отступая на-
задъ , не споткнулся, и не

упалъ навзничь. Я тошчасъ
остановился и сказалъ ему:
„всшавайше!“— Зачѣмъ ща-
дишь меня?—опвѣчалъ онъ;
соспранданіе ваше для меня
оскорбительно.— „Я не хочу
пользоваться вашимъ несча-
стіемъ: это прошивно моей
чесши. Еще повшоряю вамъ,
всшавайше, будемъ опяшь
драпться.“

Донъ Помпео—сказалъ онъ
всшавая—послѣ такого вели-
кодушнаго съ вашей споро-
ны поступка прошивно было
бы и моей чесши, если бы
спалъ я съ вами бипсья.
Что сказали бы обо мнѣ,
если бы я закололъ васъ?
Меня почли бы самымъ под-

лымъ прусомъ, когда бы я
убилъ того, кто могъ, но не
хотѣлъ, лишить меня жизни.
Не почишаю васъ болѣе сво-
имъ врагомъ; чувствую, что
вмѣсто гнѣва, волновавшаго
мое сердце, родилась въ немъ
нѣжнѣйшая благодарность.
Донъ Помпео, перестанемъ
ненавидѣть другъ друга; бу-
демъ друзьями — „Ахъ! ми-
лостивый государь, вскри-
чалъ я, принимаю съ ра-
достью столь лестное для
меня предложеніе. Клянусь
имѣть къ вамъ искреннюю
преданность, и чтобы пока-
зать первый тому опытъ,
объщаюсь, что нога моя не
будетъ у Донны Горшензіи,

хотѣла бы она и захотѣла меня видѣть.“— Уступаю ее вамъ ; справедливостъ эшаго требуетъ : она сама чувствуетъ къ вамъ склонностъ.— Нѣтъ , нѣтъ , вы ее любите. Благосклонностъ ея ко мнѣ можетъ быть чувствительна для вашего сердца ; я жертвую ею вашему спокойствію.“— О ! великодушнѣйшій Каспилланецъ—вскричалъ Герцогъ обнимая меня—въ какое раскаяніе приводятъ меня благородныя ваши чувствованія ! Съ какою горезью, съ какимъ стыдомъ вспоминаю я нанесенную мною вамъ обиду ! Удовлетвореніе, которое я сдѣлалъ вамъ въ

Королевскомъ кабинетѣ, кажется мнѣ ничего незначащимъ. Я хочу лучшимъ образомъ загладить свой проступокъ: чѣшбы заставилъ васъ совершенно испребишь его изъ памяти, предлагаю вамъ руку одной изъ племянницъ моихъ, кошорая совершенно ошъ меня зависишь. Она богаша; ей не болѣе пятнадцати лѣтъ, и красота ея превосходитъ еще ея богатство и молодосшь.—

Я благодарилъ Герцога въ самыхъ учпивыхъ выраженіяхъ за предложенную имъ мнѣ честь вступишь въ родство съ нимъ. Черезъ нѣсколько дней женился я на

его племянницѣ. Всѣ придворные поздравляли его, что онъ составилъ счастіе кавалеру, котораго обезчестилъ; а друзья мои радовались вмѣстѣ со мною счастливой развязкѣ приключенія, которое, полагали, кончится совсемъ другимъ образомъ. Съ того времени живу я очень весело въ Лиссабонѣ; жена моя меня любитъ, а я еще и по сіе время влюбленъ въ нее. Герцогъ Алмейда ежедневно показываетъ мнѣ новые опыты своего дружества, и я могу похвалиться милостями и довѣренностію къ себѣ самаго Короля Португальскаго.

Важныя дѣла, съ копорыми
по повелѣнію его пріѣхалъ я
въ Мадридъ, увѣряюшъ ме-
ня въ его ко мнѣ благово-
леніи.

ГЛАВА VIII.

*Что заставило Жилбла-
за искать себѣ другаго
мѣста.*

Такимъ образомъ разска-
залъ Донъ Помпео свою и-
сторію. Камердинеръ Дона
Алексо и я слушали ее съ на-
чала до конца, хошя и ве-
лѣли намъ выдши вонъ.

Вмѣсто того, чѣобы совсемъ уйши, стали мы у дверей, копорыя только что были притворены, и не проронили ни одного слова. Попомъ наши господа принялись опяшь за пишье; однакожь бесѣда ихъ продолжалась не до самаго разсвѣта, потому что Донъ Помпео, которому надобно было поутру бышь у перваго Министра, захошѣлъ отдохнушь. Маркизь Ценетъ и господинъ мой, обнявши эшаго кавалера, проспились съ нимъ, и пошли домой.

Этомъ разъ легли мы спашь до восхожденія солнца. Донъ Матіасъ, проснувшись, поручилъ мнѣ новую долж-

носшь. „Жилблазъ, сказалъ
 онъ мнѣ, возьми бумаги, пе-
 ро и чернилъ, и напиши два
 или три письма, которыя
 я тебѣ продиктую. Я дѣлаю
 тебя секретаремъ своимъ.“—
 Bravo!—сказалъ я самъ себѣ—
 еще новая должностъ! Какъ
 лакей, провожаю я повсюду
 своего господина; какъ ка-
 мердинеръ, одѣваю его, и
 какъ секретарь, буду писать
 при немъ. Слава Богу! по-
 добно приличной Гекашѣ,
 сшану представлять при
 разные лица.— „Ты еще не
 знаешь, продолжалъ онъ, мо-
 его намѣренія. Вотъ оно;
 смотри только не пробол-
 тайся: это стоить будетъ

тебѣ жизни. Многіе изъ моихъ пріятелей часто хвастаются передо мною успѣхами своими въ любовныхъ дѣлахъ; чѣшбы перешеголять ихъ, хочу имѣть при себѣ подложныя ошѣ дамъ письма, копорыя буду чашать всѣмъ. Это позабавитъ меня. Я буду гораздо счастливѣе моихъ товарищей: они стараются одерживать побѣды надъ прелестнымъ поломъ для того только, чѣшбы имѣть удовольствіе разглашать объ нихъ; а я стану разглашать о такихъ побѣдахъ, копорыя не стоятъ мнѣ никакого труда. Но, прибавилъ онъ, старайся пе-

ремѣннѣ свою руку такъ ,
чтобы каждое письмо напи-
сано было особымъ почер-
комъ.“

Я взялъ бумаги , перо и
чернилъ , и приготовился
исполнять волю Дона Машіа-
са . Сначала продиктовалъ
онъ мнѣ слѣдующее любовное
письмо:

„Вы пропустили нынѣш-
„нюю ночь назначенное вамъ
„свиданіе. Ахъ! Донъ Машіасъ,
„что скажете вы въ свое
„оправданіе? Какъ я обману-
„лась! И какъ справедливо на-
„казана я за пусшую надеж-
„ду, кошорою льстилась, что
„вы всѣми своими занятіями
„и забавами пожертвуете

„удовольствію видѣшь Донну
„Клару де Мендозу.“—

Послѣ эшаго письма велѣлъ онъ мнѣ написать другое, ошъ имени женщины, кошорая жертвуетъ для него Принцемъ, и наконецъ еще прешье, въ кошоромъ одна дама увѣдомляетъ его, чшо, если бы она увѣрена была въ его скромности, то совершила бы съ нимъ путешествие въ Циперу. Не только продиктовалъ онъ мнѣ такія письма, но велѣлъ еще подписать подъ ними имена знатныхъ особъ. Я осмѣлился представить ему, съ какими опасностями сопряжено это дѣло; но онъ сказалъ мнѣ,

чно я тогда только могу подавать ему совѣшы, когда онъ самъ ихъ ошъ меня по-требуешъ. Я долженъ былъ замолчать и дѣлать, что онъ приказывалъ. Когда все было готово, онъ вспалъ; я пособилъ ему одѣшся. Положивъ письма въ карманъ, пошелъ онъ со двора, и я за нимъ. Мы обѣдали у Дона Жуана де Монкада, который угощалъ въ этотъ день чело-вѣкъ шесть своихъ пріятелей.

Сполъ былъ великолѣпный, и веселость, наилучшая при-права всякаго пиршества, царствовала во время обѣда. Каждый изъ гостей старался

съ своей стороны развеселилъ бесѣду: одни говорили острыя слова, шутили: другіе разсказывали происшествія, въ которыхъ, по словамъ ихъ, играли сами важную роль. Господинъ мой не пропустилъ столь благоприятнаго случая похвастаться своими письмами. Онъ прочелъ ихъ вслухъ съ такимъ увѣришельнымъ видомъ, что всѣ, выключая его секретаря, дались, можетъ быть, въ обманъ. Въ числѣ госпей былъ шутъ одинъ, по имени Донъ Лопецъ де Веласко, человекъ очень сепенной. вмѣсто того, чтобы забавляться съ прочими

мнимою удачею въ любви
 чипашеля, спросилъ онъ у
 него хладнокровно, чего сто-
 ила ему побѣда надъ Донной
 Кларой. — „Совсемъ ничего,
 отвѣчалъ Донъ Матіасъ. Она
 увидѣла меня на гуляньѣ, и
 я ей понравился. По прика-
 занію ея пошли за мною; у-
 знали, кто я таковъ. Она
 написала ко мнѣ и назначи-
 ла у себя свиданіе ночью,
 когда все въ домѣ ея покои-
 лось. Я пришелъ шуда; меня
 ввели въ ея спальню . . . .
 скромность моя не позво-
 ляетъ мнѣ всего договари-
 вать.“

При семъ лаконическомъ
 разсказѣ сеньоръ де Веласко

чрезвычайно перемѣнился въ
лицѣ. Не трудно было замѣ-
тить, что онъ принимаетъ
въ этомъ дѣлѣ большое уча-
стіе. „Всѣ ваши письма—ска-
залъ онъ моему господину,
смотря на него съ яростью—
фальшивы, а особливо цѣ,
кошорымъ хвастаетесь вы,
будто получили отъ Донны
Клары де Мендозы. Во всей
Испаніи нѣтъ столь скром-
ной и цѣломудренной дѣви-
цы, какъ она. Кавалеръ, не
уступающіи вамъ ни въ
знатности рода, ни въ лич-
ныхъ достоинствахъ, уже
два года употребляетъ всѣ
возможныя старанія, чтобы
пріобрѣсти любовь ея; но

едва удалось ему получить
 отъ нее самыя невинныя
 ласки; и если бы она могла
 рѣшишься позволишь что
 нибудь поважнѣе, то ни-
 кто другой, кромѣ его од-
 ного, того бы не удостоил-
 ся.“— Да кто же съ вами о
 томъ спорить?—прервалъ съ
 насмѣшкою Донъ Матіасъ. Я
 согласенъ, что она очень че-
 стная дѣвица. И я также
 пречестной малой. Слѣдова-
 тельно, вы можете быть у-
 вѣрены, что между нами ни-
 чего, кромѣ самаго честнаго,
 не происходило.—,,О! эшаго
 ужь слишкомъ много, вскри-
 чалъ Донъ Лопецъ. Шутки
 въ спорону! вы величайшій

хвасшунъ. Донна Клара никогда не призывала васъ къ себѣ ночью. Я не могу терпѣть, чшобы вы осмѣлились поносишь ея чесшное имя. Скромность также не позволяешъ мнѣ всего договаривашъ.“—Сказавши это, вспалъ онъ изъ за спола и оспавилъ собраніе съ такимъ видомъ, изъ котораго я заключилъ, что дѣло можетъ имѣть худыя послѣдствія. Господинъ мой, будучи сполько же неустрашимъ, сколько и безстыденъ, презиралъ угрозы Дона Лопеца.— „Дурачина! вскричалъ онъ съ громкимъ хохотомъ: спранствующіе рыцари защищали только

красоту своихъ любовницъ ;
а онъ хочетъ защищать цѣ-
ломудріе своей: это во сто
разъ еще безумнѣе!“

Удаленіе Дона Лопеца, ко-
торого Монкадъ напрасно
старался удерживать, не по-
мѣшало пиру . Оставшіеся
кавалеры , немного о томъ
забошась , продолжали весе-
лишья , и распались уже
на разсвѣтѣ слѣдующаго дня.
Господинъ мой и я легли
спать въ пять часовъ утра.
Сонъ клонилъ меня, и я на-
дѣялся выспаться хорошень-
ко; но надѣялся, не спросясь
нашего привратника, копо-
рый черезъ часъ разбудилъ
меня и сказалъ, что какой-то

мальчикъ дожидается меня у
ворота. „Чортъ тебя побе-
ри!—закричалъ я зѣвая: зна-
ешь ли, что я лишь только
теперь легъ? Скажи мальчи-
ку, что я сплю; пускай онъ
придетъ послѣ.“—Онъ хочетъ,
отвѣчалъ привратникъ, го-
ворить съ вами сію же ми-
нушу: увѣряетъ, что ему
крайняя нужда. — Я вспалъ;
надѣлъ только исподницу и
камзолъ, и пошелъ съ бранью
къ воротамъ, гдѣ дожидался
меня мальчикъ. — „Позвольте
спросить, сказалъ я ему съ
досадою, какое необходимое
дѣло доставило мнѣ честь
видѣть васъ такъ рано?“—
У меня, отвѣчалъ онъ, есть

письмо къ Дону Машіасу, кошорое я долженъ отдашь ему въ собственныя руки. Надобно, чтобы онъ прочелъ его шеперь же: оно очень для него важно. Пожалуйста, проводите меня въ его спальню.—Полагая, что въ самомъ дѣлѣ была ему крайняя нужда, я осмѣлился разбудить моего господина. „Извините, сударь, сказалъ я ему, что я васъ потревожилъ: необходимость“....Чего тебѣ надобно?—прервалъ онъ сердито.—„Милоспивый государь—сказалъ ему тогда мальчикъ, который вошелъ за мною—я принесъ къ вамъ письмо отъ Дона Лопеца де Веласко.“—

Донъ Матіасъ взялъ письмо, развернулъ его, и прочитавши, сказалъ слугѣ Дона Лопеца: „другъ мой, я никогда не всшаю прежде полудня, къ какому бы увеселенію меня ни приглашали; посуди же, вспану ли я въ шесть часовъ утра, зашѣмъ только, чтобы идти драпья. Скажи своему господину, что если онъ въ половинѣ перваго часа будетъ еще въ томъ мѣстѣ, гдѣ меня ожидаетъ, то мы тамъ увидимся.“ — При сихъ словахъ, завернувшись онъ въ одѣяло, и опять заснулъ.

Онъ вспалъ въ двѣнадцатомъ часу съ покойнымъ ду-

хомъ; одѣлся и пошелъ со дво-
 ра, сказавъ мнѣ, чѣмъ я ос-
 тался дома. Но я его не по-
 слушался: мнѣ очень хотѣлось
 знать, чѣмъ дѣло кончится.
 Я проводилъ его до Сенжер-
 менскаго луга, гдѣ Донъ Ло-
 пецъ де Веласко давно уже
 его дожидался. Я спрятался,
 и вошъ чѣмъ издали увидѣлъ:
 они сошлись и въ ту же ми-
 нуту обнажили свои шпаги.
 Сраженіе ихъ было продол-
 жительно: они попеременно
 нападали другъ на друга съ
 большимъ искусствомъ и храб-
 ростью. Наконецъ побѣда ос-
 талась на сторонѣ Дона Ло-
 пецца. Онъ прокололъ моего
 господина такъ, что шолъ

упалъ на землю; а самъ убѣ-
жалъ, доволенъ будучи своимъ
мщеніемъ. Я бросился къ не-
счастному Дону Матіасу. Онъ
былъ уже безъ памяти и поч-
ти безъ дыханія. Такое зрѣли-
ще меня пронуло: я не могъ
удержаться, чѣмбы не опла-
кать смерти, кошорой безъ
всякаго намѣренія былъ, такъ
сказать, орудіемъ. Однакожь,
не смотря на печаль мою, не
забылъ я и о собственной сво-
ей пользѣ: потчасъ ворошил-
ся домой, и не говоря нико-
му ни слова, завязалъ всѣ свои
пожишки въ узелъ, куда по-
ложилъ также невзначай нѣ-
кошорыя вещи моего госпо-
дина, и ошнесъ все это къ

цырюльнику; у него же было еще и пешиметрское мое плашье. Потомъ распространилъ я по всему городу извѣстіе о печальномъ происшествіи, котораго былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Я рассказывалъ его всякому, кто только хотѣлъ меня слушать, особливо же не пропустилъ увѣдомить о томъ Родригеца. Онъ не столько печалился, сколько думалъ о мѣрахъ, какія надобно было ему принять по этому случаю. Собралъ всѣхъ служителей, приказалъ онъ имъ идти за собою, и мы всѣ отправились на Сенжерменской лугъ. Мы подняли

Дона Матіаса, который еще дышалъ, и принесли его домой; черезъ при часа онъ скончался. Такимъ образомъ Донъ Матіасъ де Сильва лишился жизни за то, что вздумалось ему не ксташи читашъ подложныя любовныя письма.

ГЛАВА IX.

Какое мѣсто нашелъ себѣ Жилблазъ по смерти Дона Матіаса де Сильвы.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ погребенія Дона Матіаса,

всѣ служители его были у-
 довольствованы жалованьемъ
 и опущены. Я перебрался
 къ пріятелю моему цырюль-
 нику, съ которымъ свелъ
 самую тѣсную связь. У него
 надѣялся я жить гораздо ве-
 селѣе, чѣмъ у Мелендеца. Не
 имѣя недоспашка въ день-
 гахъ, не спѣшилъ я искашь
 себѣ новаго мѣста; при томъ
 же сдѣлался слишкомъ раз-
 борчивъ. Я хотѣлъ служить
 только у знатныхъ господъ,
 и при такой еще должноти,
 которая соотвѣтствовала бы
 моимъ достоинствамъ. Самое
 лучшее мѣсто казалось для
 меня низко: только званіе
 камердинера молодаго знат-

наго дворянина имѣло въ глазахъ моихъ преимуществъ предъ прочими служишельскими должностями.

Въ ожиданіи, пока счастье доставитъ мнѣ такое мѣсто, какого я по заслугамъ моимъ почишалъ себя дошойнымъ, разсудилъ я посвятивъ свободное время прекрасной моей Лаурѣ, которую не видалъ послѣ забавной нашей встрѣчи у Арсеніи. Я не смѣлъ одѣться Дономъ Цезаремъ де Риборою, чтобы не почли меня за сумасшедшаго: въ этошъ костюмѣ я могъ только переряжаться. Но и безъ того плащъ и обувь у меня были

довольно чисты, а волосы
очень хорошо причесаны. И
такъ нарядился я съ помо-
щію цырюльника: нарядъ
мой предсшавлялъ средину
между Дономъ Цезаремъ и
Жилблазомъ. Въ эпомъ видѣ
пришелъ я въ домъ Арсеніи,
и засшалъ Лауру одну въ
той же самой комнаѣ, въ
которой прежде разговари-
валъ съ нею. „Ахъ, эпо ты!
вскричала она, увидѣвъ меня;
а я думала, что тебя уже
нѣтъ на свѣѣ. Еще за не-
дѣлю предъ симъ тебѣ по-
зволено было придти ко мнѣ.
Ты, какъ я вижу, не упо-
требляешь во зло правъ, ко-

порыми позволяють тебѣ пользоваться дамы.“

Я извинялся смертію моего господина и разными хлопотами, прибавивъ съ нѣжностью, что и во время занятій моихъ, милая Лаура ни на минушу не выходила у меня изъ памяти — „Если шакъ, сказала она, то я не стану болѣе упрекать тебя: признаюсь, что и я также о тебѣ думала. Лишь только узнала я о несчастіи Дона Матіаса, то пришла мнѣ въ голову мысль, копорая, можетъ быть, и тебѣ будетъ непротивна. Госпожа моя давно уже проговаривала, что ей хочется и-

мѣшъ управителя, который бы зналъ хорошо хозяйство, и велъ счесть всѣмъ домашнимъ расходамъ. Я тотчасъ вспомнила о вашей милости; мнѣ кажется, что вы не худо исправите эту должность.“— Какъ не лѣзя лучше! отвѣчалъ я. Я читалъ Аристошелевы сочиненія о хозяйствѣ; вещи же счесть мое дѣло.... Но, моя милая, одно только удерживаетъ меня отъ вступленія въ службу къ Арсенію.—,,Что такое?“— Я поклялся никогда не служить мѣщанамъ, и поклялся въ томъ Спиксомъ. Когда Юпитеръ не осмѣлился нарушить этой клятвы, то

посудите, какъ свято долженъ хранить ее простой лакей.—, Что называешь ты мѣщанами?—спросила горничная гордо: за кого принимаешь актрису? Не за адвокатскихъ ли, или прокурорскихъ женъ? Знай, мой другъ, что актрисы благородны, преблагородны, по пѣснымъ связямъ ихъ съ знашными господами.“

—Когда такъ, моя красавица, сказалъ я, то охотно принимаю предлагаемое вами мѣсто. Конечно эшимъ я не унижу себя?—, Нимало, отвѣчала она: перейдя служишь отъ пеллиметра къ театральной героинѣ, ты

осшанешься въ томъ же самомъ кругу. Опъ знашныхъ особъ мы не опсшаемъ ни на шагъ: экипажъ имѣемъ такой же, какъ они — пьемъ и ѣдимъ также хорошо, однимъ словомъ, по образу жизни мы совершенно одинаковы. И дѣйствительно, когда посмотришь на Маркиза и актера, то найдешь почти одно и то же. Если Маркизъ при четверти дня, по званію своему, бываетъ выше актера, то актеръ, опсальную четверть, представляя ролю Императора или Короля, гораздо еще выше Маркиза. Если поставишь насъ на одни вѣсы съ при-

дворными, то благородство и знатность ихъ не перепянутъ насъ ни на одинъ квинтъ. — О, конечно! сказалъ я, вы не уступите другъ другу. Я прежде совсемъ не такъ думалъ объ актеряхъ. Вы поселили во мнѣ тщеславную охоту служить такимъ честнымъ людямъ. — „Хорошо, приходи же сюда черезъ два дни; а между тѣмъ я поговорю о тебѣ съ моею госпожею, и расхвалю тебя, какъ не лъзя болѣе. Я у нее въ милости, и увѣрена, что ты будешь у насъ въ домѣ.“

Я благодарилъ Лауру за ея ко мнѣ расположеніе, и

съ такимъ воспоргомъ изъ-
 являлъ мою признательность,
 что она не могла въ ней со-
 мнѣваться. Разговоръ нашъ
 былъ довольно продолжите-
 лень и кончился бы еще не
 скоро, еслибъ маленькой ла-
 кей не пришелъ сказать моей
 принцессѣ, что ее спраши-
 ваетъ Арсенія. И такъ мы
 должны были расстаться. Я
 вышелъ въ сладкой надеждѣ,
 что скоро буду жить съ воз-
 любименною своею подъ одною
 кровлею. Черезъ два дни
 опять я шуда явился. „Я
 дожидалась тебя, сказала
 мнѣ Лаура. Ты теперь уже
 нашъ. Ступай за мною: я
 представлю тебя моей го-

спожѣ.“ При сихъ словахъ повела она меня черезъ пять или шесть комнатъ, убранныхъ одна лучше другой.

Какая пышность! какое великолѣпіе! Мнѣ казалось, что я былъ у Вице-Королевы, или лучше сказать, воображалъ, что вижу собраніе богатствъ со всего свѣта. Въ самомъ дѣлѣ собраны были здѣсь богатства изъ многихъ земель. Эти комнаты можно было называть храмомъ богини, кошорой каждый путешественникъ приносилъ въ жертву какія нибудь рѣдкости своей страны. Богиня, упишанная царами жертвоприношеній, сидѣла на боль-

шомъ апласномъ диванъ (*Estrado**). Она была въ преле-
стномъ дезабилье; ея нѣжныя
ручки занимались пригото-
вленіемъ новаго головнаго убо-
ра для назначенной ей въ
тотъ день роли. „Вотъ, су-
дарыня, сказала ей горнич-
ная, эконома, о кошоромъ я
вамъ докладывала. Смѣю васъ
увѣришь, что лучше его не
льзя сыскашь.“ Арсенія по-
смошрѣла на меня очень при-
сшально, и я имѣлъ счастье

---

*) *Estrado*, нѣсколько возвыщенное
мѣсто въ пріемныхъ комнашахъ
Испанцевъ, покрытое коврами и
подушками; на немъ сидяшъ дамы
и принимающъ визиты.

понравишься ей. „Въ самомъ дѣлѣ, Лаура, сказала она, это прекрасный малой: кажется, мы съ нимъ поладимъ.“ Потомъ оборотясь ко мнѣ: „другъ мой, прибавила она, ты мнѣ понравился, и я скажу тебѣ только то, что ты будешь мною доволенъ, если я буду довольна тобою.“ Я отвѣчалъ, что постараюсь служить ей, какъ можно лучше. Увидѣвъ, что дѣло кончено, тотчасъ пошелъ я за моими пожитками и возвратился назадъ, чтобы вступить скорѣе въ назначенную мнѣ должность.

ГЛАВА X.

Не длиннѣе предъидущей.

Время уже было идти въ театръ. Госпожа моя приказала мнѣ и Лаурѣ проводить ее туда. Пришедши въ театръ, вошли мы съ Арсеніею въ ея уборную, гдѣ она скинувъ свое обыкновенное платье, надѣла другое, гораздо великолѣпнѣе, чшобы показаться въ немъ на сцену. Когда представленіе началось, то Лаура повела меня въ такое мѣсто, откуда я могъ хорошо видѣть и слышать актеровъ. Большая

часшѣ изъ нихъ не понравилась мнѣ, конечно потому, что я предубѣжденъ былъ прошивъ нихъ замѣчаніями Дона Помпео. Не смотря на то, многіе удостоились рукоплесканій публики, и при этомъ случаѣ пришла мнѣ на память басня о поросенкѣ.

Лаура, сидя возлѣ меня, сказывала мнѣ имена актеровъ и актрисъ, по мѣрѣ появленія ихъ на сцену. Не довольна шого, что называла всѣхъ ихъ по именамъ, она описывала ихъ мнѣ самыми дурными красками. „Этомъ, говорила она, давно уже сошелъ съ ума; а томъ надупой дуракъ. Эта удалая красавица, которой

одинъ уже видъ показываетъ гораздо болѣе наглости, нежели ловкости, называется Розардою. Она не много приноситъ пользы нашей труппѣ: лучше бы ей вступитъ въ ту, которую набираютъ теперь по повелѣнію Вице-Короля Новой Испаніи, и которая скоро отправится въ Америку. Посмотри на эту блестящую звѣзду, появляющуюся на сцену, на это прекрасное заходящее солнце — это Касильда. Еслибъ съ cadaго изъ своихъ любовниковъ собирала она по одному только камню и вздумала, подобно извѣстной Египетской прелестницѣ, по-

спроить изъ эпихъ камней пирамиду, по вѣрно могла бы построить такую, которая достала бы до прешьяго неба.“— Такимъ образомъ Лаура перебрала всѣхъ по одиначкѣ. Опроклятой языкъ! онъ не пощадилъ даже и самой нашей госпожи.

Признаюсь въ слабости, что не смогъ на дурной нравъ горничной, я восхищался ею. Она злословила съ шакою пріятностію, что ея злословіе по неволѣ мнѣ нравилось. По окончаніи каждаго дѣйствія вспавала она и ходила освѣдомляться, не имѣешь ли Арсенія въ ней нужды; но вмѣсто того,

чтобы скорѣе ворошиться
 назадъ и сѣсть на свое мѣ-
 сто, оставалась долго за
 кулисами и принимала отъ
 услужливыхъ мужчинъ ласки
 и комплименты. Однажды
 пошелъ я за нею и увидѣлъ,
 что у нее было обширное
 знакомство. Я насчиталъ
 трехъ актеровъ, которые
 останавливали ее одинъ по-
 слѣ другаго. Обхожденіе ихъ
 съ нею показалось мнѣ слиш-
 комъ уже короткимъ. Это
 не понравилось мнѣ, и пер-
 вый разъ въ жизни, почув-
 ствовалъ я, что значишь
 быть ревнивымъ. Я сѣлъ на
 свое мѣсто, и задумался. Ла-
 ура, возвратившись ко мнѣ,

шопчасъ замѣшила это. „Что
 съ шобою сдѣлалось, Жил-
 блазь?—спросила она съ уди-
 вленіемъ. Какая грусть безъ
 меня шобою овладѣла? Ты,
 кажешся, сердишъ.“ — И не
 безъ причины, сударыня, оп-
 вѣчалъ я: обхожденіе ваше
 съ другими не слишкомъ мнѣ
 нравится. Я видѣлъ, какъ
 вы съ актерами . . . . „Есть
 о чемъ печалиться, прервала
 она со смѣхомъ. Не ужьли
 это огорчаетъ тебя? О, мой
 другъ, и не то еще увидишь
 между нами! Тебѣ надобно
 привыкать къ нашему не-
 принужденному обращенію.
 Перестань ревновать: мы
 смѣемся надъ ревнивцами,

да между нами совсемъ почти ихъ и нѣтъ. Опцы наши, мужья, брашья, дяди и племянники, самые снисходительные и услужливые люди.“

Сдѣлавъ мнѣ увѣщаніе, чтобы я не имѣлъ ни на кого подозрѣнія и смолчѣлъ на все равнодушно, она объявила мнѣ, что я пошъ счастливой смертной, который нашелъ путь къ ея сердцу. Потомъ увѣряла, что всегда будетъ любить только одного меня. Послѣ этаго увѣренія, въ которомъ очень можно бы мнѣ было усумниться, не прославъ впрочемъ недовѣрчивымъ человекомъ, я общался ей, что не

стану болѣе превозишьяся,
 и сдержалъ свое слово. Въ
 тошъ же вечеръ разговари-
 вала она и хохотала съ му-
 щинами. Когда піеса окончи-
 лась, госпожа наша и мы
 возвратились домой. Едва
 успѣли мы войти въ ком-
 нату, какъ Флоримонда, съ
 премою спарыми господами и
 однимъ актеромъ, пришли къ
 намъ ужинашъ. Въ эпомъ
 домѣ, кромѣ Лауры и меня,
 были еще кухарка, кучеръ и
 маленькой лакей. Всѣ мы пя-
 шеро принялись за дѣло: ку-
 харка, неуступавшая въ ма-
 стерствѣ своемъ Гіациншѣ,
 готовила кушанье вмѣстѣ съ
 кучеромъ; горничная и ма-

ленькой лакей накрывали на столъ; а я убиралъ буфетъ, состоящій изъ самой лучшей золотой и серебряной посуды, кошорая также принесена была въ жертву богинѣ сего храма. Я украсилъ его бутылками съ разными винами, и исправлялъ должность виночерпія, желая показашъ господамъ моей, что я ко всему способенъ. Я удивлялся поступкамъ актрисъ во время стола: онѣ играли роли знашныхъ дамъ. Не только не давали господамъ приличныхъ званіямъ ихъ шишловъ, но даже не говорили имъ и слова: *сударь*, а называли ихъ просто по име-

намъ. Правду сказать, они сами избаловали ихъ дружескимъ своимъ обращеніемъ. Актеръ, съ своей стороны, привыкши представлять героевъ, обходился съ эпими кавалерами также попросту: пилъ за ихъ здоровье, и игралъ, такъ сказать, за споломъ первую ролю. — Теперь вижу, сказалъ я самъ себѣ, что Лаура говорила мнѣ правду: Маркизь и актеръ дѣйствительно почти весь день походятъ другъ на друга; но она могла бы прибавить, что ночью еще болѣе между ними сходства, ибо по ночамъ они пьянствуютъ вмѣстѣ. —

Арсенія и Флоримонда были веселаго нрава. Онѣ опускали множество острыхъ и забавныхъ словъ, въ которыхъ однако благопристойность неслишкомъ строго была соблюдаема; смѣялись, шутили и, время отъ времени, оказывали небольшія ласки старымъ грѣшникамъ, кошорые отъ воспорга не помнили самихъ себя. Въ то время, какъ госпожа моя забавляла своими невинными ласками одного изъ нихъ, подруга ея, сидѣвшая между двумя другими, не предсказывала цѣломудренной Сусанны. Между тѣмъ, какъ я разсматривалъ эту картину, ко-

шорая имѣла много преле-
 сшей для старыхъ юношей,
 принесли дессертъ. Поста-
 вивъ на столъ бутылки
 съ виномъ и рюмки, по-
 шелъ я ужинать съ Лаурою.
 Она уже дожидалась меня.
 „Ну, Жилблазъ, спросила она,
 что думаешь ты объ этихъ
 господахъ?“—Это конечно, ош-
 вѣчалъ я, обожатели Арсеніи и
 Флоримонды.--„Никакъ нѣтъ,
 это старые сластолюбцы,
 копорые подлипають къ ко-
 кешкамъ, какъ пчелы: то къ
 одной, то къ другой, попе-
 ремѣнно, не пребуя ошъ
 нихъ ничего, кромѣ небольшо-
 го снисхожденія. Они столь
 великодушны, что за малѣй-

шія ласки плашашъ очень щедро. Слава Богу! ни госпожа моя, ни Флоримонда не имѣюшъ шеперь любовниковъ, я хочу сказать, такихъ любовниковъ, которые присвоиваютъ себѣ права мужей и хотятъ располагать всѣми удовольствіями въ домѣ пошому только, что на все даютъ свои деньги. Что до меня касается, то я этому очень рада и швердо стою въ томъ, что умная кокетка должна избѣгать подобныхъ обязательствъ. Зачѣмъ добровольно налагать на себя узы? Гораздо лучше собирать помаленьку деньги на свое

содержаніе, нежели получишь его вдругъ за такую цѣну.“

Когда Лаура давала волю своему языку (а это всегда почти бывало съ нею): то не скоро могла удержашь его; одно слово погоняло другое. Она рассказала мнѣ тысячу приключеній, случившихся съ актрисами Принцевой труппы, и я увидѣлъ изъ рѣчей ея, что ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не лѣзя мнѣ было столь скоро и совершенно узнать о всѣхъ вообще порокахъ. По несчастію былъ я въ такихъ лѣшахъ, въ которыхъ не чувствуюшъ еще къ нимъ отвращенія, и надобно прибавишь, что гор-

ничная умѣла такъ хорошо описывать развращъ, что я смогрѣлъ на одну только привлекательную его спорону. Она не имѣла времени рассказать мнѣ и десятой части подвиговъ театральныхъ героинь, потому что говорила о томъ не болѣе трехъ часовъ. Кавалеры и актеръ ушли вмѣстѣ съ Флоримондою, кошую про-водили они домой.

Тутъ Арсенія позвала меня къ себѣ, и отдавая мнѣ деньги, сказала: „Вотъ тебѣ, Жилблазъ, десять пистолей; поди завтра поутру купи на нихъ, что нужно къ сполу. Пятеро или шестеро изъ

нашихъ господъ и дамъ будутъ у меня объдашь; постарайся, чшобы всего было довольноно.“—Сударыня, опвѣчалъ я, на эти деньги накуплю я сполько, чшо можно будетъ угоспить всю вашу шайку.—,,Прошу тебя, другъ мой, не употреблять впередъ эшаго низкаго выраженія. Обыкновенно говорятъ: шайка разбойниковъ, шайка нищихъ, шайка сочинителей; когда же говорится объ актерехъ, то всегда употребляется слово: *общество*. Особливо Мадридскіе актеры заслуживаютъ, чшобы сословіе ихъ называли обществомъ.“— Я просилъ прощенія

у госпожи моей въ помъ, что употребилъ споль непочтительное выраженіе; просилъ съ сокрушеннымъ сердцемъ извинишь мое невѣжество, и обѣщаль, что впредь когда только случится мнѣ говорить о господахъ Мадридскихъ актерахъ собиравательнымъ образомъ, всегда скажу: общество.

ГЛАВА ХІ.

Какимъ образомъ актеры жили между собою, и какъ обходились они съ соизнителями.

На другой день по утру отправился я со двора по

должности эконома. День былъ постной, однакожь я, по приказанію моей госпожи, накупилъ цыплятъ, кроликовъ, рябчиковъ и другой живности. Господа актеры, будучи недовольны строгостію, съ какою обходились съ ними церковь, и сами не слишкомъ строго соблюдающъ ея уставы. Я принесъ домой столько мяса, что, право, спало бы его во время карнавала на три дни для двѣнадцати человекъ. Кухаркѣ было надъ чѣмъ пошурдиться все утро. Между тѣмъ, какъ она готовила обѣдъ, Арсенія встала и просидѣла до полудни за шуа-

лепомъ. Тутъ пришли два
 актера : Розимиро и Рихар-
 до, а потомъ двѣ актрисы:
 Констанція и Целинора. Ми-
 нушу спустя явилась и Фло-
 римонда съ однимъ изъ са-
 мыхъ модныхъ франтовъ.
 Волосы у него причесаны
 были щегольски, къ шляпѣ
 приколотъ былъ пучекъ блѣд-
 ножелтыхъ перьевъ, испод-
 нее плашье сидѣло въ обтяж-
 ку, а изъ подъ камзола вид-
 на была тонкая рубашка съ
 прекрасными кружевами. Пер-
 чашки его и плапокъ вош-
 кнуны были въ ефесъ у
 шпаги; епанчу же носилъ онъ
 съ какою то особенною прі-
 ятностію.

Хотя онъ былъ не дурень
и спашень собою, однакожь
я пошчасъ замѣшилъ въ немъ
что - то странное. — Этомъ
щеголь, сказалъ я самъ себѣ,
долженъ быть большой чу-
дакъ. — Я и не ошибся. Лишь
только вошелъ онъ въ ком-
нату, какъ бросился обни-
мать актрисъ и актеровъ,
одного послѣ другаго, съ ша-
кимъ воспоргомъ, какого не
изъявляющъ даже и пеши-
мепры. Я не перемѣнилъ
своего мнѣнія и тогда, ког-
да онъ началъ говорить. Онъ
останавливался на каждомъ
слогѣ, и произносилъ слова
важнымъ тономъ, съ разны-
ми плѣдвиженіями и взгля-

дами, смотря по матеріи. Я спросилъ изъ любопытства у Лауры, кто это кавалеръ? „Любопытство твое извинительно, сказала она мнѣ; не возможно въ первый разъ видѣть и слышать господина Карлоса Алонзо де ла Веншолеріа безъ того, чтобы не имѣть подобнаго своему желанія. Я опишу тебѣ его совершенно. Прежде былъ онъ актеромъ; оставилъ театр по прихоти, и послѣ раскаялся въ томъ по причинѣ. Замѣтилъ ли ты его черные волосы? Они подкрашены, брови и усы тоже. Онъ старѣе Сатурна; но какъ имя его при рожденіи не было вне-

сено въ метрическую книгу, то онъ, пользуясь такимъ упущеніемъ, выдаетъ себя по крайней мѣрѣ двадцатью годами моложе настоящаго. Во всей Испаніи не найдешь ни одного человека, который бы сколько былъ занятъ собою, какъ онъ. Первыя шестьдесятъ лѣтъ своей жизни провелъ онъ въ самомъ грубомъ невѣжествѣ; но желая подѣ спаростъ сдѣлаться ученымъ, нанялъ себѣ учителя, который выучилъ его складывать по Гречески и по Латынѣ. Сверхъ того, знаетъ онъ наизустъ множество забавныхъ сказокъ, которыя выдавая всегда за

свои собственные, дошелъ наконецъ теперь до того, что и въ самомъ дѣлѣ онъ ему такими кажутся. Онъ вмѣшиваешь ихъ во всякой разговоръ, и можно сказать, что разумъ его блистаетъ на счетъ памяти. Впрочемъ, говоряшъ, онъ былъ славной актеръ. Охотно этому вѣрю, но, признаюсь, мнѣ онъ не нравится. Я слышу иногда, какъ онъ здѣсь декламируетъ. Между прочими недоспашками, замѣтила я въ немъ слишкомъ принужденный выговоръ и дрожащій голосъ; онъ знаетъ все, что онъ ни говоритъ, кажется такъ старо и смѣшно.“

Вотъ какъ описала мнѣ
 Лаура эшаго Архикомедіанша.
 Въ самомъ дѣлѣ, не видывала
 я швари надутѣе его. Онъ
 старался опличаться неснос-
 нымъ своимъ краснорѣчіемъ,
 и не позабылъ разсказать двѣ
 или три изъ запасныхъ сво-
 ихъ повѣстей со всевозмож-
 нымъ жеманствомъ. Съ дру-
 гой стороны актрисы и ак-
 шеры, которые пришли туда
 не для того, чшобы молчать,
 не оставались нѣмыми. Они
 спали говорить объ опису-
 емыхъ своихъ повари-
 щахъ и, правду сказать, не
 совсемъ по христіански; од-
 накожь это можно просшить
 актерамъ и сочинителямъ.

„Знаете ли, милоспивыя госу-
дарыни, сказалъ Розимино,
что сдѣлалъ любезный нашъ
собрашъ Цезарино? Сего дня
по утру накупилъ онъ шел-
ковыхъ чулковъ, леншъ и
кружевъ, и научилъ малень-
каго пажа, чтобы онъ все
это принесъ къ нему и от-
далъ при насъ отъ имени
какой-то Графини.“—Какое
шарлапанство!— вскричалъ
господинъ де Веншолеріа съ
глупою и надмѣнною улыб-
кою. Въ мое время были го-
раздо совѣстнѣе: мы не спле-
тали подобныхъ басенъ. Пра-
вда, что знашныя дамы из-
бавляли насъ отъ эшаго шру-
да: онъ сами для насъ все

покупали. Имъ часто приходила въ голову такая прихоть... — „И теперь еще многія ее имѣють, прервалъ Рихардо: еслибъ позволено было объ этомъ распространиться... Но должно молчать о такихъ приключеніяхъ, особливо когда замѣшаны въ нихъ знашныя дамы.“

—Господа прервала Флоримонда, перестаньте пожалуйста говорить о вашихъ любовныхъ подвигахъ: они уже извѣстны всему свѣту. Поговоримъ лучше объ Именіи. Мнѣ сказывали, будто господинъ, который такъ много для нее попрашилъ, ускользнулъ изъ ея сѣтей.—

„Это правда, подхватила Констанція; скажу вамъ, что она лишилась также и приказнаго, котораго бы непременно разорила. Я обстоятельно объ этомъ знаю. Посланный ея сдѣлалъ ошибку: отдалъ господину письмо, писанное ею къ приказному, а то, которое слѣдовало отдать господину, отнесъ къ приказному.“—Въ самомъ дѣлѣ, моя милая, сказала Флоримонда, это преважная потеря!—„О господинѣ пужишь нечего, продолжала Констанція: онъ почти совсемъ промолчался; но приказной только что вышелъ въ люди. Онъ не успѣлъ еще побывать

въ рукахъ у кокетокъ. Можно пожалѣшь объ этой потерѣ!“

Такимъ почти образомъ разговаривали они до обѣда и за столомъ принялись опять за ту же матерію. Я не кончилъ бы никогда, еслибъ вздумалъ пересказывать всякой слышанной мною вздоръ и колкія насмѣшки на счетъ ближняго. Читатель простишь меня, когда я умолчу объ нихъ; а лучше вмѣсто того расскажу ему, какъ приняли бѣднаго сочинителя, который при концѣ стола пришелъ къ Арсеніи.

Маленькой нашъ лакей вошелъ и сказалъ госпожѣ моей

вслухъ: „Сударыня, васъ спрашиваешъ какой-то челоѣкъ, очень дурно одѣтой и забрызганной грязью по уши; кажется это, съ позволенія вашего сказать, спихошворецъ.“—Пусть войдетъ, ошвѣчала Арсенія. Не вспавайте, господа: вѣдь это сочинитель. Въ самомъ дѣлѣ то былъ авторъ одной трагедіи, кошорую хошѣли представляшь; онъ принесъ госпожѣ моей ея ролю. Педро де Моія (такъ звали его) вошедши въ комнашу, ошвѣсилъ собранію съ полдюжины низкихъ поклоновъ. Никшо однакожъ не шолько не привспалъ съ мѣсца, но

и не кивнулъ головою. Арсенія опивчала на всѣ учтивости, которыми онъ ее осыпалъ, однимъ только легкимъ наклоненіемъ головы. Съ робкимъ и смущеннымъ видомъ переступалъ онъ по комнату. Перчатки и шляпа вывалились у него изъ рукъ; онъ поднялъ ихъ, подошелъ къ моей госпожѣ, и подавая шепрадку съ большимъ гораздо почтеніемъ, нежели челобитчикъ подаетъ просьбу судѣ, сказалъ: „Благоволиште, сударыня, принять ролю, которую осмѣливаюсь вамъ представить.“ — Она взяла шепрадъ съ холоднымъ и презрительнымъ видомъ,

не удостоивъ его никакимъ
отвѣтомъ.

Это не устрашило нашего автора: пользуясь случаемъ, роздалъ онъ еще двѣ роли, одну Розимиру, а другую Флоримондъ, кошорые обошлись съ нимъ не лучше Арсеніи. Розимиро, будучи сполько же вѣжливе, какъ и большая часть господъ актеровъ, осыпалъ его колкими насмѣшками. Педро де Моія хоша и почувсвовалъ ихъ; но не смѣлъ отвѣчать, опасаясь повредить чрезъ то своей піесѣ. Онъ вышелъ, не сказавъ ни слова; но такой пріемъ, какъ я замѣшилъ, чрезвычайно его пронулъ.

Думаю, что онъ прочишалъ на счепъ актеровъ порядочный монологъ и излилъ на нихъ всю свою желчь и злобу, кошорыхъ они заслуживали. Актеры, съ своей спороны, когда онъ ушелъ, начали говорить о сочинителяхъ съ большимъ уваженіемъ. „Мнѣ кажется, сказала Флоримонда, что господинъ Педро де Моія вышелъ опъ насъ не очень доволенъ.“

—Есть о чемъ беспокоиться!—вскричалъ Розимино. Достойны ли сочинители нашего вниманія? Мы можемъ избаловать ихъ, если спанемъ обходиться съ ними, какъ съ равными. Я знаю

эпихъ господъ ; они скоро забывающся. Будемъ всегда поступать съ ними, какъ съ рабами, не опасаясь вывеспи ихъ изъ терпѣнія. Если они иногда съ досады и опсшають опъ насъ, то спраспъ къ авшорспву опять ихъ привлекаетъ къ намъ, и они почишають за великое для себя счасіе, когда мы соглашаемся играть ихъ піэсы.— „Ваша правда, сказала Арсенія; мы перьяемъ шолько шѣхъ сочинителей, которые дѣлають себѣ чрезъ насъ сосшояніе. Когда обсшоятельствва ихъ хошъ немного поправашся, то они предающся нѣгѣ и пересшають шру-

дишься. Къ счастію, ни общество наше, ни публика ничего отъ эпаго не теряютъ.“

Слова сіи заслужили всеобщее одобреніе. Собраніе заключило, что драматическіе писатели, не смотря на дурное обращеніе съ ними актеровъ, были еще имъ очень много обязаны. Эти господа фигляры спавили сочинителей несравненно ниже себя, и, конечно, не могли уже оказывать имъ большаго презрѣнія.

ГЛАВА XII.

Жилблазъ дѣлается страстными любителями театра; онъ предается удовольствіямъ театральной жизни, и скоро потомъ пугается отъ нея отверженіе.

Госпи просидѣли за столомъ до пѣхъ поръ, пока надобно было идти въ театръ. Они отправились туда все вмѣстѣ. Я пошелъ за ними, и опять видѣлъ представленіе. Мнѣ такъ понравилась комедія, что я рѣшился не пропускать ни одной. Это я и сдѣлалъ, и нечувстви-

тельно привыкъ къ акте-
рамъ. Особенно же плѣнялся
я — вошъ какова сила при-
вычки! — шѣми, которые бо-
лѣе кривлялись и дурачились
на сценѣ; однакожь не у од-
ного меня былъ такой вкусъ.

Не малое впечатлѣніе дѣ-
лало на меня и содержаніе
піэсъ. Нѣкоторыя изъ нихъ
приводили меня въ восхи-
щеніе; самыя же мои люби-
мыя были шѣ, въ которыхъ
выводили на сцену всѣхъ
Кардиналовъ или двѣнадцать
Перовъ Франціи. Многія мѣ-
ста изъ эпихъ несравнен-
ныхъ произведеній остались
навсегда въ моей памяти.
Въ два дни выучилъ я на-

изусшь цѣлую Комедію: Царица\цвѣтовъ. У Розы, по естѣ Царицы, Фіалка была наперсницей, а Ясминъ Шпалмейстеромъ. Я не находилъ ничего остроумнѣе эпихъ сочиненій, копорыя, по моему мнѣнію, приносили много чести остроумной нашей націи.

Не довольствуюсь обогащеніемъ памяти моей самыми лучшими мѣстами изъ образцовыхъ драматическихъ произведеній, я старался усовершенствовать свой вкусъ, и чшобы лучше въ томъ успѣть, слушалъ съ великою жадностію сужденія актеровъ. Если они хвалили піэсу,

то и я былъ ею доволенъ ;
 если она имъ не нравилась ,
 и я ни во что ее ставилъ .
 Я воображалъ себѣ , что они
 такіе же знашюки въ теат-
 ральныхъ сочиненіяхъ , какъ
 Ювелиры въ драгоцѣнныхъ
 камняхъ . Однакожь Трагедія
 Педро де Моія имѣла весьма
 большой успѣхъ , хошя всѣ
 актеры утверждали , что
 она будетъ освистана . Это
 не могло возбудишь во мнѣ
 недовѣрчивости къ ихъ суж-
 деніямъ ; я охотноѣ думалъ ,
 что публика не имѣетъ здра-
 ваго смысла , и не опважил-
 ся сомнѣваться въ справед-
 ливости мнѣній цѣлаго об-
 щества . Всѣ увѣряли меня ,

что новыя піэсы, которыя актерамъ не нравятся, обыкновенно принимаютъ на театрѣ съ рукоплесканіями; тѣ же напрошивъ того, которыя заслуживаютъ ихъ похвалу, почти всегда освистываются. Мнѣ сказывали, что они приняли себѣ за правило судить дурно о драматическихъ сочиненіяхъ; въ примѣръ этому приводили мнѣ множество піесъ, получившихъ успѣхъ вопреки ихъ приговорамъ. Я имѣлъ нужду во всѣхъ сихъ доказательствахъ, чтобы выдти изъ заблужденія.

Никогда не позабуду, что случилось при первомъ пред-

сшавленіи одной новой коме-
діи. Акшерамъ показалась она
суха и скучна; они думали
даже, что не кончатъ ее.
Съ такими мыслями сыгра-
ли они первое дѣйсшвіе, ко-
торое заслужило большую по-
хвалу. Это ихъ удивило. И-
грають въ второе дѣйсшвіе —
публика принимаетъ его еще
лучше перваго. Вотъ акше-
ры мои приходятъ въ смуще-
ніе.— „Что за чортъ — вскри-
чалъ Розимино — комедія у-
даешся!“ — Наконецъ играютъ
третье дѣйсшвіе, которое
еще болѣе нравится.— „Это
для меня не понятно, ска-
заль Рихардо; мы думали,
что піеса никому не понра-

вишся; а между шѣмъ, она всѣмъ доставила удовольствіе.“— Знаете ли, господа, сказалъ тогда очень откровенно одинъ актеръ, какая этому причина? Въ піесѣ много прекрасныхъ мѣстъ, кошорыхъ мы не замѣшили.

И такъ пересталъ я почитать актеровъ превосходными судьями, и сдѣлался справедливымъ цѣнителемъ ихъ достоинствъ. Они оправдали совершенно всѣ глупости, кошорыя имъ приписываютъ. Я видѣлъ актрисъ и актеровъ, избалованныхъ рукоплесканіями. Почитая себя достойными удивленія, они воображали, что предсав-

леніями своими дѣлають пуб-
бликѣ величайшее одолженіе.

Зам. Пороки ихъ не нравились
мнѣ, но къ несчастію образъ
жизни ихъ былъ слишкомъ
по моему вкусу. Я преда-
ся совершенно разврату. Мо-
жно ли было устоять про-
шивъ такого соблазна? Каж-
дое слово, которое я ошъ
нихъ слышалъ, пагубно было
для моей молодости; все,
что я ни видѣлъ, клонилось
къ развращенію моего нрава.
Когда бы я не зналъ, что
дѣлается у Касильды, Кон-
станціи и другихъ актрисъ,
то и одного дома Арсеніи
было бы очень достаточно
для моей гибели. Кромѣ

упомянутыхъ уже мною старыхъ господъ собирались туда пешиметры, молодые люди изъ хорошихъ фамилій, копорымъ, по милости росповщиковъ, было изъ чего дѣлать расходы, а иногда принимали туда и опкупщиковъ казенныхъ сборовъ, которые, вмѣсто того, чшобы получашъ плашу—какъ въ собраніяхъ своихъ — за присущствіе, плашили еще за то, что имъ позволялось здѣсь присутствовать.

Флоримонда, жившая въ сосѣдствѣ съ нами, обѣдала и ужинала всякой день у Арсеніи. Многіе удивлялись ихъ согласію. Не понятно

казалось, какъ двѣ кокешки могли бытъ между собою столь дружны, и воображали, что рано или поздно поссорятся онѣ за какого нибудь кавалера; но никто не зналъ хорошо этихъ искреннихъ пріятельницъ. Самая прочная дружба ихъ связывала. вмѣстѣ того, чтобы ревновать другъ къ другу, какъ то дѣлають прочія женщины, онѣ старались имѣть у себя общихъ любовниковъ. Имъ казалось гораздо благоразумнѣе раздѣлять между собою получаемую отъ мужчинъ добычу, нежели ссориться безразсудно за ихъ вздохи.

Даура, по примѣру сихъ

славныхъ союзницъ, пользо-
валась также своею моло-
досшію. Она говорила мнѣ
правду, что я увижу много
необыкновеннаго. Я не былъ
ревнивъ и общался сообра-
зовавшись съ поступками на-
шего общества. Я пришво-
рялся нѣсколько дней: спра-
шивалъ Лауру только объ
именахъ шѣхъ мужчинъ, съ
кошорыми заспавалъ ее на-
единѣ, и всегда получалъ отъ
нее одинакіе отвѣты: „это
мой дядя, это двоюродной
братъ.“— Сколько у нея было
родственниковъ! Право, го-
раздо болѣе, нежели у Царя
Пріама. Не довольно еще ей
было дядей и двоюродныхъ

брашневъ: она ловила въ свои сѣти постороннихъ, выдавая себя за знашную вдову у той доброй старушки, о которой уже я говорилъ. Словомъ : Лаура (чтобы дать чипашелю почное и совершенное о ней понятіе) была также молода, также пригожа и такая же кокетка, какъ госпожа ея, которая не имѣла предъ нею никакого другаго преимущества, кромѣ того, что публично забавляла публику.

Цѣлыя три недѣли упопалъ я, такъ сказать, въ роскоши и въ сладострасіи; однакожь долженъ признаваться, что и посреди самыхъ

удовольствій нерѣдко чув-
ствовалъ я мучительныя у-
грызенія совѣсти, что безъ
сомнѣнія происходило отъ
полученнаго мною воспитанія.
Распутство не могло вос-
поржествовать надъ совѣ-
стію; напрошивъ того, чѣмъ
болѣе предавался я разврату,
тѣмъ чувствительнѣе спа-
новились для меня ея упре-
ки. Наконецъ, благодаря сча-
сливому дѣйствію моихъ
природныхъ склонностей, об-
разъ жизни актеровъ омер-
зѣлъ мнѣ совершенно. „О не-
счастный!—сказалъ я самъ
себѣ—такъ ты исполня-
ешь ожиданіе своихъ роди-
телей? Развѣ не довольно

того, что ты обмануль ихъ, не сдѣлавшись учишелемъ? Можешь ли рабское швое состояніе препяшствовашъ тебѣ быть честнымъ человекомъ? Прилично ли тебѣ жишъ съ такими развращенными людьми? Зависшъ, гнѣвъ и скупосшъ царствуюшъ у однихъ; а другіе не знаютъ нималѣйшаго стыда. Здѣсь предаюшся лѣноспи и невождержанію, а шамъ гордосшъ доходишъ до наглоспи. Конечно: не хочу ошавашъся долѣ съ семью смершными грѣхами.“—

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

THESE THINGS ARE NOT TO BE
FORGOTTEN. THE FIRST OF WHICH
IS THAT THE PEOPLE OF THE
WORLD ARE NOT TO BE
FORGOTTEN. THE SECOND OF WHICH
IS THAT THE PEOPLE OF THE
WORLD ARE NOT TO BE
FORGOTTEN. THE THIRD OF WHICH
IS THAT THE PEOPLE OF THE
WORLD ARE NOT TO BE
FORGOTTEN. THE FOURTH OF WHICH
IS THAT THE PEOPLE OF THE
WORLD ARE NOT TO BE
FORGOTTEN. THE FIFTH OF WHICH
IS THAT THE PEOPLE OF THE
WORLD ARE NOT TO BE
FORGOTTEN. THE SIXTH OF WHICH
IS THAT THE PEOPLE OF THE
WORLD ARE NOT TO BE
FORGOTTEN. THE SEVENTH OF WHICH
IS THAT THE PEOPLE OF THE
WORLD ARE NOT TO BE
FORGOTTEN. THE EIGHTH OF WHICH
IS THAT THE PEOPLE OF THE
WORLD ARE NOT TO BE
FORGOTTEN. THE NINTH OF WHICH
IS THAT THE PEOPLE OF THE
WORLD ARE NOT TO BE
FORGOTTEN. THE TENTH OF WHICH
IS THAT THE PEOPLE OF THE
WORLD ARE NOT TO BE
FORGOTTEN.

II

T

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ.

Сшр.

- гл. V. Продолженіе повѣсши
о найденномъ перст-
нѣ. Жилбазъ перес-
таешъ лѣчишь, и ос-
тавляешъ Валладо-
лидъ. - - - - - 1.
- VI. Куда пошелъ Жил-
базъ изъ Валладолида,
и съ какимъ человѣ-
комъ встрѣшился на
дорогѣ. - - - - - 23.
- VII. Исторія цырюльника. 33.
- VIII. Жилбазъ и его шо-
варищъ встрѣшились

на дорогѣ съ человѣ-
комъ, который обма-
кивалъ въ колодезѣ
хлѣбныя корки; что
они съ нимъ говорили. 117.

ГЛ. IX. Въ какомъ состояніи
Діего нашелъ свою
родню, и послѣ какихъ
веселостей Жилбазъ
съ нимъ расстался. - 131.

КНИГА ТРЕТІЯ.

ГЛ. I. О прибытіи Жилбазы
въ Мадридъ и о пер-
вомъ господинѣ, у ко-
шораго онъ тамъ слу-
жилъ. - - - - - 152

— II. Какъ удивился Жил-
базъ встрѣтившись
въ Мадридѣ съ Капи-
таномъ Роландо; что
любопытнаго расска-
залъ ему эшотъ раз-

бойникъ. - - - - - 180.

ГЛ. III. Жилблазъ ошходитъ
ошъ Дона Бернарда
де Каспиль Блазо, и
опредѣляешся къ пе-
шиметру. - - - - 202.

— IV. Жилблазъ, познакомив-
шись съ своими сопо-
варищами, научаешся
ошъ нихъ чудесному
секрешу прослышъ ум-
ницей безъ всякаго
шрода. Какую спран-
ную кляшву застави-
ли они его сдѣлашъ. - 234.

— V. Успѣхи Жилблаза въ
любвнхъ дѣлахъ. Онъ
познакомился съ при-
гожею женщиною. - - 257.

— VI. Разговоръ нѣкошорыхъ
господъ объ акшерахъ
Принцевой шруппы. - 287.

ГЛ. VII. Ишторія Дона Помпео

- де Кастро. - - - - 305.
- ГЛ. VIII. Чшо заспавило Жил-
блаза искашь себѣ дру-
гаго мѣста. - - - - 334.
- IX. Какое мѣсто нашель
себѣ Жилблазъ по
смерши Дона Машіаса
де Сильвы. - - - - 353.
- X. Не длиннѣе предъиду-
щей. - - - - 366.
- XI. Какимъ образомъ ак-
теры жили между со-
бою, и какъ обходились
они съ сочинителями. - 382.
- XII. Жилблазъ дѣлаешся
спраспнымъ любите-
лемъ театра; онъ пре-
даешся удовольствіямъ
театральной жизни,
и скоро попомъ полу-
чаешъ ошъ нея ош-
вращеніе. - - - - 400.

де Кастро. - - - - 305.

ГЛ. VIII. Чшо заспавило Жил-
блаза искашь себѣ дру-
гаго мѣста. - - - - 334.

— IX. Какое мѣсто нашель
себѣ Жилблазъ по
смерши Дона Машіаса
де Сильвы. - - - - 353.

— X. Не длиннѣе предъиду-
щей. - - - - 366.

— XI. Какимъ образомъ ак-
теры жили между со-
бою, и какъ обходились
они съ сочинителями. - 382.

— XII. Жилблазъ дѣлаешся
спраспнымъ любите-
лемъ театра; онъ пре-
даешся удовольствіямъ
театральной жизни,
и скоро попомъ полу-
чаешъ ошъ нея ош-
вращеніе. - - - - 400.

Le Sage, Alain René,

Gil Blas de Santillana

Bd.: 2

St. Petersburg (1819)

P.o.gall. 1257 n-1/2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10093799-9